

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ:

События

Факты

Документы

И.А. Геевский

**МАФИЯ,
ЦРУ,
УОТЕРГЕЙТ**

**МАФИЯ,
ЦРУ,
УОТЕРГЕЙТ**

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ:

События

Факты

Документы

И.А. Геевский

**МАФИЯ,
ЦРУ,
УОТЕРГЕЙТ**

**Очерки
об организованной преступности
и политических нравах
в США**

**Москва
Издательство политической литературы
1980**

На 2-й стороне обложки:

*казино «Силвер Слипс» в Лас Вегасе,
принадлежавшее организованным преступникам.*

На 3-й стороне обложки:

*административно-жилищный комплекс «Уотергейт»
в Вашингтоне.*

Геевский И. А.

Г28 **Мафия, ЦРУ, Уотергейт: Очерки об органи-**
зованной преступности и политических нравах
в США.— М.: Политиздат, 1980.— 287 с., ил.

Книга доктора исторических наук И. А. Геевского в своей образной документально-публицистической манере показывает сложные, глубоко скрытые связи между организованной преступностью в США (мафией), полицией, ЦРУ и ФБР. Охарактеризованы сферы деятельности мафии: торговля наркотиками, бизнес на азартных играх, убийства по заказу, операции гангстеров в предпринимательской сфере. В книге приводятся опубликованные в американской печати факты, свидетельствующие, что преступность широко проникла даже в высшие эшелоны государственной власти в США («уотергейтское дело»).

Книга рассчитана на массового читателя.

Г 11105—337
079(02)—80

БЗ—12—42—80 0804000000

66.3(7США)
32И

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

Усилился идейно-политический кризис буржуазного общества. Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы. Коррупция становится все более явной, даже в высших звеньях государственной машины. Продолжается упадок духовной культуры, растет преступность.

Материалы XXV съезда
КПСС. М., 1976, с. 29.

Предлагаемая читателям книга — не всестороннее монографическое исследование. Это очерки о преступности, охватившей различные сферы американского буржуазного общества снизу доверху. Преступный подпольный мир, с одной стороны, и высшие сферы этого общества, с другой, отнюдь не отгорожены друг от друга непроницаемой перегородкой.

Автор хотел показать, что благоприятные экономические, политические, нравственные и психологические условия для расцвета организованной преступности в США создало в конечном счете господство монополистического капитала. «Монополии, — говорится в Программе Коммунистической партии США, — принижают и извращают интеллектуальные, моральные и культурные ценности ради удовлетворения неумемного аппетита монополистического капитализма. Рост организованной преступности во всех ее проявлениях, распространение коррупции в полиции и среди политических деятелей — все это также стало результатом господства большого бизнеса»¹.

Организованная преступность, или мафия, как ее называют, не только продукт «больного общества». Она его органическая часть, плоть от плоти американского капитализма. Процессы монополизации, присущие капиталистическому предпринимательству, вполне закономерно распространились на сферу преступности, приведя к созданию крупных преступных объединений. Вместе с тем методы гангстеризма охватывают сферу политики, используются государством. Один из примеров этого явления — участие преступного мира в грязных операциях ЦРУ.

Глубокий кризис, поразивший современное буржуазное общество, проявляется и в росте преступности в высших эшелонах власти. «Скандальные разоблачения темных политических махинаций, продажности, злоупотреблений властью, грубых нарушений закона со стороны наиболее высокопоставленных деятелей взрываются, как бомбы, то в одной, то в другой стране, демонстрируя разложение правящего класса. Рекордный рост преступности дополняет картину»² — эта характеристика, данная товарищем Л. И. Брежневым, в полной мере относится к современным Соединенным Штатам. Пожалуй, ни в одном государстве Запада коррупция, преступность, моральный упадок в такой степени не охватили правящий класс, как в США. Это, как в фокусе, отразилось в известном «уотергейтском деле».

«Мы, — говорил Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл на XXI съезде КП США, — должны добиваться, чтобы не были забыты уроки уотергейтского скандала». Этот скандал приоткрыл завесу, показав всему миру, что творится на политической кухне Вашингтона. Ставшие известными факты показали, что определенные группы в правящем лагере тяготеют к авторитарным методам правления. Вместе с тем, как отмечалось Компартией США, «уотергейтские разоблачения воочию продемонстрировали, что высший орган исполнительной власти, военные и полицейские ведомства в тайном сговоре с влиятельными представителями монополистического капитала занимались коррупцией, воровством, подкупами и вымогательством. Они показали, что президент Соединенных Штатов лично погряз в этом скандале и преступлениях»³. Не стави своей задачей дать всесторонний анализ «уотергейтского дела», автор стремился осветить именно этот его аспект, показывающий моральное разложение правящего класса.

Как показывают материалы книги, преступность на различных «этажах» американского общества — преступления частных и официальных лиц, гангстерских банд, капиталистических монополий и спецслужб — имеет один питающий ее источник и даже некоторые не только косвенные, но и прямые связи.

Раздел I

Организованная
преступность,
бизнес,
политика

Д. Дин. Итак, где же наши уязвимые места? Прежде всего опасность непрекращающегося шантажа, не только сейчас, но и до тех пор, пока эти люди (участники преступной операции в «Уотергейте». — Авт.) находятся в тюрьме. Нам придется давать им деньги, а это опасно. Нас могут обвинить в том, что мы препятствуем отправлению правосудия. Нам придется доставать деньги. Но люди, окружающие нас, не профессионалы в такого рода делах. Их умеют обделывать люди Мафии — «отмывание» денег, добытые «чистых» денег. Мы просто не знаем всего этого, потому что мы не уголовники, у нас нет опыта.

Р. Никсон. Верно.

Д. Дин. А научиться, как это делается, не так уж просто.

Р. Никсон. Может быть, привлечь какую-нибудь банду, чтобы она это сделала?

Д. Дин. Верно.

*Из разговора президента США
Р. Никсона со своим
юриисконсультом Д. Дином
21 марта 1973 года.*

Немного истории

Мафия в США... Ей посвящены сотни исследований и романов, кинофильмов и телепередач. Подробные сообщения об очередных деяниях ее главарей из дня в день печатаются на первых полосах газет. По своей известности они могут с успехом конкурировать с ведущими политиками, с популярными звездами экрана и эстрады. Гангстеры наряду с ковбоями стали главными персонажами, романтизированными героями городских вестернов.

Такая романтизация королей преступного мира не только результат коммерческого расчета, хотя, конечно, эксплуатация гангстерской тематики приносит немалые барыши Голливуду и средствам массовой информации. Она прежде всего обусловлена общими задачами идеологического воздействия на массы. Жития героев организованной преступности используются для подкрепления издавна насаждаемых буржуазной пропагандой культа насилия и мифа о «равных возможностях» любого мальчишки — чистильщика сапог или разносчика газет, который может стать миллионером. Ведь нынешние короли рэкета начинали свое детство в нужде, они перебрались в роскошные особняки из городских трущоб. Правда, их «путь вверх» обычно не укладывался в рамки законной деятельности. Но разве только у них? Главное — они вошли в число победителей во всеобщей гонке за Американской Мечтой — богатством. А победителей не судят, их увенчивают лаврами.

Слово «мафия» прочно вошло в США в политический лексикон. Но оно употребляется в разных смыслах. Первоначально оно относилось только к бандам, а затем к объединению преступников итальянского происхождения. В этом значении «мафия» в данной работе пишется с прописной буквы. С го-

дами слово «мафия» стало приобретать более широкое значение, использоваться в качестве синонима организованной преступности в целом. В этом собирательном смысле слово «мафия» * пишется в данной работе со строчной буквы.

Первые сообщения о Мафии в США относятся еще к концу прошлого века. Это был период массовой эмиграции из Италии за океан. Иммигранты обычно селились компактными группами, образуя на первых порах замкнутые сообщества. В Нью-Йорке густонаселенное итальянское гетто получило название «Маленькая Италия». Десятки тысяч итальянцев осели в Новом Орлеане. Почти все неграмотные, не знавшие языка, нравов и порядков своей новой родины, итальянские иммигранты становились легкой добычей уголовных элементов, среди которых, видимо, были члены итальянских секретных организаций — Мафии и Каморры. Действовали они с грубой простотой — облагали данью своих соотечественников. В Новом Орлеане такую банду вымогателей создали в 1890 году выходцы из Палермо братья Антонио и Карло Матранги. С помощью насилия и угроз они установили систему поборов в порту, где в основном работали иммигранты, прибывшие с юга Италии. Все докеры, капитаны прибывавших в порт судов и рыбаки вынужде-

* Относительно этимологии самого слова «мафия» существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи относят его происхождение еще к 1282 году, когда население Сицилии поднялось на борьбу против французского владычества. Слово «мафия» якобы образовалось из первых букв лозунга восставших: «Morte alla Francia, Italia anela»¹. Версия эта представляется сомнительной. В XIII веке идея единой Италии вряд ли существовала. Другие лингвисты ведут происхождение слова от арабских корней: от слова «махнас» («смелый», «смелость») или «му ахах» — «клан, охраняющий своих членов». Более обоснованы попытки связать происхождение слова «мафия» с лексикой сицилийцев XIX века. В сицилийско-итальянском словаре, изданном в 1868 году, говорилось, что слово «мафия» — неологизм и означает «проявление бравады», а словарь издания 1876 года говорит, что это слово обозначает «банда»². Таким образом, к этому времени слово «мафия» относилось и к организации, и к определенному виду человеческого поведения. И по сей день в некоторых районах Сицилии слово «мафиозо» употребляется в смысле «рисоваться», «искать дешевой популярности».

ны были платить дань главарям банды Антонио и Карло Матранги и их подручным. Начальник городской полиции Дэвид Хеннесси попытался начать расследование, но вскоре был смертельно ранен. Он отказался от предложенной ему взятки, и мафиози решили преподать ему и остальным официальным лицам урок. Жюри, разбиравшее дело, констатировало: «Существование секретной организации, известной как Мафия, не вызывает сомнений»³.

В эти первые десятилетия своего существования банды преступников, выходцев из Италии, напоминали сицилийскую Мафию. Они орудовали в районах, населенных своими соотечественниками, занимаясь вымогательством. Иногда на свои подметные письма с требованием денег они ставили знак — черный отпечаток ладони. Поэтому некоторые банды вымогателей стали именовать «Черная рука». «Черная рука» не представляла собой централизованное объединение. В исследовании Чикагского университета говорится: «Черная рука» не является организацией. Творимые ею насилия — дело рук отдельных необузданных преступников и преступных банд»⁴.

В начале нынешнего века в США существовала организация иммигрантов итальянского происхождения, члены которой называли ее «Онората сочитета» — «Благородное общество». Документальных свидетельств о его структуре, составе и деятельности не сохранилось. Некоторые исследователи считают «Благородное общество» непосредственным предтечей современной Мафии.

Наряду с итальянцами создавали свои банды представители других этнических групп — ирландцы, евреи, китайцы и другие. На протяжении всей истории США преступность, в том числе организованная, никогда не ограничивалась какой-то одной или несколькими этническими группами.

В первые десятилетия нынешнего века наряду с вымогательством главным видом преступной деятельности различных банд стала торговля «живым товаром», или «белыми рабынями», как тогда называли проституток. Наибольшую известность в преступном мире в этот период приобрел Большой Джим — Колосимо, который создал в Чикаго и дру-

гих городах сеть публичных домов и ночных ресторанов и организовал доставку девиц легкого поведения со всех концов страны.

С вступлением в силу «сухого закона», запретившего продажу алкогольных напитков, перед бандами открылись новые возможности для обогащения. 16 января 1920 года во многих американских газетах появилось платное объявление: «Наконец настал первый день трезвой Америки. Когда часы пробьют полночь, родится новая нация. Лига противников алкогольных напитков желает каждому мужчине, женщине и ребенку Америки первого счастливого трезвого года». Наивные поборники трезвости не предполагали, что в действительности начиналась пора повсеместной нелегальной торговли спиртными напитками и безудержного пьянства.

В преступном мире тоже не все главари сразу поняли, какие широкие ворота для обогащения открыл для них «сухой закон». Среди них был и Колосимо. Его племянник и главный партнер Джон Торрио по кличке Лис вскоре пристрелил своего дядю и занял его место. По сути дела, это было первое столкновение между поколением мафиози, выросшим в Италии, и новым поколением иммигрантов, уже успевшим американизироваться. Именно в 20-е годы начал формироваться действовавший в масштабах страны преступный синдикат. Видный специалист по проблемам организованной преступности Хэнк Мессик считает, что его «главными создателями являлись Торрио, Арнольд Ротштейн и Майер Лански... Талант этих людей проявлялся прежде всего в способности своевременно увидеть, когда по экономическим или социальным причинам один вид рэкета следовало заменить другим»⁵.

Нелегальная торговля алкогольными напитками приняла гигантские масштабы. Одного их тайного

На этих фотографиях люди, запятнавшие себя тяжкими преступлениями вплоть до убийств. Но они известны всей Америке. Их рекламируют и прославляют. Почему? «Секрет» прост. Эти главари гангстерских банд награбили огромные богатства. А в буржуазной Америке нет бога выше доллара. Слева на снимке: Аль Капоне.

производства на территории США стало недостаточно. Была налажена контрабандная перевозка спиртного через северную и южную границы, а также морем, в первую очередь через Нью-Йорк и другие порты восточного побережья. Крупные операции по тайному производству, контрабандной доставке, перевозке по стране, распределению и продаже спиртных напитков потребовали от участников этого преступного бизнеса четкой организации, прочных связей, сотрудничества и взаимного доверия. Центром бутлегерства, как стали называть торговлю контрабандными и иными спиртными напитками, стал Нью-Йорк. Местные бутлегеры определяли масштабы закупок и цены, решали, по каким каналам спиртная река потечет дальше по стране. В их руках, как тогда говорили, было «горлышко от бутылки». Естественно, они стремились закрепить свое главенствующее положение в этом нелегальном бизнесе и «навести порядок» в преступном мире. Кровавые междоусобицы только мешали им. Много усилий им приходилось тратить и на охрану транспортировки напитков от различных мелких банд грабителей. В конце 20-х годов представители крупнейших групп бутлегеров Северо-Востока и Чикаго Лучано, Гордон, Мадден и Дуайер, Сигел и Лански, Костелло, Цвиллман, Соломон и Аль Капоне основали «картель» для решения вопросов закупок и распределения спиртных напитков. Эту первую организацию бутлегеров называли «Большой семеркой». Характерно, что в нее входили представители различных этнических групп — итальянцы, евреи, ирландцы... «В период «сухого закона», — пишут американские социологи, профессора Фрэнсис Йанни и Элизабет Реусс-Йанни, — американцы итальянского происхождения отнюдь не являлись господствующей силой среди соперничавших банд бутлегеров. В 20-е годы доминирующие позиции захватили представители еврейской этнической группы, которые до них занимали ирландцы. О'Баннион, Моран, О'Доннелл, Бухгалтер, Кастел, Лански, Сигел, Вейсс и Цвиллман играли более важную, хотя и менее зловещую роль, чем Апелло, Капоне и Торрио»⁶.

*Луис Бухгалтер (справа)
Джузеппе Массерия.*

В бандах американцев итальянского происхождения в годы «сухого закона» стали намечаться важные сдвиги. Все сильнее становилась грызня не столько между различными бандами, сколько внутри них. К власти рвались молодые американизированные гангстеры. По их мнению, выросшие в Сицилии «старики», малограмотные, плохо говорившие по-английски, старомодно одетые, с деревенскими манерами (за глаза их называли «кочегарами» и «усатыми Питами»), изжили себя как главари преступного мира. Они продолжали в США междоусобицы, которые вели еще в Италии, отстаивали клановую замкнутость своих банд, отказывались вступать в сотрудничество с гангстерами неитальянского происхождения. Однако логика преступной деятельности, особенно расширение бутлегерства, требовала модернизации Мафии, приспособления к современным американским условиям. Первая такая попытка была предпринята на тайной встрече 21 босса Мафии в Кливленде в 1928 году. Они обсуждали во-

*Фрэнк Костелло (справа)
Вито Дженовезе.*

прос о прекращении междоусобиц. Больше сведений имеется о следующей встрече — в Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси) в 1929 году. Непосредственным организатором собрания был представитель молодого поколения гангстеров Фрэнк Костелло, снискавший себе репутацию искусного организатора и ловкого политика. В отеле «Президент» за огромным столом из красного дерева восседали самые влиятельные главари мафии из Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Филадельфии, Бостона и других крупных городов. «Наиболее зловещей фигурой на этом зловещем собрании был «человек со шрамом», влиятельный неаполитанец Аль Капоне, сделавший убийства повсе-

дневным событием чикагской жизни»⁷. На другом конце стола разместилось трио, которому суждено было вскоре стать самой влиятельной силой в преступном мире, — Чарли Лучано по прозвищу Лакки (Счастливчик), Фрэнк Костелло и Джо Адонис. Они явились инициаторами важных решений, содействовавших консолидации местных гангстерских «семей» в единую преступную организацию. Всю территорию страны поделили на сферы влияния между всеми «семьями». Главы «семей» включались в состав руководящего органа, который в литературе называют «национальным советом». Чтобы обеспечить стабильность руководства и предотвратить новые схватки в борьбе за власть, было решено, что ни один босс «семьи» не должен быть устранен без согласия совета. Создавался многомиллионный фонд для подкупа полиции, судей и политических деятелей. Мафия начинала приобретать специфически американские черты. Однако традиции сицилийской Мафии не были изжиты. Междоусобица продолжалась, и одного гангстерского босса сменял другой. К руководству нью-йоркской Мафии пришел Лучано. Он энергично взялся за ее реорганизацию. Направил свои усилия на то, чтобы повысить ее эффективность в сфере нелегального и легального бизнеса, довести до конца упорядочение внутренней структуры. Регулярно стали проводиться встречи глав «семей». Особенно важное значение имело собрание, проведенное в декабре 1934 года, вскоре после отмены «сухого закона». Обсуждали самый неотложный, волновавший всех вопрос: чем заменить золотую жилу — нелегальную торговлю спиртными напитками? Было решено развивать все традиционные виды деятельности — и рэкет в промышленности (вымогательство за «покровительство»), и ростовщичество («акулий промысел»), и торговлю наркотиками, и букмекерство. Но главный упор был сделан на азартные игры — от игры в числа до создания сети игорных автоматов («одноруких бандитов») и казино⁸.

Под руководством Лучано Мафия решила еще две важные задачи — расширила свои связи с миром политики и органами юстиции и установила проч-

ные связи — личные и организационные — с другими преступными группами. Главную роль в создании общенационального преступного объединения, или, как его называют, синдиката, сыграли Лучано и Лански. О них будет рассказано далее.

Мафия, «Коза ностра» или..?

Как же называется организация преступников итальянского происхождения, оформившаяся в США в конце 20-х — начале 30-х годов? Как именуется более широкое объединение различных организаций преступников, которое включает представителей различных этнических групп? По этому вопросу между американскими криминологами, социологами, журналистами и другими специалистами по проблемам организованной преступности вот уже несколько десятилетий не утихают споры. Почти каждый автор пользуется своей терминологией. В ходу такие определения, как «преступный синдикат», «преступная конфедерация»; главарей именуют «королями» и «премьер-министрами» преступного мира, руководящие органы — «комиссией», «национальным советом», «советом директоров», «невидимым правительством».

Что касается организации преступников итальянского происхождения, то чаще всего ее называли «Мафия». Но в 60-х годах появилось новое название «Cosa Nostra», что в переводе с итальянского означает «наше дело». Впервые его упомянул во время допросов гангстер Джозеф Валачи, принадлежавший к «семье» Вито Дженовезе. Директор ФБР Э. Гувер, отрицавший существование Мафии, заявил, что им раскрыта некая преступная организация под названием «Коза ностра». Однако многие работники органов полиции поспешили поставить под сомнение это утверждение. В связи с этим Ф. Кук писал: «Лучшие специалисты страны, которые прекрасно осведомлены о преступном мире, единодушно утверждают, что они никогда не слышали название «Коза ностра» до того, как его использовал Валачи... Это вызывает некоторые сомнения относительно обоснованности рассказа Валачи»¹.

Скорее всего, название «Коза ностра» действительно использовалось в «семье», к которой принадлежал Валачи, то есть являлось одним из многих названий преступной организации, которые употребляли сами гангстеры. Однако нет никаких оснований считать, будто бы «Коза ностра» и Мафия — это две различные организации. «Независимо от наименования, — справедливо отмечал Ф. Кук, — важнейшим фактом является существование преступной организации. Ее называли Мафией, Юнионе Сицилиана, Комбинейлн, Синдикат, а теперь Валачи называет ее «Коза ностра». Как именно она называется — является второстепенным вопросом. Главное в том, что реально существует тайная организация, невидимое правительство преступного мира... Она не является единственной организацией преступников в Америке, но она — самая крупная, наиболее зловещая и опасная среди них»².

Какова внутренняя структура этой организации? Наиболее обстоятельно этот вопрос исследован профессором социологии Калифорнийского университета Дональдом Кресси³. Он считает, что она состоит из 24 территориальных групп, называемых часто «семьями», которые действуют в 20 штатах. Численность каждой из них колеблется от 20 до 800 человек. Наиболее крупные и влиятельные «семьи» в Нью-Йорке, где с начала 30-х годов традиционно существует 5 «семей», а также в штатах Нью-Джерси, Иллинойс, Флорида, Луизиана, Невада, Мичиган и Род-Айленд. Во главе стоит босс, которого также иногда называют по-итальянски «дон». В Нью-Йорке иногда главу «семьи» именовали «крестным отцом» («godfather»). Босс пользуется почти абсолютной властью в своей «семье», его авторитет непререкаем, его приказы подлежат неукоснительному выполнению. Босс назначает своего «заместителя», или «соттокапо». Он передает его приказы, собирает информацию для босса, а в его отсутствие выполняет все его функции. Равное с «заместителем» положение занимает так называемый «советник» («консильере»). Обычно это старейший член организации, также назначаемый боссом. Сам он не из-

дает приказов или распоряжений. Его авторитет и влияние определяются тем, что он носитель традиций и опыта «семьи», доверенное лицо босса, дает советы всем ее членам, включая ее главу. Важную роль в руководстве «семьи» занимает так называемый «баффер» («buffer»), который является связующим звеном между боссом и членами «семьи». Для того чтобы иметь алиби на случай провалов, «босс» избегает вступать в непосредственные контакты с членами «семьи», получать деньги, лично разбирать конфликты между ними. Всем этим от его имени занимается «баффер». На более низком уровне в иерархии находятся «лейтенанты» («капореджиме»). Они возглавляют группы рядовых мафиози. У «лейтенантов» имеется один-два помощника, которые непосредственно общаются с рядовыми Мафии, которых именуют «солдатами», или «пуговицами» («button men») ⁴.

Прием в члены Мафии проводится с традиционным ритуалом. Торжественно-таинственная процедура призвана подчеркнуть значение приема в организацию, укрепить ее внутреннюю сплоченность, связать всех членов скрепленной кровью клятвой соблюдать круговую поруку.

Рядовые мафиози занимаются обычно одним или несколькими видами преступной деятельности; часть доходов они обязаны отдавать организации. Сами они связаны с различными мелкими уголовниками, которые промышляют торговлей наркотиками, принимают ставки в азартных играх, содержат тайные публичные дома и т. д. Эти люди не являются членами организации, но зачастую осуществляют преступный бизнес с ее разрешения, выплачивая ей часть своих барышей. В случае столкновений рядовых мафиози с их неорганизованными конкурентами, нарушения договоренностей, сроков выплат и других конфликтов на стороне первых — вся мощь их организации. Они также имеют и то преимущество перед неорганизованными преступниками, что пользуются покровительством со стороны подкупленной полиции. В случае же ареста мафиози «семья» принимает меры для его освобождения, вносит деньги для освобождения под залог, оплачи-

вает адвокатов, оказывает материальную помощь родственникам.

Такова внутренняя структура «семей» Мафии. Она хорошо приспособлена к тому, чтобы вести нелегальную и легальную деятельность, поддерживать жесткую дисциплину среди всех членов, обеспечивать безопасность главарей.

Организация имеет свой руководящий орган. «На основе информации, полученной от Джозефа Валахи и других осведомителей,— говорил Р. Кеннеди на слушаниях в одной из сенатских подкомиссий,— мы знаем, что «Коза ностра» руководится комиссией и что руководители организации в большинстве крупных городов ответственны перед ней. Нам также известно, что число активных членов комиссии колеблется от 9 до 12, мы знаем их поименно»⁵.

Такова структура разветвленной преступной организации лиц итальянского происхождения, которая в данной работе именуется Мафией. О том, какое место занимает эта организация, ее 24 «семьи» в системе организованной преступности в целом, существуют различные точки зрения. Д. Кресси считает, что организация гангстеров итальянского происхождения «контролирует всю, за небольшим исключением, деятельность организованных преступников в США»⁶. Прямо противоположного взгляда придерживается Х. Мессик. «Если все члены Мафии (или «Коза ностра») были бы посажены за решетку,— утверждает он,— организованная преступность осталась бы столь же влиятельной, как и раньше»⁷. Представляется, что и Д. Кресси, и Х. Мессик допускают сильные преувеличения. Крайность, в которую впадает Д. Кресси, видимо, связана с тем, что именно история и деятельность гангстеров итальянского происхождения привлекала наибольшее внимание американской печати, специалистов и органов юстиции. «В США,— писал Н. Гейдж,— действуют рэкетеры, принадлежащие ко всем этническим группам. Но когда бы гангстеры ни изображались в книгах или в фильмах, они всегда имеют итальянские имена»⁸. Конференция американских криминологов пришла к выводу относительно собственно Мафии («Коза ностра»), что,

хотя «эта организация не представляет организованную преступность в целом, почти не было попыток дать характеристику остальных организаций»⁹. А между тем такие организации орудуют во многих районах страны. Например, в Кливленде со времени «сухого закона» действует так называемый «Кливлендский синдикат». Его заправилы — Мозес Далитц, Моррис Клейнман, Сэм Таккер, Луис Роткопф. В общенациональном масштабе проводит свои операции Майер Лански, который в течение почти полувека являлся главенствующей фигурой среди организованных преступников, «финансовым гением» преступного мира.

Что же такое организованная преступность в целом? Это сложный социальный феномен. Для его правильного понимания необходимо очертить рамки, существо, характерные элементы этого явления. В американской криминологической и политической литературе было предпринято немало попыток дать определение организованной преступности. Одним из первых сделал это известный публицист и политический обозреватель Уолтер Липпман. Еще в 1931 году в статье «Преступный мир: наш тайный служитель» он писал, что в отличие от обычной (ее также называют уличной или общеуголовной. — Авт.) преступности, которая носит полностью грабительский характер, организованная преступность связана с предоставлением «определенных услуг или товаров»¹⁰. Отмечая только одну особенность организованной преступности, определение Липпмана, однако, не вскрывает другие ее важнейшие признаки.

Некоторые американские специалисты сужают понятие организованной преступности до такой степени, что она теряет свои основные специфические черты и почти сливается с общеуголовной преступностью, становясь «почти безобидной». Так, криминолог Альфред Ландсмит определяет ее как особую форму «сотрудничества нескольких лиц или групп для обеспечения успешности их преступной деятельности»¹¹. Он видит элементы организованной преступности в «сотрудничестве» совместно действующих карманников или мошенников на ипподроме.

Профессор университета штата Огайо Уолтер Рэк-лисс также отождествляет преступную деятельность с существующими в течение ряда лет шайками карманников и похитителей детей и других жуликов¹². Президентская комиссия по применению закона и отправлению правосудия в своем докладе (1967) дала более развернутое определение: «Организованная преступность — это ассоциация, которая стремится действовать вне контроля американского народа и органов власти. Она включает в себя тысячи преступников, действующих в рамках таких же сложных структур, как структуры крупных корпораций, и подчиняющихся своим законам, которые применяются с большей жестокостью, чем законы государства. Ее действия не импульсивны, они являются результатом сложных соглашений, направленных на достижение контроля над целыми сферами деятельности для получения огромных прибылей»¹³. В этом определении правильно отмечаются сложность внутренней структуры организованной преступности, стремление к монополизации определенных сфер деятельности и получению огромных прибылей. Однако и оно страдает существенными изъянами. На один из них указали советские исследователи Б. С. Никифоров и В. М. Геворгян: «В приведенном определении признается сходство организованной преступности с легально существующими капиталистическими корпорациями. Однако в нем отсутствует основное: признание того, что преступная прибыль извлекается синдикатом на основе тех же принципов и в ряде случаев теми же средствами, которые характерны для капиталистического предпринимательства»¹⁴.

Приведенное выше определение президентской комиссии имеет и другие недостатки. Организованная преступность отождествляется с некой огромной организацией — «ассоциацией». Тем самым за рамками остаются те объединения организованных преступников в городах, обычно небольших, которые не входят в крупные преступные синдикаты и не связаны с ними, действуют на местной основе. Главный же недостаток определения в том, что организованная преступность рассматривается без ее связей

с органами власти и, более того, как бы вообще вне общества. В докладе президентской комиссии даже утверждается, будто организованная преступность «стремится разрушить... институты Америки». Такое противопоставление организованной преступности и господствующих в США институтов лишено основания. Организованные преступники стремятся не разрушить эти институты, а проникнуть в них, обосноваться попрочнее и использовать в своих интересах. В реальной Америке между ними существует не антагонизм, а широко разветвленные связи. Это вынуждена была признать Комиссия по вопросам преступности штата Иллинойс. Она предлагает рассматривать организованную преступность как «процесс взаимодействия» между политическими, экономическими и социальными институтами общества. Комиссия делает исключительно ценное признание, что для организованной преступности в США характерно «стремление сохранить политические и государственные институты и общество в целом в их нынешних формах». Комиссия отмечает, что организованную преступность надо отличать от сговора с целью совершения отдельных преступлений. Деятельность на постоянной основе является одним из обязательных признаков организованной преступности (по мнению комиссии — не менее года). Другой признак — крупный масштаб преступлений. И наконец, главный мотив преступной деятельности, по мнению комиссии, не только получение крупных сумм денег, но и обеспечение «такого политического климата, при котором можно действовать с минимальным риском вмешательства со стороны правоприменяющих органов»¹⁵.

Организованные преступники в такой же степени отличаются от рядовых уголовников, как корпорация — от мелкого лавочника. Организованная преступность представляет собой высшую форму развития преступности в США. Это один из видов крупного капиталистического бизнеса, цель которого — получение максимальных барышей. Как признает объединенная комиссия по вопросам преступности легислатуры Нью-Йорка, «организованная преступность является продолжением системы свободного

предпринимательства». Подобно крупным легальным корпорациям, объединения организованных преступников стремятся к монополизации. «Главная цель организованной преступности,— писал в 1973 году современный американский исследователь Джон Конклин,— монополизировать определенные рынки и таким путем обеспечить высокие прибыли»¹⁶.

Другая специфическая черта организованной преступности — это ее тесные связи с полицией, органами юстиции, органами власти и обеими буржуазными партиями — демократической и республиканской.

Деятельность организованных преступников в отличие от обычных уголовников, время от времени совершающих противозаконные акты, строится, как правило, на постоянной основе. Продажа наркотиков, азартные игры, ростовщичество и многие другие виды деятельности осуществляются не от случая к случаю, как, скажем, грабежи, а изо дня в день на протяжении многих лет. Без покровительства со стороны полиции, да и не только полиции, многие виды этой преступной деятельности было бы практически невозможно осуществлять в таких широких масштабах. В случае же, если организованных преступников привлекают к судебной ответственности, они стремятся обеспечить себе возможные поблажки — быть судимыми за менее наказуемые преступления, получить более короткий срок, а после заключения — помилование и т. д. Все это осуществляется путем широкой коррупции органов власти и руководителей партийных машин на постоянной базе. Поэтому с полным основанием сенатор Э. Кефвер отметил в своей книге «Преступность в Америке», что деятельность организации преступников «контролируется бесчестным и циничным объединением бандитов, продажных политиканов, бессовестных дельцов, а также представителями лиц свободных профессий, в том числе бухгалтеров, юристов, прикрывающихся фальшивой маской респектабельности»¹⁷. Таким образом, коррупция — это главное оружие организованных преступников, используемое для обеспечения иммунитета, безопасных условий неза-

конной деятельности. Без коррупции, без пособничества со стороны влиятельных сил буржуазного общества организованная преступность не приняла бы нынешних масштабов. Это обстоятельство необходимо обязательно учитывать при определении организованной преступности.

Подкуп — важное, но отнюдь не единственное оружие организованной преступности. Другим столпом, на котором держится весь механизм ее деятельности, являются насилие или угроза его применения. Только так называемая «Корпорация убийств», выполнявшая оплаченные «контракты» (на жаргоне преступников так называлась договоренность об убийстве какого-либо лица), отправила на тот свет в 30—40-е годы около 1000 человек. Мафия всегда прибегала к самым изощренным, жестоким методам для того, чтобы устранить неугодных и замести следы. Вот один пример.

...Большой каменный особняк в Ливингстоне (штат Нью-Джерси), расположенный вдали от дороги. Его хозяин, Руджиеро Бойардо (Ричи Башмачок), соорудил за домом, в глубине своего заросшего лесом поместья, печь для сжигания людей. Об этом стало известно из тайно записанного на пленку разговора двух гангстеров — Рея Де Карло и Антони Руссо.

Руссо. Рей, я видел их так много. Ты не представляешь, сколько человек мы там прикончили!

Де Карло. Это ты насчет той большой печи там, позади дома?

Руссо. Вот именно об этом я толкую тебе.

Де Карло. Большой железный камин.

Руссо. Он обычно клал их туда и сжигал.

Жестокие расправы, которые учиняют организованные преступники с неугодными лицами, широко известны. Страх подвергнуться кровавым репрессиям заставляет обычно свидетелей помалкивать, а бизнесменов — соглашаться на невыгодные сделки.

Подводя итоги, можно дать следующее определение организованной преступности: это имеющие устойчивую внутреннюю структуру объединения преступников, которые в сообществе с коррумпированными представителями буржуазной власти и капита-

листического бизнеса, используя методы насилия и запугивания или в ряде случаев вступая в договоренность с другими преступными объединениями, устанавливают свой контроль в различных сферах незаконной деятельности и осуществляют ее на постоянной основе в целях получения огромных доходов. Эта незаконная деятельность организованных преступников тесно связана с их участием в легальном бизнесе, куда они проникают, зачастую используя методы шантажа, угроз и прямого насилия. Такое определение охватывает характерные специфические черты организованной преступности и подчеркивает ее неразрывные связи со всем укладом буржуазного общества.

Карьера Счастливчика Чарли

Холодным ветреным утром 7 февраля 1946 года в Бруклинском порту собрались нью-йоркские гангстеры. Здесь, у девятого пирса, готовилось к отплытию судно «Лаура Кин», на борту которого должен был отправиться в Италию Чарли Лучано. Депортируемый из США король Мафии не пожелал давать интервью. Когда представители прессы попытались проникнуть на борт «Лауры Кин», дорогу им преградили плечистые гангстеры. Журналистам оставалось только наблюдать издали, как мимо них проезжали черные лимузины с зашторенными окнами. Их пассажиров беспрепятственно пропускали к трапу. Темные очки, надвинутые на лоб шляпы мешали репортерам узнать провожающих. Но позже станут известны их имена: Лански, Костелло, Сигел, Цвиллман, Адонис, Луччезе, Бонанно, Анастасиа, Гамбино, Далитц — вся элита преступного мира. По традиции каждый оставлял на прощание конверт с деньгами. Их оказалось 165 тысяч долларов.

Проститься с бывшим заключенным тюрьмы «Грейт Медоу» и пожелать счастливого плавания прибыли и некоторые политические деятели. Затем провожающие сошли на берег. «Ты еще вернешься, Лакки», — кричали они боссу, одиноко стоявшему на борту «Лауры Кин», медленно удалявшейся от берега.

Внезапно судно остановилось. К нему подошел военный катер. На борт «Лауры Кин» поднялся мэр города Нью-Йорк Уильям О'Двайер.

— Всему, чего я достиг, я обязан вам, Чарли. Вы понимаете, я не мог провожать вас вместе со всеми, но я не мог себе позволить не проститься с вами, не пожалть руку и не пожелать всего наилучшего. Арривидерчи.

С этими словами мэр Нью-Йорка пожал руку человеку, которого десять лет до того судья Маккук назвал «одним из самых злостных преступников, представавших перед судом». Приговаривая Лучано к тюремному заключению на срок от 30 до 50 лет, Маккук считал, что это заключение фактически окажется пожизненным. Так бы оно и было, если бы неписанные законы американской политической жизни не брали верх над статьями уголовного кодекса. Прошло десять лет, и тюремные ворота открылись перед Лучано.

Судьба Лучано неразрывно связана с ростом организованной преступности в США. Она как нельзя лучше раскрывает ее внутренние пружины, источники ее живучести и силы, ее связи с господствующими политическими институтами и моралью.

Еще в детстве сын итальянского иммигранта Сальваторе Луканиа (таково настоящее имя будущего босса Мафии) познал разницу жизни «людей, которые имеют деньги, и людей, у которых их нет». «Быть богатым — вот что действительно важно» — таков был первый жизненный вывод, сделанный подростком. Вместе с несколькими сверстниками — среди них были Франческо Кастилия (в будущем — Фрэнк Костелло), Майером Лански и Бенни (Багси) Сигелом — он образует воровскую шайку. «Когда я смотрел на то, что происходило вокруг, — вспоминал он позже, — я обнаруживал, что воровством занимались не только мы. Мы были окружены ворами и жуликами, многим из которых, казалось бы, полагалось соблюдать законы, — это землевладельцы, лавочники, политические деятели, полицейские. Но все они что-то воровали у кого-то».

Деятнадцатилетнего Сальваторе Луканиа сажают на год в тюрьму за торговлю наркотиками. Вый-

дя на волю, он вместе с Лански, Костелло и Сигелом участвует в ограблении банков, складов и магазинов. Часть добытых денег они вкладывают в организацию незаконных азартных игр.

Процветание игорного бизнеса стало возможным в США благодаря тесному альянсу между преступниками, с одной стороны, местными властями и полицией — с другой. Молодой Луканиа воочию убеждается, по словам его биографа, в том, что «за деньги можно приобрести покровительство полиции и представителей властей, чтобы обеспечить беспрепятственное продолжение нелегальных операций и получение доходов; азартные игры дают неограниченные возможности и те, кто занимались ими профессионально, получали, как это ни парадоксально, определенное положение и власть в обществе»¹. Примером ему служил Арнольд Ротштейн, ставший миллионером.

Во все более широких масштабах Лучано и его сообщники занимались «акульим промыслом», то есть давали деньги под большие проценты. Особенно много среди их должников было владельцев швейных фабрик. В случае, если долг или проценты по нему не уплачивались в срок, гангстеры принуждали хозяев делать их своими партнерами. Так развивалась инфильтрация преступного мира в легальный бизнес. Одновременно происходило и проникновение в профсоюзы. Лучано и другие гангстеры помогали создавать фиктивные профсоюзные организации, присваивали себе значительную часть членских взносов. Вместе с тем они взимали определенную мзду и с предпринимателей, гарантируя им, что на их предприятиях рабочие не будут бастовать и требовать повышения заработной платы.

«Еще в ту пору, когда мы были ребятами,— вспоминал позже Лучано,— мы уже хорошо знали, что людей можно купить. Вопрос заключался лишь в том, сколько придется заплатить. Мы видели, как это происходило повсюду вокруг нас». Особенно отличался на поприще подкупа нужных людей молодой Костелло. Лучано и другие члены банды специально снабжали его деньгами на эти цели.

К середине 20-х годов Лучано, еще не достигший

тридцати лет, добился всего, о чем когда-то мечтал. Он стал богатым и становился богаче с каждым годом. Он жил в просторной, обставленной дорогими вещами квартире, шил костюмы у лучших портных, имел несколько автомашин последних марок. Его принимали в качестве уважаемого гостя представители нью-йоркской элиты — политики, бизнесмены, актеры.

Члены его банды продолжали заниматься грабежами и воровством. Но Лучано стремился, по его словам, превратить преступную деятельность «в настоящий бизнес, наподобие крупной корпорации». Распространяя свое влияние за пределы Манхэттена — этого центрального района Нью-Йорка, он стал создавать свою букмекерскую империю. Главным же источником дохода была нелегальная торговля спиртными напитками. Часть доходов, иной раз половина, уходила на «подмазку» политиканов и полицейского начальства. На это Лучано и его сообщники тратили более пяти миллионов в год. Опыт коррумпирования учил Лучано — «смазывать» надо в первую очередь не разную чиновничью мелкоту, а вышестоящих должностных лиц. Чем выше поднимаешься по иерархической лестнице, тем больше дивидендов приносят капиталовложения. «Важные шишки, — говорил он своим друзьям, — сделаны из того же теста, что и те, кто у нас уже в кармане. Просто надо уметь найти к ним подход. И предложить столько, сколько надо». С городским комиссариатом полиции сошлись на десяти тысячах в неделю. Каждый понедельник рыжеволосый веснушчатый ирландец Джо Куни, доверенный Лучано, приходил в комиссариат одетым в спецовку под видом рабочего по ремонту. В руках у него был бумажный пакет, в котором обычно носят ланч. Но вместо сандвичей или франкфуртских сосисок в нем лежали ассигнации... Затем Лучано поднялся еще на несколько ступенек выше. Нужные контакты были установлены с боссами демократической партии и даже с губернатором штата Альфредом Смитом. Большое искусство в установлении этих связей с сильными мира сего проявлял Фрэнк Костелло, правая рука Лучано.

За эти годы Лучано укрепляет личные и деловые отношения с главарями других банд, независимо от их национальности. Он один из организаторов «Большой семерки» — объединения крупнейших бутлегеров 20-х годов. Затем он устанавливает сотрудничество в деле нелегальных закупок, перевозок, охраны и продажи спиртного с еще 22 другими бандами. Лучано также вступает в сотрудничество с Мозесом Анненбергом, создавшим крупнейший в стране игровой синдикат.

Джузеппе Массерия, в ту пору некоронованный король нью-йоркской Мафии, с возрастающим неудовольствием смотрел на быстро растущее влияние Лучано. Он требовал от него беспрекословного подчинения и полной подотчетности. Со своей стороны и у Лучано вызывали раздражение и диктаторские замашки главы «семьи», и его устаревшие взгляды. Назревал конфликт. Вскоре перевес сил оказывается у противников Массерия. Их возглавляет Маранцано, намеревавшийся занять его место. Маранцано предлагает Лучано убить Массерия — тот категорически отказывается: согласно традициям сицилийской Мафии, тот, кто лично убил главу организации, не может занять его место. Но именно поэтому Маранцано и настаивал, хотел устранить саму возможность того, что Лучано станет боссом. И Лучано это понимал. Вместе с несколькими гангстерами Маранцано до полусмерти избил Лучано. След от его ножа навсегда остался на лице непокорного. Затем его почти бездыханное тело выбросили на дорогу. Но вопреки ожиданиям Лучано выжил. В больнице на него наложили 55 швов. Майер Лански, поспешивший навестить чудом уцелевшего Лучано, назвал его «счастливчиком». Эта кличка закрепилась за ним. С той поры его так и называли: «Счастливчик (Лакки) Чарли».

Поправившись, Лучано решает принять участие в убийстве Массерия. Но только в роли организатора, а не непосредственного исполнителя. Как-то утром он зашел к боссу и стал развивать планы ликвидации нескольких ближайших сподручных Маранцано. Босс пришел в хорошее настроение. Лучано предложил ему выпить за успех будущей опера-

ции. Они отправились в Кони-Айленд, в итальянский ресторан «Нуово вилла Тампаро». Ехали в бронированном автомобиле Массерия с пуленепробиваемыми стеклами. Босс Джо не подозревал, что на некотором расстоянии следом за его крепостью на колесах следовал «кадиллак» с четырьмя вооруженными пассажирами: Вито Дженовезе, Альбертом Анастасиа, Джо Адонисом и Багси Сигелом. Пообедав, гости пересели за столик для карточной игры. Видимо, многоопытный босс Джо был настолько далек от мысли о возможной опасности, что совершил роковую оплошность: нарушил укоренившуюся среди гангстеров привычку не садиться в ресторанах спиной к входной двери. Когда Лучано, извинившись, вышел в туалетную комнату, Массерия продолжал неторопливо потягивать вино из бокала. Он не видел, как несколько человек вошли в ресторан и немедленно обрушили на него град пуль. Прибывшим вскоре полицейским Лучано объяснил: «Вытерев руки, я поспешил из туалета в зал, посмотреть, что там происходит». Изрешеченный пулями, Массерия лежал бездыханно, уткнувшись лицом в скатерть.

Несколько часов спустя на стол начальника шестидесятого отряда полиции Нью-Йорка легло донесение № 130, в котором говорилось:

«В 3 часа 30 минут после полудня 15 апреля 1931 года Джузеппе Массерия, известный также как босс Джо, проживавший по адресу Вторая авеню, 65, г. Нью-Йорк, был убит выстрелами в спину и голову, в то время как он находился в ресторане по адресу: 2715 Вест, 15-я стрит, Кони-Айленд, Бруклин. Стрелявшие в него неизвестные лица скрылись...»

Теперь на пути к вершине пирамиды у Лучано оставался только Маранцано, поспешивший объявить себя «боссом всех боссов». В зале, где шла коронация, еще стреляли пробки от шампанского, когда Лучано и Лански начали обсуждать план ликвидации новоявленного короля преступного мира. Его осуществление заняло много месяцев. Маранцано был опытный преступник, и поймать его в ловушку было непросто. Но сочетание беспощадной решимости Лучано и изощренного ума Лански породило такой замысел, который оказалось не под силу раз-

гадать Маранцано при всей его постоянной настороженности. Не спасли его и пять телохранителей, которые повсюду сопровождали босса и находились у дверей его офиса. Его роковой просчет был в том, что, по его мнению, убийцами могут быть только сами же мафиози. До сих пор во внутренних войнах Мафии участвовали только сами выходцы из Италии. Поэтому, когда в приемную его офиса вошли четверо людей с ярко выраженной еврейской внешностью и представились детективами, это не вызвало подозрения ни у охраны, ни у самого Маранцано, который вышел им навстречу и пригласил зайти в кабинет. Он находился под следствием и в любой момент ожидал прихода полиции с обыском. Хитроумный замысел Лучано — Лански полностью осуществился.

Эти четверо принадлежали к банде профессиональных убийц «Багси энд Майер моб», созданной и руководимой Лански и Сигелом. В течение нескольких месяцев этих четверых держали в полной изоляции на специально снятой квартире в Бронксе. Их тщательно готовили к предстоящей операции: учили, как вести себя, ходить, говорить, чтобы их приняли за полицейских агентов. Это обошлось Лучано и Лански в восемьдесят тысяч долларов. Но ставка в игре была слишком велика, чтобы скупиться на расходы. Подготовив исполнителей, Лански и Лучано стали выжидать момента для нанесения решающего удара. Неожиданное сообщение ускорило развязку. Лучано стало известно, что Маранцано собирается пригласить его к себе якобы для беседы и прикончить. Позже из показаний Джозефа Валачи, шофера и телохранителя Маранцано, стали известны подробности его плана. 9 сентября 1931 года босс вызвал Валачи к себе домой.

— Нам снова придется спать на матрацах, — предупреждает Маранцано. Это выражение означало — начиналась очередная война.

Маранцано стал перечислять своих врагов. Главными он назвал Лучано и Дженовезе.

— Я больше не могу их терпеть, — признался он Валачи, — и пока мы от них не избавимся, мы не сможем ничего держать под своим контролем.

*Майер Лански (справа)
Бенджамин (Багси) Сигел.*

Маранцано имел в виду контроль над бутлегерством, азартными играми и другими источниками доходов. «Избавиться» он хотел не только от двух молодых рэкетиоров, проложивших ему дорогу к трону, но и практически почти от всех других влиятельных боссов Мафии — Аль Капоне, Костелло, Моретти, Адониса. Свой первый удар он наметил нанести уже на следующий день. Он пригласил к себе в штабквартиру — в контору строительной компании «Игл билдинг корпорейшн», служившей ему «крышей», — Лучано и Дженовезе. Гости должны были прибыть в два часа дня. На это же время был вызван известный наемный убийца Винсент Колл по кличке Бешеная Собака.

«Следующий день — 10 сентября 1931 года, — по оценке одного из специалистов, — стал водоразделом, возможно, самым важным днем в истории пре-

ступности в Америке, который изменил лицо и будущее Мафии»².

...Едва в кабинете Маранцано закрылась дверь за людьми, представившимися полицейскими детективами, как он почувствовал что-то неладное. Он судорожно кинулся к письменному столу, где хранил пистолет, но было поздно. Затем убийцы поспешно удалились. На лестнице лицом к лицу они столкнулись с Бешеной Собакой, который прибыл в назначенное время...

В протоколе, составленном в полиции, говорилось:

«В 2 часа 50 минут дня 10 сентября 1931 года некто Сальваторе Маранцано, мужского пола, белой расы, подвергся нападению с применением огнестрельного оружия в помещении «Игл билдинг корпорейшн» по адресу: Парк авеню 230, комната 925 — 926. Нападение было совершено четырьмя неизвестными, выдавшими себя за полицейских. Жертве было нанесено четыре огнестрельных ранения и шесть ножевых, в результате чего наступила смерть».

Лучано настоял, чтобы Сальваторе Маранцано воздали традиционные посмертные почести. В последний путь босса провожала длинная вереница черных лимузинов. В надгробных речах превозносились заслуги и достоинства покойника. На могилу возложили гору букетов. Но едва погребли прах «босса всех боссов», как Лучано объявил: вместе с Маранцано отныне похоронена и его система «абсолютной монархии». Лучано хотел быть фактическим главой преступной организации, не присваивая себе формального титула, стать только первым среди равных. Это устраивало руководителей других банд и, по мысли Лучано, обеспечивало ему более прочные позиции.

Теперь, казалось, ничто не угрожало Лучано. Никто из руководителей местных организаций и объединений не имел ни желания, ни достаточных сил бросить ему вызов. Продолжали укрепляться и его связи с местными политическими заправками обеих партий — демократической и республиканской. Лучано поселился в самом респектабельном и доро-

гом отеле Нью-Йорка — «Уолдорф тауэрс». В регистрационной книге он значился как Чарли Росс. Администрация знала, кто скрывается за этим именем, но предпочитала закрывать на это глаза. В годы глубочайшего в истории кризиса, массовых банкротств и крахов надо было дорожить клиентом, который за свои пятикомнатные апартаменты аккуратно вносил ежемесячно восемь тысяч долларов.

И вдруг грянул гром. Честолюбивый прокурор Томас Дьюи, пытавшийся сделать себе политическую карьеру, создав репутацию борца против гангстеров и рэкетиоров, 1 апреля 1936 года объявил Лучано врагом общества номер один в Нью-Йорке. Суд длился несколько недель. «Лучано,— говорил Дьюи,— превратил проституцию в городе в хорошо организованный бизнес, который ведется как деловое предприятие». Выступавшие в качестве свидетельниц девицы легкого поведения рассказывали, что находятся на положении рабынь, сутенеры их избивали, отбирали все полученные деньги. Заставляли заниматься промыслом по четырнадцать часов в день, приучали к наркотикам.

Лучано пытался полностью отрицать все предъявленные ему обвинения. «Я никогда не имел никакого отношения к проституции,— говорил он на суде, обращаясь к присяжным.— Я не получил ни единого доллара от этого рэкета». Однако эти отрицания никого не убедили. 7 июня жюри присяжных вынесло вердикт: «Виновен по всем пунктам» — в организации принудительной проституции, вымогательстве и других преступлениях. Несколько дней спустя Лучано перешагнул двери одиночной камеры тюрьмы в Даннеморе, на севере штата Нью-Йорк. А торжествующий Томас Дьюи сделал важный шаг к губернаторскому креслу...

Сообщники Лучано начинают изыскивать пути его освобождения. Но проходят годы, а Лучано по-прежнему смотрит на мир, точнее, на кусок неба из окна тюремной камеры. Похоже, что счастье отвернулось от Счастливики Чарли. Он, правда, надеется подкупить самого Дьюи. Честолюбивый прокурор

*Чарли Лучано
после вынесения приговора.*

намеревался добиваться на выборах 1942 года кресла губернатора штата Нью-Йорк и, естественно, нуждался в деньгах.

— Я пришел к выводу,— говорит Лучано своему адвокату Полакоффу,— что Дьюи был не лучше меня, с той лишь разницей, что он являлся как бы легальным гангстером, а я нет... Я считал, что Дьюи можно было бы подкупить, если бы за это дело взялся хороший посредник.

Но Лучано заблуждался. Момент для помилования главаря гангстеров был неблагоприятным. Дьюи не собирался рисковать своей политической карьерой даже ради крупной взятки.

— Если вы надеетесь,— разъяснил ему адвокат,— что, после того как Дьюи станет губернатором, он вас помилует, вы делаете большую ошибку. Его отстранят от должности, если он это сделает. Это лишит его всех шансов стать президентом, и он не намерен подвергать себя опасности независимо от того, будете ли вы оказывать ему поддержку на выборах или нет.

И тем не менее положение не было безвыходным. Надо было дать властям веские основания, точнее, видимость таковых, которые бы могли позволить им открыть двери тюрьмы Даннеморы перед Лучано. У заключенного и его дружков рождается, казалось бы, фантастический план сделать из короля гангстеров героя-патриота. В то время американские военноморские власти опасались, что фашистские государства, используя «пятую колонну», будут устраивать акты саботажа в нью-йоркском порту. Поэтому план, разработанный в Даннеморе, предусматривал: усилить эти опасения военноморских ведомств, организовав крупную диверсию, затем побудить их обратиться к Лучано с просьбой о помощи. Всем было хорошо известно, каким влиянием пользовались гангстеры в нью-йоркском порту. Брат одного из боссов Мафии, Альберта Анастасиа, Тони Анастасиа фактически заправлял профсоюзом портовых рабочих. Братья предложили устроить диверсию на стоявшем в порту французском пассажирском судне «Нормандия». Лучано одобрил эту «замечательную идею». «Несколько дней спустя я услышал по радио сообщение о пожаре на «Нормандии», — вспоминал Лучано, — это была работа Анастасиа».

Вскоре штаб-квартира военноморских сил поручила капитан-лейтенанту Чарльзу Хоффендену вступить в контакт с главарями Мафии. Так началась так называемая «Операция: преступный мир». В полночь в уединенном месте городского парка Хоффенден встретился с «царем» фултонского рынка Чарльзом Ланца. Тот обещал помочь в борьбе с «пятой колонной», но предупредил, что его влияние не выходит за пределы рынка и рыбаков, которые доставляют туда свой улов. Единственный человек, который мог бы повлиять на американцев итальянского происхождения, работавших в доках, — это Лучано.

Но Лучано решает не торопиться со встречей с представителями военных властей. Он знает: в нем заинтересованы и теперь можно набить себе цену. Для начала он требует перевода в другую тюрьму — поближе к Нью-Йорку и с лучшими условиями. Власти соглашаются — его переводят в тюрьму «Грейт

Медоу», вблизи столицы штата — Олбани. Здесь Лучано предоставляют возможность обставить камеру мебелью по своему вкусу, питаться не тюремной похлебкой, а едой, присылаемой друзьями, и даже иной раз совершать вечером прогулки в сопровождении охранника по улицам Олбани.

Первая встреча Лучано с представителями властей была довольно своеобразной. Лански позаботился о том, чтобы стол был уставлен яствами. «Ребята, — развязно обратился Лучано к прибывшим, — вам придется извинить меня. Прежде чем мы начнем разговор, я хотел бы малость закусить».

Капитан-лейтенанту Хоффендену ничего не оставалось, как ждать, пока Лучано, не торопясь, поглощал свои любимые пикули и другие деликатесы. И только насытившись, он переговорил с Хоффенденем.

Теперь у Лучано началась новая жизнь. Его тюремная камера напоминает номер в отеле. Ему выделяют комнату для встреч, где он имеет возможность конфиденциально беседовать с посетителями. В любое время ему разрешают встречаться с Лански, Костелло, Адонисом, Луччезе, Миранди и другими главарями нью-йоркских гангстеров под предлогом того, что они обсуждают планы борьбы с саботажем в порту. «Но в первую очередь, — пишет специалист по истории Мафии Р. Хаммер, — они были обеспокоены делами своего преступного синдиката, поисками новых источников обогащения во время войны. Это были самозванные патриоты, в их понимании патриотизма не было ничего, что мешало бы им наживаться на войне. И в этом отношении они мало отличались от многих бизнесменов». Р. Хаммер скептически оценивает реальную роль Лучано и других гангстеров в предотвращении актов саботажа в портах. «Лучано дал команду докерам и гангстерам сотрудничать с военными... Но была ли действительная необходимость в этих распоряжениях Лучано? Трудно себе представить, что докеры, главарь организованной преступности или рядовые гангстеры стали бы оказывать помощь врагам государства, чья победа могла принести им лишь беды. Действительно, в течение многих лет мало кто пожинал столько

плодов от американской системы, сколько гангстеры».

Офицер военно-морской разведки Ч. Хоффенден позже признал: «Лучано был таким же осведомителем, как и многие другие, которых мы использовали в разведывательной работе... Я не могу поставить его на пьедестал как человека, сделавшего что-то особенное, поскольку это было обычным сотрудничеством». Но тот же Хоффенден вскоре после окончания войны утверждал, будто бы Лучано внес «великий» вклад в победу. Такого рода инспирируемые и, видимо, хорошо оплаченные заявления являлись частью операции по созданию образа Лучано — «патриота Америки». Славословие по его адресу не содержало ничего конкретного. «Подобная завеса секретности была очень полезной для Лучано, — отмечал Р. Хаммер, — она позволила досрочно его освободить».

Р. Хаммер и многие другие исследователи организованной преступности скептически относятся и к утверждениям о неких «заслугах», якобы оказанных Лучано американским войскам при высадке на Сицилию. «Утверждают, — пишет он, — что Лучано убедил руководителей сицилийской Мафии помогать союзным войскам в 1943 году во время их высадки на остров. Однако сам он уехал с Сицилии в 1906 году девятилетним мальчиком. Если сицилийские преступники и оказывали помощь союзникам, они делали это в собственных интересах».

Действительно, что является вполне достоверным, так это широкое использование американским командованием сицилийских мафиози. В секретном правительственном документе (под шифром 3701х/9867) 28 апреля 1943 года американским вооруженным силам предписывалось после высадки на Сицилию «установить контакт и связи с лидерами тайных радикальных групп, например Мафии, и оказать им всю возможную помощь»³. Уже в первые же дни после высадки состоялись встречи американских офицеров с главой сицилийской Мафии Кало Виццини, проживавшим в городе Виллалба. Американские военные власти назначили его мэром города, разрешили членам Мафии носить оружие. Мафия

пошла на сотрудничество с американцами, видя, что режим Муссолини был обречен. Американцы же решили использовать Мафию, как и другие реакционные силы, для борьбы против демократических, прогрессивных сил. Общий язык обе стороны нашли без труда. Кало Виццини передал американцам список «надежных» кандидатов в мэры для всей Западной Сицилии. «Он изображал их жертвами фашизма, хотя это были настоящие бандиты, многие из которых сидели в тюрьмах. Тем не менее через несколько дней в половине городов Сицилии мэрами стали члены Мафии или их ставленники»⁴.

Незадолго до своей смерти, Лучано признался, что утверждения, будто бы он «помог американским войскам при вторжении на Сицилию, обеспечив сотрудничество со стороны членов Мафии, не стоят и выеденного яйца». Но, как бы то ни было, для заключенного тюрьмы «Грейт Медоу» такие заявления были крайне необходимы — они помогали властям штата Нью-Йорк создать видимость обоснованности своего решения о досрочном освобождении короля организованной преступности. Но движущим мотивом властей было отнюдь не бескорыстное желание воздать должное «патриотическим заслугам» Лучано. Шестерни губернаторской машины завертелись только тогда, когда их хорошо смазали. По мнению многих специалистов, между представителями Лучано и Дьюи была заключена секретная сделка: Лучано обещал не добиваться пересмотра своего дела и не использовать показания свидетелей, могущие бросить тень на Дьюи, повредить его борьбе за президентское кресло; Мафия передавала в секретный избирательный фонд Дьюи 315 тысяч наличными (90 тысяч Лучано внес из своих личных средств); со своей стороны Дьюи обязался помиловать Лучано после окончания войны. При этом многоопытный и осторожный губернатор хотел не только приобрести капитал, но и соблюсти политическую невинность: после освобождения Лучано подлежал немедленной высылке в Италию. Тщетно пытались представители Мафии уговорить Дьюи оставить Лучано в США. Губернатор остался непоколебим — он не желал рисковать своей репутацией и карьерой.

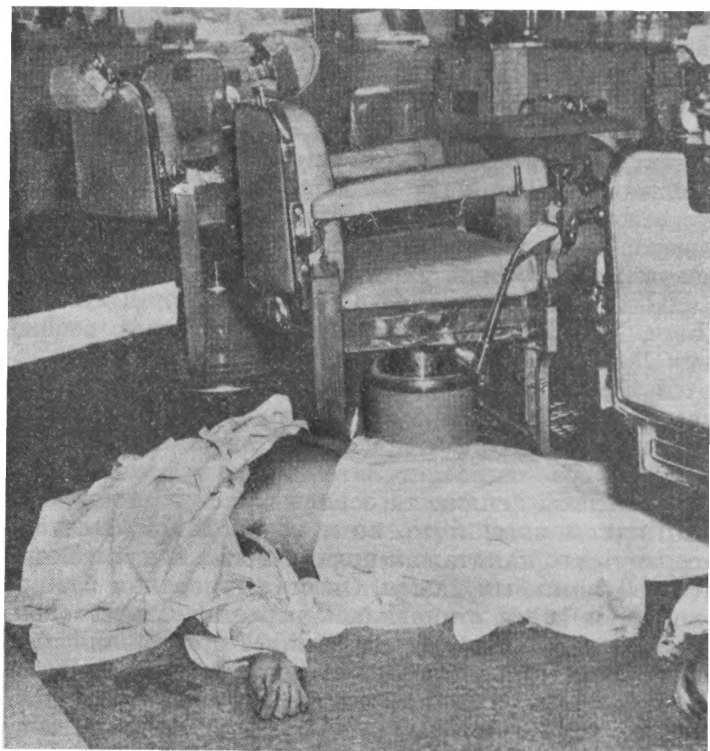
7 мая 1945 года Лучано подал на имя губернатора ходатайство с просьбой о помиловании. 3 января 1946 года Дьюи объявил о его досрочном освобождении, но без права оставаться в США. В своем заявлении он напомнил о «сотрудничестве» Лучано с вооруженными силами «в деле получения информации о возможном нападении противника» и о «полностью удовлетворительном» поведении заключенного в тюрьме. Пять недель спустя с борта «Лауры Кин» Лучано бросил прощальный взгляд на американскую землю, на которую ему уже было не суждено вновь ступить.

...Жизнь в захолустном родном городишке Леркара-Фридди показалась Лучано невыносимой⁵. Ему удастся получить заграничный паспорт. В конце октября 1946 года в Гаване в отеле «Насиональ» появился новый гость, зарегистрировавшийся под именем Сальваторе Луканиа. Вскоре четыре верхних этажа отеля оказались заняты прибывшими из США именитыми боссами организованной преступности: Адонис и Анастасиа, Боннано, Костелло, Луччезе, Профачи представляли Нью-Йорк и Нью-Джерси, из Буффало прибыл Магаддино, из Чикаго — Аккардо, из Нового Орлеана — Марчелло, из Флориды — Траффиكانте. Естественно, на встрече присутствовал и Майер Лански. Он не только был ее организатором, но и мог выступать в роли гостеприимного хозяина — отель «Насиональ» принадлежал ему на паях с Батистой, в то время проживавшим во Флориде. Официальным поводом сборища было чествование певца Фрэнка Синатры, с которым Лучано и некоторые другие присутствовавшие были на дружеской ноге. Но действительной его целью было показать всем боссам организованной преступности, что Лучано вновь практически брал на себя роль главы синдиката. Ведь от США его теперь отделяло только девяносто миль Флоридского пролива...

Пребывание Лучано в Гаване оказалось непродолжительным. Американские власти добились его высылки в Италию. Это было тяжелым ударом по планам Лучано. Но он еще не оставлял надежды на возвращение в США. А пока он начал разворачивать активность на новом месте. Судя по некоторым ис-

точникам, Лучано возглавил оптовую торговлю наркотиками. Ф. Сондерн в книге «Дьявольское сообщество»⁶ пишет, что он действовал с особой осторожностью, боясь «вновь обжечь себе пальцы». Все операции были организованы так, что сам Счастливец Чарли не вступал в контакты ни с кем, кто лично занимался закупкой и перевозкой наркотиков. Не вел по этому вопросу никаких телефонных разговоров, не посылал писем, не составлял каких-либо документов. В Сицилии ответственным за все операции был высланный из США гангстер Джузеппе Пичч, в Неаполе — тоже депортированный сообщник Лучано — Ральф Линьори.

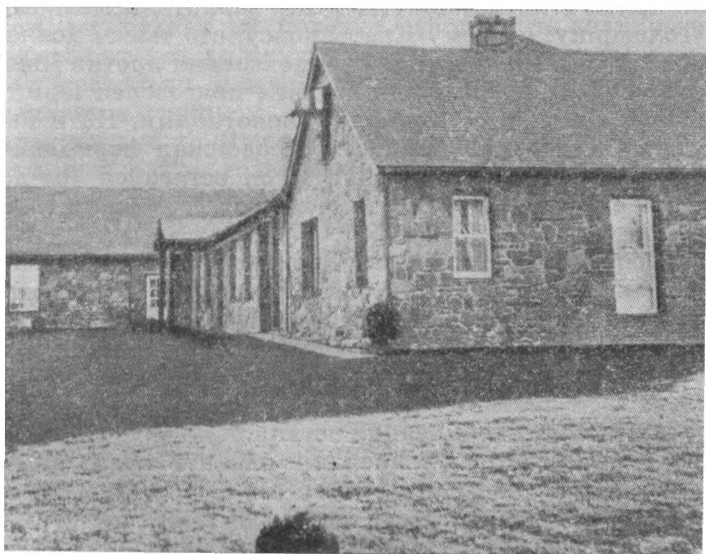
В первые годы пребывания Лучано в Италии в преступном мире США его еще продолжали считать своим главой. К нему приезжали за советом, испрашивали его согласия. Затем визиты стали реже. Власть главы синдиката основывалась не только на его личном авторитете, но и на реальной силе его «солдат», его капитале и политических связях. Всего этого Лучано был лишен. Он стал генералом без армии. Чем яснее становилась нереальность его возвращения в США, тем настойчивее предъявлял право на фактически вакантный трон Вито Дженовезе. Одного за другим устранял он со своего пути преданных Лучано боссов. Первыми жертвами оказались братья Моретти: Уилли застрелили в ресторанчике, Солли — в тюремной камере. Настала очередь Фрэнка Костелло. Поздно вечером 2 мая 1957 года он возвращался из ресторана домой в отель «Мажести» на Сентрал-парк-вест. За ним на расстоянии неотступно следовал черный «кадиллак». У отеля из него вышел грузный мужчина и последовал за Костелло. Направив на него пистолет, он крикнул: «Это тебе, Фрэнк» — и нажал на спусковой крючок. Костелло стремительно оглянулся, и это спасло ему жизнь — пуля только задела висок. Костелло узнал покушавшегося — бывшего боксера-тяжеловеса Кармине Галанте, но решил помалкивать. Выстрел, едва не ставший роковым, прозвучал для него ясным предупреждением. Он отошел от всех дел в Мафии, за исключением своего личного бизнеса. Теперь настал черед Анастасия, которого

*Альберт Анастасиа был застрелен соперниками
в парикмахерской.*

называли «лордом-палачом» из «корпорации убийц». Он знал о готовящемся покушении, но в тот день, как обычно, зашел побриться в парикмахерскую на Бродвее. «Он хотел продемонстрировать Дженовезе, что его нельзя запугать»⁷. Но эта неосторожная бравада ему дорого обошлась. Парикмахер еще не успел намылить щеки клиента, как в помещение вошли двое неизвестных, их лица прикрывали кашне. Через несколько секунд Анастасиа лежал мертвый на полу. Убийцы скрылись в ближайшей станции метрополитена.

Это было 25 октября 1957 года. Дженовезе стал

Домик в Апалачине, где главы Мафии проводили свое тайное собрание.

фактическим главой Мафии. Чтобы другие боссы формально признали его в качестве «капо ди капи», он собирает очередное собрание. Место для его проведения было выбрано неудачно — в доме некоего Джозефа Барбара, проживавшего в небольшом городке Апалачин, в северной части штата Нью-Йорк. Гостеприимный хозяин, естественно, не мог разместить всех многочисленных гостей и зарезервировал для них свыше ста комнат в округе. Когда к дому Барбара потянулась длинная вереница лимузинов, у местных полицейских это вызвало подозрение. Они нагрянули с обыском, некоторым гостям удалось скрыться. Но среди задержанных оказалась почти вся верхушка Мафии. Впрочем, за отсутствием каких-либо улик в совершении преступных действий (в один голос они все утверждали, что приехали навещать больного друга) их пришлось отпустить. Противники Дженовезе не сложили оружия, но решили

не прибегать к пистолетам. Они заплатили мелкому уголовнику, некоему Кантелпорсу, сто тысяч долларов за согласие... дать в суде показания против Дженовезе. В итоге Дон Витоне был приговорен к пятнадцати годам за торговлю наркотиками. Но и находясь в тюрьме, Дженовезе продолжал формально оставаться главой Мафии. И он оставался им до своей смерти в 1969 году, когда его место занял Карло Гамбино⁸.

Сообщение о том, что ненавистный Дон Витоне оказался за решеткой, было, пожалуй, последним радостным известием, полученным Лучано из США. Кроме злорадного удовлетворения, оно не принесло ему ничего. Главари Мафии не собирались возвращать трон далекому изгнаннику. Созданная под его руководством организация вступила в пору зрелости. Но в ней действовал прежний закон — право сильного. Лучано пережил самого себя. Постаревший и больной, он был обречен доживать свой век в глухомани. Счастье полностью отвернулось от Лакки Лучано.

Ровно через 16 лет после того, как Лучано вступил на борт «Лауры Кин», покинув американскую землю, 9 февраля 1962 года, грузовой самолет компании «Пан-Америкэн» доставил в нью-йоркский аэропорт гроб с его останками. Его встречали только два брата покойного да несколько хроникеров и агентов ФБР. Катафалк на большой скорости направился на кладбище Святого Джона. Здесь гроб поместили в склеп, на котором было начертано одно слово — «Лукания»: король Мафии отправлялся на тот свет под тем же именем, под которым появился на этом шестьдесят два года назад.

Человек в тени

Шесть часов утра. Коллинз авеню в знаменитом курортном центре Майами-Бич в эту пору обычно пустынна: туристы спят после увеселений в ночных барах, ресторанах и работающих круглые сутки казино. Из дома 5001, расположенного недалеко от отеля «Фонтенбло», выходит невысокого роста, седой, пожилой человек. Загорелый, крепкий для

своих лет, с ястребиным профилем, жестким взглядом, он держит на поводке небольшого лохматого тибетского пса по кличке Брюзер. Их прогулка длится несколько минут, причем хозяин никогда не удаляется слишком от дома. Рядом с ним — телохранитель Фил Ковалек (по кличке Дубина), который еще в 20-е годы был членом знаменитой нью-йоркской банды «Багси энд Майер моб», или кто-нибудь из более молодых гангстеров.

Так начинается свой день Майер Лански.

Позже Ковалек повезет босса в мотель «Сингапур», который принадлежит его школьному приятелю. Сюда же постоянно наведывается из расположенного в девяти милях Холливуда Винсент Ало (Голубоглазый Джимми) — главный связной между Мафией и Лански. Неизменный участник встреч — брат и ближайший помощник Майера Лански Джейк. Часто приезжает сюда Моу Далитц, представляющий интересы организованной преступности в Лас-Вегасе. После обсуждения неотложных дел играют в гольф, принимают солнечные ванны.

К пяти часам Лански обычно дома — пора снова выводить Брюзера на прогулку. Вечерами он смотрит телевизор, никогда не пропуская свою излюбленную программу «ФБР». С экрана режут мощные машины, догоняющие грабителей и убийц, гремят выстрелы, вездесущие агенты ФБР легко распутывают самые сложные преступления и в последних кадрах неизменно надевают наручники на, казалось бы, неуловимых бандитов... А человек, который считается отцом организованной преступности в США, ее фактическим главой на протяжении полувека, сидит в своем особняке, не торопясь потягивает коктейль (его всегда отличала умеренность в употреблении спиртного) и с легкой усмешкой смотрит на телевизионные подвиги ФБР.

За свою долгую жизнь он провел за решеткой только три месяца. В отличие от других боссов преступного мира он не кичился публично своим богатством, не устраивал пышных приемов, не носил дорогостоящих перстней. Даже в 70-е годы, когда, по оценкам экспертов, его состояние достигло 300 миллионов долларов он продолжал жить в скромных

апартаментах, ездить в «шевроле», взятом напрокат, носить скромные костюмы, чтобы ничем не выделяться среди окружающих. Время от времени он делает пожертвования (2—5 тысяч долларов) благотворительным учреждениям, как и многие другие респектабельные бизнесмены, стремящиеся создать себе репутацию людей, радеющих о нуждах общества. Его единственное хобби — коллекционирование галстуков-«бантиков» — не требует больших затрат. Майер Лански старается расходовать ровно столько, сколько он получает от законных источников дохода. А о тех его миллионах, которые хранятся на зашифрованных счетах в Женеве и Цюрихе, знают только «швейцарские гномы» — хозяева банков, держащие в секрете имена своих вкладчиков.

До предела осторожный в вопросах уплаты налогов, точнее, в утаивании своих огромных доходов от глаз налоговых инспекторов, Лански всегда старался избегать публичности. Его ближайшие сообщники тешили свое самолюбие, когда в печати их именovali «королями» и «премьер-министрами» преступного мира. Они вели между собой кровавые войны, для того чтобы по трупам соперников дойти до заветного поста главы «семьи» и тем более — «босса всех боссов». Лански предпочитал держать в своих руках реальную власть, даже если она и не давала ему пышных титулов. Его влияние основывалось на изощренном уме, способностях находить все новые источники обогащения для себя и других главарей организованной преступности. Сам он предпочитал держаться в тени. Органы юстиции и печать привлекали внимание общественности к Аль Капоне, Лучано, Костелло, Дженовезе, Лепке, Гамбино, Коломбо... А Майеру Лански удавалось оставаться где-то на заднем плане, действовать за кулисами. Когда директор ФБР Э. Гувер на основании показаний Д. Валачи поднял в 60-е годы шумиху по поводу якобы «открытой» им организации «Коза ностра», о Лански вообще чуть ли не забыли. В «Записках Валачи» о нем упоминалось лишь на трех страницах, а о Дженовезе — почти на девяносто, о Лучано — на тридцати. Однако именно Лански был ключевой фи-

гурой почти во всех событиях, в которых замешаны другие главари организованной преступности, именно он нажимал тайные пружины. Прав Хэнк Мессик, когда пишет: «Главным образом в результате влияния Лански организованная преступность претерпела изменения, превратившие ее из уродливого нароста на теле американской политики, который можно было бы удалить хирургическим путем, в пораженную раком часть нашей экономической и политической системы»¹. Николас Гейдж характеризует Лански как «главного создателя гигантского конгломерата, которым является организованная преступность в США»². Именно он еще в 30-е годы помог объединить конкурирующие банды и группировки, придать организованной преступности ее современный вид, превратив ее в предприятие, которое, по его собственным словам, больше, чем корпорация «Ю. С. стил». Именно он убедил организованных преступников расширить сферу своей традиционной деятельности — «индустрии увеселений» (бары, игорные дома и т. д.) и внедриться в банковское дело, строительство, операции с недвижимостью и в десятки других областей предпринимательства, используя для этого тысячи различных «фасадов». Именно под руководством Лански организованная преступность развернула свои операции далеко за пределами границ США. Используя опыт крупнейших бутлегеров, контрабандно ввозивших спиртные напитки из-за рубежа, Лански помог организованной преступности внедриться во многие страны Карибского моря, а затем и в других районах, развернуть финансовые операции в швейцарских банках.

По своим взглядам Майер Лански ничем не отличается от других крупных предпринимателей. «В политическом отношении,— констатирует Н. Гейдж,— он явно принадлежит к правому крылу».

Говоря точнее, Лански — воинствующий антикоммунист. Он всегда принадлежал к «ястребам». В годы американской агрессии против Вьетнама считал, что надо «разбить Ханой вдребезги», еще более сурово расправляться с участниками антивоенных демонстраций. Своего сына он определил в академию «Уэст-Пойнт», где американские милитаристы

пестуют офицерский состав вооруженных сил. «В своей деятельности,— пишет Хэнк Мессик,— Майер Лански исходил прежде всего из того, что организованная преступность является лишь продолжением системы свободного предпринимательства. Гангстеры были только несколько свободнее в выборе средств, чем те, кто действовал в рамках закона. Однако границы между легальной и незаконной деятельностью временами стирались, особенно когда это касалось крупных финансовых операций. Те, кто орудовали в пограничной области между законной и незаконной деятельностью, считали, что главная опасность свободному предпринимательству исходит от левых сил, интеллектуалов, либералов, так называемых «яйцеголовых», и в конечном счете от международного коммунистического заговора. Это сделало почти неизбежным создание неофициального союза между правым крылом политических сил Америки и организованной преступностью. У них была общая цель — уничтожение всего того, что препятствовало получению прибылей»³. Гангстеры и правые расистские круги решительно выступали против предоставления гражданских прав неграм, ликвидации расовой сегрегации и дискриминации. «Организованная преступность получала миллионы от игры в числа в трущобах негритянских гетто и противилась всему, что могло бы улучшить положение негров. Их сообщниками выступали белые домовладельцы и во многих случаях коррумпированная местная полиция»⁴.

И еще один штрих к политическому портрету Лански — он ярый сионист. Зная, что на политической бирже Вашингтона сионистские акции котируются высоко, Лански публично стал похвастаться своей «поддержкой дела Израиля»⁵. Правда, он предпочитал не уточнять, в чем именно она выражалась. Однако известно, что его ближайшие сообщники, Сигел и Коэн, по сообщению журнала «Мидл ист интернэшнл», в начале 40-х годов снабжали оружием сионистскую организацию «Иргун цвай леуми», которая отличалась особо жестокими репрессиями против арабского населения Палестины. Известно и другое. Лански был тесно связан с хозяином крупно-

го банка в Женеве «Креди интернациональ» Тибором Розенбаумом. Из-за оплошности клерка, потерявшего документы, выяснилось, что Лански держал в нем крупные вклады. Банк Розенбаума и являлся той «прачечной», где деньги Майера Лански и его сообщников «отмывались» от грязи и крови, становились «чистыми», как альпийские снега. Журнал «Лайф» еще в 1968 году назвал Розенбаума банкиром преступного мира. Одновременно он был и банкиром международного сионизма. Этот сообщник Лански занимал посты казначея Всемирного еврейского конгресса, председателя финансового комитета Всемирной сионистской организации.

...Девятилетнего Майера Суховлянского родители привезли в США из города Гродно в 1911 году. Они не смогли вспомнить ни дня, ни даже месяца его рождения. Не долго думая, чиновник иммиграционной службы поставил в графе «день рождения» 4 июля — День независимости США. «Возможно, это сделает из него патриота», — заметил он. С годами иммигрант превратился в «стопроцентного американца». Он изменил свою фамилию на американский манер, став Лански. Он, по словам Н. Гейджа, «достиг Американской Мечты». Он и стал патриотом, но лишь собственных карманов, подобно другим обитателям финансового Олимпа. Что касается дороги, приведшей Лански на эту вершину, то она в чем-то отличалась от пути, который прошли другие ее обитатели. Но нередко дороги эти перекрещивались либо шли параллельно — крутые, извилистые тропы, на которых конкурентов сталкивали под откос, а слабых давили.

Занимаясь многомиллионными деловыми операциями, Лански оставался гангстером. Разросшийся преступный мир продолжал жить по законам джунглей. Чем более доходным рэккетом занимался гангстер, тем сильнее было стремление других преступников отхватить у него кусок пожирнее или вообще занять его место. Эти внутренние схватки в борьбе за власть, сферы влияния и источники дохода не носили в последние десятилетия такого повсеместного характера, как в 20-е годы, но тем не менее они продолжали вспыхивать время от времени. Как фактический глава всего преступного синдиката, Лански

не мог стоять в стороне от таких междоусобиц, более того, именно ему принадлежало последнее слово во многих конфликтах. Так было в «деле Багси Сигела». Сигел был дружкой Лански еще с юных лет, когда они сколотили банду «Багси энд Майер». Одно время Лански даже сам называл себя Багси Майер, но после нескольких десятилетий тесного сотрудничества наступил разрыв. Сигел считал, что он «открыл» Лас-Вегас, маленький город в штате Невада, который он собирался превратить в крупнейший в мире центр легальных азартных игр. Получив деньги от организованных преступников Кливленда и других групп, он начал строить комплекс — отель-казино «Фламинго», который своей оригинальностью и роскошью должен был поражать воображение туристов. Скоро, однако, деньги кончились. Лански дал Сигелу еще миллион долларов наличными. Одновременно гангстеру Мики Коэну было поручено наблюдать за каждым шагом Сигела, который держался все более независимо и скрытно. Стремление Сигела превратить Лас-Вегас в свое личное владение вызвало недовольство многих боссов преступного синдиката, которые вложили свои деньги во «Фламинго». До Лански стали доходить слухи, что любовница Сигела намеревается уехать в Париж, а сам он тайком от синдиката уже начал переводить часть получаемых на строительство «Фламинго» денег в европейские банки на свои личные счета.

Лански собирает в «Уолдорф-Астория» Анастасиа, Цвиллмана, Костелло и других боссов организованной преступности. Узнав о намерении Сигела бежать, многие потребовали произвести немедленную «экзекуцию». Получив мандат от синдиката, Лански отправился в Лас-Вегас на переговоры с Сигелом. Видимо, встреча подтвердила его худшие опасения. Прощаясь, Лански обещал приехать через пару дней. Но уже на следующий вечер Сигела настигли пули подосланных убийц. Это случилось 20 июня 1947 года.

Десять лет спустя вызов Майеру Лански попытался бросить Альберт Анастасиа. Ему не терпелось захватить в свои руки контроль над азартными играми на Кубе. Пытаясь склонить на свою сторону

других главарей организованной преступности, он уверял их, что его приятель Траффиканте сможет вести дела с диктатором Батистой не хуже Лански. Но сам Траффиканте не рискнул вступать в противоборство с таким опасным человеком, как Лански. Он считал для себя более выгодным заслужить его благосклонность, предав Анастасию. 24 октября 1957 года Анастасия встретился с Траффиканте и стал излагать ему свои планы, как захватить контроль над казино в гаванском отеле «Хилтон», а затем и над другими игорными предприятиями. Далее события разворачивались с той стремительностью и четкостью, которые отличали операции Майера Лански. Едва закончив ужин с Анастасией, Траффиканте позвонил Лански. А уже следующим утром Анастасия был убит в парикмахерской.

Полтора года спустя пришла очередь одного из руководителей преступного синдиката Цвиллмана. Его деятельность расследовали Бюро внутренних доходов и одна из сенатских комиссий. Лански опасался, что престарелый гангстер, чтобы спасти себя, «расколется». А ему было что сообщить и о Лански, и о других боссах синдиката. 20 февраля 1959 года Цвиллман был найден мертвым в своем двадцатикомнатном доме в Уэст-Ориндж (штат Нью-Джерси).

В начале 1959 года был отправлен за решетку Вито Дженовезе, давний противник Лански. Среди боссов организованной преступности, точивших ножи против Лански, оставался только Антони Карфано — Лански лишил его поста главы игорного бизнеса во Флориде. Карфано стал плести сети заговора, намереваясь ликвидировать Лански и даже стать руководителем синдиката. Но Карфано, как и его предшественники, явно недооценил изощренность ума «злого гения» преступного мира, его осведомленность и цепкость. Лански умел усыплять бдительность своих противников. Каждый раз он разрабатывал новый план действий, заманивая свою очередную жертву в ловушку. Вечером 25 сентября 1959 года Карфано ужинал в нью-йоркском ресторане на Лексингтон авеню. Неожиданно его позвали к телефону. Ему сообщили, что с ним срочно хочет переговорить Винсент Ало. Голубоглазый Джимми был

влиятельным человеком в Мафии. Карфано всячески стремился заручиться его поддержкой в своих интригах против Лански. Он наивно полагал, что общность их итальянского происхождения сыграет решающую роль. В аэропорту Ла-Гардия Карфано встретили двое неизвестных. Они сказали, что Ало уехал и ожидает его у себя на квартире. Не подозревая подвоха, Карфано вместе с двумя незнакомцами отправился дальше в путь. Но когда машина выехала на пустынное шоссе, в затылок ему раздалось несколько выстрелов. Отныне у главы синдиката не осталось, во всяком случае на время, явных противников и претендентов на его пост.

Лански умел находить общий язык с различными политиками. Но особенно это ему удавалось со всевластными политическими боссами и диктаторами. Не только потому, что его объединяла с ними общая вражда ко всем, кто боролся за социальные перемены. С диктатором было проще решать дела, а в конечном счете даже дешевле — платить надо было только ему одному. Еще в начале 30-х годов Лански быстро распознал, какие выгоды могло принести сотрудничество с Хью Лонгом, которого называли американским Гитлером в зародыше. Губернатор Луизианы, а затем сенатор, он установил единоличную диктатуру в штате, создал сеть тайной полиции, подчинил себе легислатуру и верховный суд. Не стесняясь, он провозглашал: «Конституция сейчас — это я». С ним-то Лански и заключил сделку. Майеру Лански и его сообщникам разрешалось установить свои игорные автоматы в Новом Орлеане. Непосредственное руководство этим игорным бизнесом Лански поручил Карлосу Марчелло, который с годами превратился в босса организованной преступности во всем штате Луизиана.

Сделка с Лонгом оказалась выгодной. Гангстеры отваливали ему ежемесячно двадцать тысяч долларов, а восемьсот тысяч клали к себе в карман.

В 1933 году Лански отправляется на Кубу. Местный диктатор дает ему на откуп игорный бизнес, для начала — контроль над казино в отеле «Насиональ». Со своей стороны Лански открыл для Батисты банковский счет в Цюрихе.

Одно из казино в Гаване, которое при диктаторе Батисте принадлежало боссам организованной преступности.

Вторая мировая война сократила приток туристов на Кубу. Да и самого Батисту отстранили от власти. Ожидая своего часа, он обосновался неподалеку от Майера Лански. Час наступил в 1952 году, когда Батиста совершил военный переворот. Лански в это время сидел за решеткой — единственный раз в жизни, да и то всего три месяца. Но едва за ним лязгнули тюремные ворота, как он уже переступил порог резиденции нового правителя Кубы. Лански предложил ему превратить Гавану в «Лас-Вегас Карибского моря» — построить крупные комплексы

отелей-казино, приглашать звезд эстрады. Договорились об условиях строительства: правительство Батисты вкладывало половину средств, вторую половину — люди Майера Лански. На важнейшие посты он расставил своих давнишних дружков — кливлендских гангстеров Моу Далитца и Фила Кастела, своих старых партнеров Клиффорда Джонса, бывшего вице-губернатора Невады, Эдди Левинсона, который служил ему «фасадом» в Лас-Вегасе, братьев Дино и Эдди Челлини, специалистов по азартным играм.

Лански действовал с присущим ему размахом, деловитостью и оперативностью. Один за другим возникли комплексы «Ривьера», «Хилтон» и другие. Гавану превращали в город-притон.

Сам Лански держался, как всегда, в тени. Он числился... заведующим кухней в ресторане «Ривьера». Думал ли он о двусмысленности этой должности: всю свою жизнь он заведовал кухней — той, на которой делалась политика преступного синдиката. Брату Джейку он тоже отвел скромную должность — заведующего ареной для проведения петушиных боев в отеле «Насиональ». В действительности Джейк представлял в отеле финансовые интересы брата.

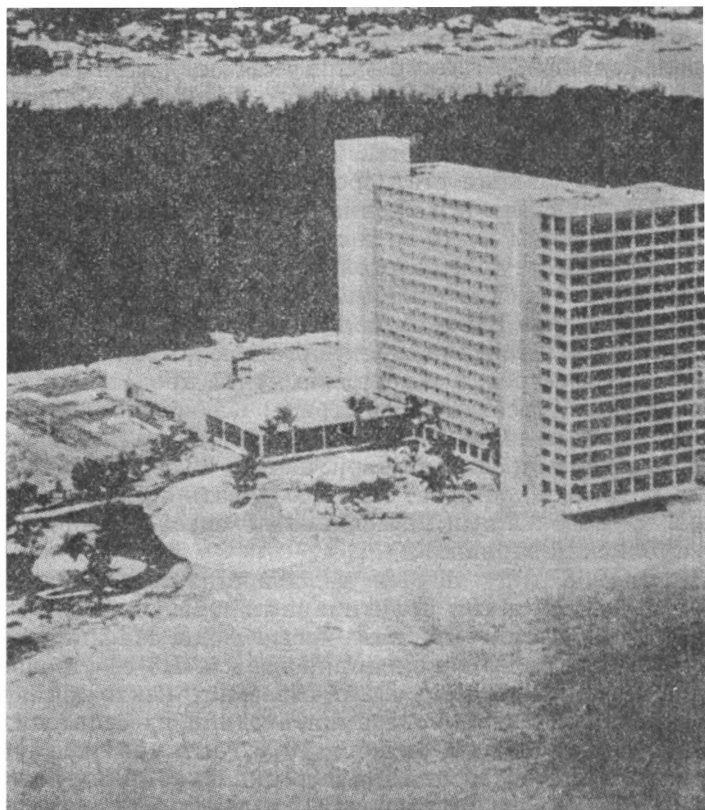
Превращение Гаваны в заповедник организованной преступности приносило огромные доходы и гангстерам, и диктатору. Вертели бедрами полуголые девицы на эстраде, крутились рулетки, крупные сгребали лопаточками на зеленых столах пластмассовые фишки, а за тысячи миль отсюда, в швейцарских банках, росли поступления на счетах Батисты, Лански и их партнеров. И, казалось, никогда не будет конца этой вакханалии мошенничества и наживы. Но конец наступил неожиданно и неотвратимо. Победоносная армия Фиделя Кастро вступила в столицу. Кровавый палач еле успел унести ноги. В течение нескольких недель революционные власти очистили страну и от его дружков — американских гангстеров, прикрыли их грязный бизнес. Лански, перебравшийся во Флориду, поначалу еще надеялся сохранить остатки своей империи азартных игр и порока. Он оставил брата в Гаване. Но революция была бескомпромиссна. Она очищала страну от грязи старого общества — своей и завезенной из США. Джейк

провел месяц за решеткой, а затем был выслан. Так вслед за крахом диктатуры Батисты рухнула и империя Лански. С этого времени у организованных преступников не было более лютого врага, чем Фидель Кастро. Впрочем, не только у них, но и у некоторых вашингтонских ведомств...

Майер Лански стал срочно искать замену Гаване. Он знал: его положение в преступном синдикате было прочным лишь до тех пор, пока он открывал его главарям доступ к золотоносным жилам. Его выбор пал на Багамские острова. Они были еще ближе к Флориде, чем Куба. А политический климат также благоприятствовал расцвету организованной преступности. На островах заправляла кучка продажных политиканов, «ребята с Бей-стрит». Ключевой фигурой среди них являлся Стаффорд Сандс. Через него организованная преступность и начала свое вторжение на Багамские острова, стала создавать отели и казино. С небольшими изменениями здесь повторялся «кубинский вариант».

В 1966 году печать разоблачила тесные связи между багамскими политиканами и мафией. К власти на Багамах пришли новые люди. Мафии пришлось еще более законспирироваться. Но с островов она не ушла. Позже стало известно: некто Майкл Макклейни, давая показания в одной из сенатских комиссий, заявил 4 октября 1973 года, что он и его партнер Дэвид Пробински встретились с премьер-министром Багамских островов Линденом Пиндлингом перед выборами 1968 года и заключили сделку. Они давали Пиндлингу 65 тысяч на избирательную кампанию в обмен на монопольные права заниматься игорным бизнесом. Как сообщало агентство ЮПИ, Макклейни «являлся партнером Майера Лански, был дважды осужден судом за неуплату налогов и финансовое мошенничество»⁶.

Багамские острова были лишь одним из новых плацдармов, где организованные преступники развешивали свои операции. Лански и его доверенные лица шарят по свету, создают новые казино, отели, отлаживают торговлю наркотиками. Их маршруты пролегают через Гавайские острова, Колумбию, Гонконг, Англию, Италию, Францию, страны Ближнего

Отель на Багамских островах, принадлежащий американским гангстерам.

Востока. И, конечно, Гаити, где правил «папа Док» — Дювалье: Лански оставался верен своей любви к диктаторам. В конце 60-х годов в городе Порт-о-Пренс создается крупное казино «Интернациональ». Диктатор настолько проникся доверием к Лански, что включал американских гангстеров даже в свою личную охрану. Затем пришла очередь Ямайки. Лански отправил туда своего человека — респектабельного американского бизнесмена, торговца недвижимостью Луиса Чеслера. Он уже исправно вы-

полнял роль «фасада» для Лански на Багамских островах. На Ямайке он приобрел крупный отель. За его спиной стояли организованные преступники. Затем началось вторжение на Виргинские острова.

Так американская мафия под руководством Лански протянула свои щупальца далеко за пределы США. Она шла по пути тех крупнейших американских корпораций, которые превращались из национальных в межнациональные, или транснациональные, как их называют.

...Летом 1970 года Майер Лански прибыл в качестве туриста в Израиль. Он расположился в фешенебельном отеле «Дан» в Тель-Авиве. В это время федеральные органы США проверяли правильность его налоговых отчетов. Но, видимо, Лански не только и не столько спасался от возможного судебного преследования. Его занимали грандиозные планы создания сети игорных предприятий на Ближнем Востоке. Израильские власти периодически продлевали ему туристскую визу; как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», они намеревались предоставить ему право гражданства⁷. Сионисты готовы были принять в свое лоно человека, который делал им столь щедрые дары. Но в местной печати появились статьи, разоблачавшие Майера Лански как одного из главарей организованной преступности в США. Разразился скандал. Тщетно Лански уверял, что он « всю свою жизнь являлся лишь респектабельным игроком и никогда не был гангстером ». Он даже возбудил судебное дело против газеты, назвавшей его гангстером. В США федеральное большое жюри в Майами выдвинуло против него обвинение в укрытии доходов от отеля «Фламинго». В этих условиях властям в Тель-Авиве ничего не оставалось, как отказать Майеру Лански в гражданстве. Тем не менее Лански не торопился возвращаться в США, хотя его вызвали в Майами для дачи показаний. Он прибегнул к испытанному трюку — сказался больным. В архивах нью-йоркской полиции сохранился документ 20-х годов, где говорилось, что не стоит беспокоиться о преступной деятельности Майера Лански — он не проживет и полгода. Почти полвека спустя его адвокат стал настаивать на аннулировании повестки с вызовом: Лански,

заявил он, страдает от сердечной недостаточности, язвы и других болезней и не может прилететь из Израиля. Распускались слухи, будто Лански умирает от рака. Американские власти знали, что это пустые отговорки. Следователь министерства юстиции Макмиллан заявил, что в действительности Лански наслаждается жизнью в отеле «Дан»⁸. Но Лански продолжал игнорировать судебные повестки.

...25 ноября 1972 г. М. Лански вынужден был покинуть Тель-Авив — окончился срок визы. Самолет взял курс на Цюрих. Но швейцарские власти отказались дать ему визу. Пришлось пересекать Атлантику. Последовали посадки в Бразилии, Аргентине, Парагвае, Боливии, Перу, Панаме. Попытки получить визу оказываются безрезультатными — никто не хочет допускать такую одиозную личность. Лански ничего не остается, как направиться в Майами-Бич. Там и завершилось его путешествие протяженностью 13 тысяч миль. В аэропорту его уже поджидал агент ФБР с ордером на арест. Но через несколько часов, внеся 250 тысяч долларов в качестве залога, Лански оказался на свободе. Недельку провел в местной больнице и отправился в свой особняк.

В феврале следующего года он был признан виновным в оскорблении суда, выразившемся в том, что он не явился по его вызову⁹. Тем не менее это ему сошло с рук. Как, впрочем, и все куда более крупные преступления, которыми он занимался всю свою долгую жизнь.

Максим Горький писал, что банкир рождает бандита. Сегодня иной раз и бандит рождает банкира. Именно так и произошло с Майером Лански. И не потому ли американское правосудие оказалось к нему столь снисходительно?..

Когда стираются грани...

Рэкет... В политический лексикон это слово вошло в Соединенных Штатах примерно еще полвека назад. Тем не менее общепринятого определения этого понятия нет. В «Энциклопедии общественных наук» «рэкет» и «рэкетирство» определены следующим образом: «Обычно этими словами обозначают корыст-

ную деятельность организованной группы в области продажи товаров и предоставления услуг, применяющей для достижения своих целей физическое насилие и незаконное давление. Рэкетом является как эксплуатация заведения, запрещенного законом, так и незаконное использование законно существующего учреждения или предприятия»¹. Г. Барнз и Н. Титерз, Ф. Тэнненбом и многие другие американские криминологи также отмечали, что рэкет прежде всего основан на вымогательстве, осуществляемом средствами устрашения. В толковом словаре Уэбстера дается более расширенное определение рэкета, который характеризуется как «незаконные операции», осуществляемые с помощью запугивания или подкупа².

Некоторые американские исследователи с самого начала отметили органическую связь между рэкетом и буржуазным обществом, которое его породило. Авторы книги «Это — рэкет!» Г. Хостэттер и Т. Бисли признали, что «рэкет следует американскому экономическому, политическому и социальному идеалу — Богатству и стремится достичь его в кратчайший срок...»³. Г. Барнз и Н. Титерз также отмечали, что движущей силой рэкета является философия паразитизма, расцветающего в условиях капиталистической экономики с ее культом прибыли. Таким образом, рэкет (во всяком случае, подавляющее большинство его видов) можно рассматривать как специфическую форму капиталистического предпринимательства. Ее особенность в том, что рэкетиры извлекают незаконные выгоды из законного или незаконного предпринимательства. Это может быть соглашение о предоставлении предприятиям, организациям и отдельным лицам действительной или мнимой опеки либо принуждение покупать продукты и товары, производимые и продаваемые теми, кто находится под покровительством рэкетиров. Имеются и другие виды рэкета. Некоторые американские ученые различают два типа рэкета: явный, когда рэкетиры непосредственно навязывают свои условия предпринимателям, и скрытый, когда он воздействует на него через подчиненные его контролю предприятия и зависимых от него лиц.

Американский криминолог У. Рэклисс отмечал, что простейшей формой рэкета является особый вид монополии: рэкетир принуждает розничных торговцев иметь дело не с оптовиком, а с ним самим, то есть прибегать к помощи ненужного посредника. Другой вид рэкета заключается в том, что владельцев магазинов и предприятий принуждают вносить определенные суммы за охрану их личности и имущества. Более сложная форма рэкета — это заключение тайных соглашений между предпринимателями, профсоюзными боссами и рэкетирами о повышении цен на товары и услуги. Еще в 30—40-е годы рэкетом в Нью-Йорке были охвачены предприятия, снабжавшие население хлебом, рыбой, птицей, молоком, зеленью, рестораны, кинотеатры и т. п. В последующие десятилетия деятельность рэкетиров продолжала расширяться, охватывая строительство и другие отрасли экономики и сферу обслуживания. «Рэкетир, — писал У. Рэклисс, — превратился в особый вид посредника-диктатора, который контролирует и направляет предпринимательскую деятельность».

Рэкетирство не под силу отдельному преступнику. Только организованные преступники имеют возможность осуществлять такого рода операции. Не всегда рэкетир добивается своих целей с помощью угроз и применения насилия. В ряде случаев между ними и предпринимателями имеет место «полюбовный» сговор, выгодный обеим сторонам. Некоторые американские предприниматели издавна считали, что им выгоднее выплачивать определенную мзду гангстерам, создающим фиктивный профсоюз, чем допустить у себя создание действительной профсоюзной организации, отстаивающей интересы рабочих. Так, между хозяином одного из крупных нью-йоркских ресторанов и гангстером Джоном Амалфитано была заключена сделка: он включал работников ресторана в свой фиктивный профсоюз, а хозяин выплачивал ему определенную сумму в качестве «членских взносов». Что же дало создание этой псевдопрофсоюзной организации самим работникам? При рассмотрении этого вопроса в одной комиссии, расследовавшей деятельность рэкетиров, хозяина спросили:

— Произошли ли какие-нибудь изменения в ставках и условиях труда ваших работников в результате подписания контракта с двадцать шестым отделением профсоюза?

— Нет, никаких, — признал хозяин.

— Таким образом, вы продолжали платить им ровно столько же, сколько и до подписания контракта?

— Совершенно верно ⁴.

Все еще остаются важным видом преступной деятельности мафии крупные кражи в доках и аэропортах, на транспорте и складах. Сенатская комиссия по делам мелкого бизнеса сообщила: «Преступления на грузовом транспорте в основном совершаются организованными налетчиками, которые угоняют целые прицепы, с тем чтобы перепродать украденные товары на легальном и черном рынках». Сотрудник страхового общества «Америкэн иншуренс ассошиэйшн» Гильберт Мейер сообщил этой комиссии: «Существует большой спрос на спиртные напитки, сигареты, медикаменты, электронные приборы, фотоаппараты, телевизоры, долгоиграющие пластинки, предметы одежды, меха, металлические изделия, электроприборы. Я думаю, что многие кражи совершаются по указанию организованных преступников и транспортируются ими. Рынки сбыта уже сложились». Общий доход преступников от этих крупных краж оценивается в 1,2 миллиарда долларов в год. Сюда же следует добавить примерно 800 миллионов долларов в год, которые попадают в карманы организованных преступников от нелегальной торговли табачными изделиями.

Крупнейшим рэкетом является так называемый «акулий промысел», представляющий собой специфический вид ростовщичества, практикуемый организованными преступниками. Его особенность в том, что к висту должника всегда приставлен невидимый пистолет займодавца. Эта угроза физической расправы помогает гангстерам выжимать из своих жертв колоссальные доходы. В целом они, по оценкам специалистов, составляют примерно десять миллиардов в год. Ростовщики обычно дают ссуды под высокие проценты, иногда 20% в неделю. На жарго-

не это называется дать «шесть за пять», то есть в понедельник дать займы пять долларов и получить в конце недели 6. Должниками обычно являются наркоманы, проигравшиеся или рассчитывающие на выигрыш игроки, попавшие в трудное положение лавочники и другие люди, которые остро нуждаются в наличности, но не могут получить кредит в банке.

Для организованных преступников «акул» промысел — это не только источник огромных, не облагаемых налогами доходов, но и средство набросить петлю на свою жертву, подчинить ее своему влиянию. Так, сотрудник нью-йоркского муниципалитета Джеймс Маркус, запутавшись в долгах, обратился за займом к ростовщику. Он получил требуемую сумму под 104 % годовых. Когда оказалось, что он не в состоянии расплатиться с кредитором, гангстеры сделали его своим орудием. В других случаях займы используются для инфильтрации в легальные предприятия.

О том, как действуют ростовщики, ярко свидетельствуют протоколы слушаний сенатской комиссии по делам мелкого бизнеса. Показания давал мелкий предприниматель (в опубликованных протоколах он фигурирует под вымышленным именем Джона Доу). Когда он попал в затруднительное положение, к нему пришел заимодавец и предложил: «Если вам нужно 1000 долларов — я могу их вам дать. Но через тринадцать недель вы должны будете вернуть мне 1300». Д. Доу принял эти условия. На следующий день ростовщик принес вместо обещанной тысячи — восемьсот долларов, обещав занести еще двести на следующий день, но так и не принес. Объявился он через три недели и потребовал сто долларов в качестве процентов. Затем он стал приходить каждую неделю и требовать очередные сто долларов. Если должник не платил процентов, долг его соответственно увеличивался. Так продолжалось около пяти лет.

Председатель комиссии. Таким образом, первоначально вы намеревались занять 1000 долларов. В течение этого периода сколько вы выплатили фактически?

Д. Доу. Более 14 тысяч.

Председатель. А сколько вы фактически получили?

Д. Доу. 1900 долларов.

Председатель. Получили 1900 долларов, а вы платили 14 тысяч?

Д. Доу. Да.

Председатель. Это вы выразили желание выступать в комиссии под маской?

Д. Доу. Да.

Председатель. Опасались ли вы, что с вами может что-нибудь случиться, если станет известно о ваших показаниях?

Д. Доу. Да. Однажды ростовщик предупредил меня: «Если вы не будете платить, с вами может кое-что случиться». Он показал мне заметку в газете, где сообщалось, что в заливе был найден труп, к которому был привязан кусок бетонной плиты. В другой раз он угрожал мне тем, что мой дом подожгут и я даже не успею вынести детей. Еще он говорил: «Я знаю, где учатся ваши дети. Они могут попасть под машину». Все это заставляло меня продолжать выплаты⁵.

Один из свидетелей, дававший показания в сенатской подкомиссии по расследованиям, заметил: «Есть только два пути избавиться от ростовщика: умереть или убежать. Но если ты вернешься даже через десять лет, то обнаружишь, что все это время проценты продолжали расти»⁶.

Крупные ростовщики обычно принадлежат к числу организованных преступников либо связаны с ними. Одиночкам просто не под силу осуществлять миллионные операции, охватывающие сотни людей. Кроме того, только организованные преступники обладают и необходимыми связями с полицией, и средствами принуждения и устрашения кредиторов. Они преспокойно игнорируют закон 1965 года, который запретил взимать с должников более 25% в год. «Сегодня,— пишет по этому поводу Д. Кресси,— члены «Коза ностра» в Нью-Йорке больше страдают от автомобильных катастроф, чем от обвинений в ростовщичестве: их жертв предупреждают, что они будут убиты, если обратятся к полиции за защитой».

Выразительный портрет одного из крупнейших «акул»-ростовщиков нарисовал Фрэд Кук на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин». «Его называют «Доктор», — пишет Кук. — Вы можете встретить его в одном из шикарнейших ночных клубов в компании хорошо сложенной молодой подружки. Доктор всегда предельно обаятелен. Человек лет пятидесяти, он одевается с неизменной изысканностью. И трудно даже представить, что в действительности это своего рода помесь паука с грифом, хищник, который опутывает паутиной свою жертву, чтобы обглодать ее до костей... Доктор руководит в преступном мире самыми безопасными и самыми прибыльными операциями». Они осуществляются многоступенчатой организацией. «В ростовщической пирамиде, — пишет Ф. Кук, — по мнению следователей, существует четыре ступени. На вершине — главарь «семьи». Он опирается на облеченных доверием подручных. У тех есть свои подчиненные, которым они передают деньги для инвестиций, и эта третьестепенная мелкая сошка, распорядившись частью суммы самостоятельно, в свою очередь спускает остальные на четвертую, низшую, ступень — мелким букмекерам и уличным подонкам». В статье приводится схематическое описание того, как действует вся эта система в целом: «На рождество, скажем, главарь устраивает у себя званый вечер и приглашает на него 10 доверенных помощников. Он не записывает их фамилий, он их знает. Это его друзья. Он может выдать по 100 тысяч долларов каждому. При этом будет сказано только одно: «Мне — один процент в неделю. Сколько получите вы, меня не интересует, но я хочу один процент в неделю». Ему не приходится записывать размеры денежных сумм. Их довольно легко запомнить. И представьте себе, что год спустя, на следующее рождество, у этого главаря-гангстера будет лишь одна забота: где найти еще пятерых, чтобы вручить им на прежних условиях те полмиллиона долларов, которые он приобрел за истекший год».

Доктор — один из этих высокопоставленных подручных. Одна запись в его бухгалтерской книге начиналась с 11 600 долларов. Должник, чье имя зна-

чилося рядом с этой цифрой, поначалу платил регулярно, затем бремя стало для него слишком тяжелым. Его платежи неделями откладывались. Назначались штрафы. Вместе с ростовщическим процентом они увеличивали задолженность, несмотря на уже выплаченные суммы, до 16 898 долларов. Человека, который не смог погасить задолженность, нашли убитым в парке...

Одним из важнейших видов рэкета стал гэмблинг, как в США именуются азартные игры. Они являются главным источником доходов организованных преступников. «Азартные игры, — отмечал еженедельник «Ньюсуик», — превратились сейчас в крупный бизнес, своего рода отрасль, наряду с автомобильной, строительной и другими крупнейшими отраслями». Общая сумма ставок, которые делаются в различных видах азартных игр, составляет, по различным оценкам, 20—40 миллиардов долларов. Чистый доход их организаторов, по данным журнала «Тайм», составляет в год от 6 до 7,6 миллиарда долларов⁷.

Для последних десятилетий характерно увеличение удельного веса гэмблинга по сравнению с другими видами преступной деятельности. Азартные игры процветали в США давно, однако именно мафия придала им подлинно общенациональный размах и организованность. Уже в 20-х годах была создана телеграфная система информации о бегах и скачках под руководством Анненберга. Затем еще одна всеамериканская служба информации о бегах и скачках — «Транс-Америкэн паблшинг» — была создана на деньги чикагского преступного синдиката и банды Багси Сигела. Организованные преступники взяли в свои руки игорные автоматы («однорукие бандиты»), которые установили в магазинах, кафе, стадионах, кинотеатрах и в других местах общественного пользования. С легкой руки Багси Сигела мафия начала создавать в стране крупные фешенебельные игорные дома — казино. Инициатором явился Багси Сигел. На деньги мафии он построил в небольшом городишке Лас-Вегас роскошный отель и казино «Фламинго». Они открылись в 1947 году. В следующем году был построен на деньги М. Лан-

ски и его сообщников комплекс «Сандербэрд». Затем были открыты отели и казино «Дезет-инн» (кливлендский синдикат), «Дюнс» (главарь Мафии в штате Род-Айленд Р. Патриарка), «Ривьера» (чи-кагские гангстеры) и другие отели и игорные дома. Организованные преступники превратили Лас-Вегас в крупнейший в мире легальный центр азартных игр. Его посещают ежегодно свыше пятнадцати миллионов туристов⁸. Известные американские публицисты Эд Рейд и Овид Демарис назвали казино Лас-Вегаса «храмами Маммоны» — мифологического бога наживы и алчности. «Со времени дней Багси Сигела,— писали они,— мафия стала составной частью Лас-Вегаса»⁹. Она остается ею и по сей день.

Не так давно помимо штата Невада, где расположен Лас-Вегас, легализовал казино и штат Нью-Джерси. Здесь, в городе Атлантик-Сити, было открыто крупное казино. В 21 штате легально функционируют тотализаторы на бегах и скачках лошадей, в 13 штатах проводятся собачьи бега. Легализация азартных игр, как показал опыт, не наносит ущерба организованной преступности. По словам журнала «Бизнес уик», «легализация... усилит власть мафии, заправила которой видят новую область «законного бизнеса», которую можно прибрать к рукам. Преступный мир имеет гораздо больший опыт в сфере азартных игр, чем любой правительственный чиновник. Мафия стремится поставить под свой контроль эти игры, и подавляющее большинство полицейских специалистов считает, что воспрепятствовать этому невозможно».

Проникая в легализованный бизнес азартных игр, организованная преступность продолжает контролировать и незаконные игры. Наиболее распространенными среди них являются: игра в числа (вид лотереи, где выигравшее число определяется ежедневно по сложной формуле), пари по поводу результатов бегов и других спортивных соревнований, а также игры в карты и кости.

Организованная преступность держит под своим почти полным контролем торговлю наркотиками, приносящую ежегодно примерно четыре миллиарда долларов. Это рискованное занятие требует высокого

уровня организации, широких, сложившихся связей внутри страны и за рубежом. Сами организованные преступники предпочитают не вести розничную торговлю наркотиками (этим занимаются так называемые «толкачи»), их роль — обеспечить четкое функционирование всей многоступенчатой машины. Сами они получают доходы не только от оптовых операций — они облагают данью уличных торговцев. Взамен те получают те или иные формы протекции — от конкурентов, полиции и т. д.

О том, какие баснословные барыши приносит торговля «белой смертью», можно увидеть на примере героина — одного из самых распространенных, особенно тяжелого по своим физическим и психическим последствиям наркотика. Импортёр-оптовик покупает героин за рубежом по 50 тысяч долларов за килограмм. Это почти чистый (восемидесятипроцентный) героин. Затем в каждый килограмм он добавляет килограмм молочного сахара и хинина и продает этот сорокапроцентный героин по 65 тысяч долларов за килограмм, то есть получает 80 тысяч дохода за каждый приобретенный им килограмм. Далее порошок поступает в руки крупных розничных торговцев. Они также добавляют к каждому килограмму еще по 600 граммов, а затем продают 250-граммовые пакетики по 15 тысяч долларов каждый, то есть кладут себе в карман примерно 25 тысяч долларов с каждого купленного килограмма. Далее героин разбавляют еще один раз, превращая его в пятипроцентный. Этим занимаются уличные торговцы («пушеры»), продающие его маленькими пакетиками¹⁰.

Социальные последствия торговли наркотиками — это тысячи и тысячи человеческих трагедий, рост уличной преступности. Наркоманы тратят только на покупку марихуаны 25 миллиардов долларов.

Наркомания превратилась в одну из серьезных социальных проблем США. Она становится все более угрожающей. Это признается в многочисленных официальных заявлениях. Тем не менее власти не предпринимают действенных мер, которые бы пресекли торговлю ядовитым дурманом. «Соединенные Штаты, — признавала газета «Вашингтон пост», —

проигрывают войну против торговли наркотиками». Основная причина в том, что боссов мафии — главных организаторов этой торговли, — как правило, не преследуют. К судебной ответственности привлекают мелкую сошку. «Некоторые критики правоприменяющих органов, — продолжала газета «Вашингтон пост», — обвиняют их в том, что все аресты делались на самом низком уровне, тогда как заправили имели возможность свободно продолжать свой бизнес».

Одной из основных современных тенденций развития организованной преступности в США, как отмечают Б. С. Никифоров и В. М. Геворгян, является ее все более глубокое проникновение в легальный бизнес¹¹. Превращение в «бизнесменов» дает гангстерам респектабельность в обществе и легальный источник дохода, что помогает избежать преследований со стороны налоговых инспекторов.

Национальный совет по вопросам преступности и правонарушений сообщил в 1970 году, что организованная преступность уже проникла не только в рестораны, бары, отели, мотели, ипподромы, пекарни, но в швейную, угольную, строительную промышленность, банковское дело, маклерские конторы и другие сферы деловой активности¹². Восемь лет спустя, в конце 1978 года, специальная сенатская комиссия по расследованию организованной преступности в торговле между штатами вскрыла 46 видов легальной деятельности, в которые вкладывали средства члены гангстерских банд. Речь идет о нефтяной, металлургической, автостроительной и других отраслях.

Мафия использует различные средства для проникновения в легальный бизнес. По мнению Национального совета по вопросам преступности и правонарушений, основными методами являются следующие: инвестирование своих доходов, полученных от азартных игр, торговли наркотиками, вымогательств и другой преступной деятельности; вступление в со владение предприятием в качестве платежа по погашению долга его хозяина; отказ хозяину в праве выкупа заложной в случае просрочки; принуждение хозяина с помощью насилия или угроз уступить

полностью или частично контроль над предприятием.

В последнее время организованные преступники избегают прибегать к насилию (хотя и не отказываются от него) для проникновения в законный бизнес. Они предпочитают использовать различные более тонкие методы. Они располагают огромным свободным капиталом и являются желанными деловыми партнерами для многих предпринимателей. Исполнительный директор комиссии по борьбе с преступностью в Новом Орлеане А. Кон указывал: «Частный сектор вместе со многими официальными лицами либо вообще бездействует, либо предпринимает лишь слабые меры против организованных преступников. Если организованная преступность превратилась сегодня в «крупнейшую в Америке отрасль», то главная причина в том, что частный сектор сам ее стимулировал и терпимо к ней относился»¹³. Такого же мнения придерживается и специалист по проблемам американского бизнеса Чарлз Гратцнер. В статье «Как запереть двери перед мафией?» он объясняет успешное вторжение организованных преступников в сферу легального бизнеса тем, что «предприниматели по тем или иным причинам не желают сообщать правоприменяющим органам свои подозрения об их попытках инфильтрации. Эта позиция «молчаливого большинства» значительно облегчает задачу преступного мира»¹⁴.

Проникновению мафии в легальный бизнес способствует широкое распространение так называемой «беловоротничковой» преступности. Гангстеры находят общий язык со многими бизнесменами, менеджерами и другими работниками корпораций, совместно занимаются мошенничеством и другими финансовыми махинациями. Комиссия палаты представителей по проблемам преступности провела специальные слушания, посвященные инфильтрации организованных преступников в банки и другие финансовые учреждения. Слушания, по словам председателя комиссии, конгрессмена Клода Пеппера, показали, что «ряд искушенных преступников обманым путем выманивали у банков, страховых компаний и маклерских фирм миллионы долларов ежегодно...

сотрудничая в этом деле с коррумпированными бухгалтерами и юристами»¹⁵. Используя «своих людей» в финансовых учреждениях, преступники сбывают краденые либо фальшивые ценные бумаги. После слушаний в палате представителей, проводившихся в 1971 году, и многих других расследований процесс проникновения организованных преступников в различные отрасли экономики продолжался. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал 13 июля 1977 года специальный доклад, подготовленный его сотрудниками: «США: проникновение мафии в сферу законного бизнеса». В нем говорится: «Сейчас внимание общественности привлечено к усиленному внедрению организованной преступности в сферу законного бизнеса. Используя свои огромные ресурсы, банды гангстеров разрабатывают изощренные и сложные мошеннические операции. В одном районе за другим они проникают в различные предприятия, от ссудных учреждений и компаний по торговле недвижимостью до продовольственных магазинов». Далее журнал делает знаменательное признание: «В этом процессе все больше стираются грани между операциями традиционных «семей» Мафии и дающими быстрый доход махинациями других высокоорганизованных преступников из среды служащих».

Стираются грани в социальном положении организованных преступников, с одной стороны, бизнесменов, менеджеров — с другой. В этом отношении показательны данные о тех, кто присутствовал на общеамериканском сборище гангстеров в Апалачи-не в 1957 году: среди них 17 человек являлись хозяевами баров или ресторанов, 10 — магазинов розничной торговли, 16 — владельцами или совладельцами предприятий по пошиву одежды, 11 занимались торговлей оливковым маслом и сыром, 10 — строительством¹⁶. Вот другие, более поздние данные. Бюро внутренних доходов проверило занятия 113 наиболее крупных организованных преступников. Оказалось, что... 98 из них участвуют в законном бизнесе!

Сегодняшний крупный гангстер уже, как правило, не напоминает своих знаменитых предшественников 20-х годов типа Диллинджера и Картиса, кото-

рые носились по стране в украденных «фордах» с маской на лице и с автоматами в руках врываются в банки. Нынешние гангстеры вполне успешно стараются придать себе респектабельность. Они не рискуют своей свободой ради пачки ассигнаций, отнимаемой у банковского кассира. Теперь они прибирают к рукам банки целиком. А в тех случаях, когда нет возможности установить свой контроль над банком или получить от него заем, нередко начинают выдаивать субсидии у различных государственных ведомств. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс» (от 28 февраля 1974 года), организованные преступники в более чем 30 крупных городах регулярно получали миллионные займы у Администрации по делам мелкого бизнеса. Среди получателей оказались племянник босса организованной преступности в Новом Орлеане Карлоса Марчелло, его ближайший сообщник и многие другие. Средства, полученные от различных нелегальных промыслов, у них имеются в избытке. Но им необходимы законно полученные деньги, чтобы они могли их без риска вложить в легальный бизнес.

Перед преступниками всегда стояла задача: как использовать добытые нелегальным путем деньги или ценные бумаги, чтобы не попасться в руки правосудия? Бывший взломщик Джек Блэк как-то рассказал на страницах журнала «Харперс»: «Полвека назад знаменитый налетчик Джимми Хоу похитил из бостонского банка миллион долларов в облигациях и не смог сплавить их. Тогда закон еще что-то значил. Джимми попытался разменять их у мамыши Мендельбом, скупщицы краденого, ходил в ее грязный притон, чтобы договориться об условиях, но она и слышать об этом не хотела. В наше время он мог бы прийти в шикарную контору и обратиться к человеку, сидящему за полированным столом, который помог бы ему замести следы, взяв у него на следующее же утро облигации по пятидесяти центов за доллар»¹⁷.

Сбывание ценных бумаг за определенную мзду через банки является лишь одним из многочисленных способов, к которым прибегают организованные преступники для «отмывания», или «отстирывания»,

как принято говорить в США, своих «грязных» денег. Одним из главных в последние десятилетия стало использование швейцарских банков с их номерными, то есть безымянными, счетами. Швейцарские банкиры, а по их примеру и банки в Нассау (Багамские острова) охотно принимают на хранение деньги и ценности, не очень интересуясь ни их происхождением, ни личностью клиентов. Тарстон Кларк и Джон Тигью, следователи нью-йоркской атторнейской службы (прокуратуры), в своей книге «Грязные деньги» раскрывают механизм их «отмывания». Он состоит из трех операций: контрабандная доставка денег из США, изменение их происхождения и, наконец, возвращение «чистых» денег, которые используются организованными преступниками для капиталовложений в различные деловые предприятия и на другие цели¹⁸.

Постоянно обслуживают организованных преступников около десяти курьеров. Это искушенные люди, хорошо знающие и как открыть счет в банке, и как пройти таможенный досмотр. Они стараются ничем не выделяться среди бизнесменов, совершающих трансатлантические перелеты: берут билеты первого класса, останавливаются в лучших отелях, носят дорогие, но скромные костюмы. Деньги они держат в специально сделанных поясных ремнях. Деньги, поступившие в швейцарский банк, затем в виде займа официально переводятся в США на имя самого же вкладчика или указанной им корпорации или банку. Цикл завершается. Такого рода мошенническими операциями занимаются не только профессиональные преступники, но и крупнейшие американские корпорации. Вся разница между ними лишь в том, иронически замечают Т. Кларк и Д. Тигью, что меняется последовательность операции — корпорации легально переводят свои деньги в Швейцарию или на Багамские острова, а там, обратив в наличность, тайком возвращают в США для нелегальных операций. Так, вице-президент одной из крупнейших нефтяных компаний «Галф ойл» Клод Уилд полученные подобным путем 100 тысяч долларов тайком передал Комитету за переизбрание президента Никсона, а также 10 тысяч — сенатору

Генри Джексону (демократ, штат Вашингтон), 15 тысяч — конгрессмену У. Миллсу (демократ, штат Арканзас).

Американские социологи и криминологи давно и всерьез ведут спор: к кому же следует относить главарей мафии — то ли это преступники, занимающиеся бизнесом, то ли бизнесмены, прибегающие к преступным методам. Дискуссии продолжаются. А тем временем грани, отделяющие боссов мафии от коррумпированных политиканов и респектабельных преступников в «белых воротничках», становятся все менее заметными. Однако средства массовой информации, а тем более правящие круги стремятся не привлекать внимание общественности к моральному разложению господствующего класса, преступной деятельности многих его представителей. В результате, как отмечал исполнительный директор Комиссии по борьбе с преступностью в Сан-Франциско Ирвин Рейхерт, «люди больше озабочены преступностью на улицах, чем преступностью в сфере бизнеса, хотя потери денег от преступлений на улицах и краж со взломом почти незначительны по сравнению с обманом потребителей и нарушением законов со стороны корпораций».

«Удивительная» позиция ФБР

«ФБР достаточно медленно переключало свое внимание на организованную преступность. Это вызывает удивление, ибо трудно представить себе более естественного противника»¹. Автор этих строк бывший министр юстиции США Рамсей Кларк, который, так сказать, из первых рук, на основании личного опыта, знал об упорном нежелании главы Федерального бюро расследований вести борьбу с организованной преступностью. Впрочем, Кларк был отнюдь не первым, кто обратил внимание на эту «удивительную» позицию Э. Гувера, которой директор ФБР неизменно придерживался еще с начала 20-х годов, когда он был поставлен во главе этого ведомства. Действительно, в течение нескольких десятилетий развитие организованной преступности и

ФБР шло как бы параллельно, их линии почти никогда не пересекались, они почти не сталкивались друг с другом. Обе организации — преступный синдикат и ФБР — пользовались благами такого сосуществования, укрепляли свои позиции и процветали. «Это было,— по словам прогрессивного американского публициста и политолога Фреда Кука,— самым крупным, очевидным и необъяснимым провалом ФБР».

В течение десятилетий Гувер не пошевелил пальцем для борьбы с преступным подпольным синдикатом. Он настойчиво повторял, что его вообще не существует, что мафия — это плод воображения журналистов. В книге Дона Уайтхеда «История ФБР», выпущенной с одобрения Гувера, прославлялась борьба ФБР с такими бандитами, как Диллинджер и Картис, возглавлявшими небольшие шайки. Но в этой полуофициальной истории ФБР даже не упоминались имена Лучано, Костелло, Лански, Дженовезе — автору нечего было сказать о борьбе ФБР с этими главарями организованного преступного мира. «В течение более тридцати пяти лет,— пишет Роберт Нэш, автор исследования о шефе американской охраны,— будучи главой ФБР, Гувер хранил молчание по поводу существования преступного синдиката, не давая ни убедительных объяснений, ни оправданий своей позиции»².

Когда был отменен «сухой закон», Гувер объявил, что теперь главным видом преступности станет похищение детей. Действительно, в то время немало преступников похищали детей у состоятельных родителей. Но этим занимались одиночки либо небольшие шайки, которые, получив выкуп, обычно распадались. Каждый случай похищения детей попадал на первые полосы газет, привлекал всеобщее внимание. Директор ФБР всячески старался нажить себе капитал на раскрытии этих несложных преступлений. Общенациональной сенсацией стало похищение сына Чарльза Линдберга — первого летчика, совершившего перелет через Атлантический океан. Ребенка выкрал прямо из его детской кроватки не профессиональный преступник, а впавший в крайнюю нужду плотник. Хотя главную роль в ро-

зыске мальчика сыграли агенты Бюро внутренних налогов, Гувер постарался приписать заслуги ФБР. Но когда Федеральному бюро расследований поручили наблюдение за торговлей спиртными напитками, Гувер бурно запротестовал и добился, чтобы это дело было передано в ведение министерства финансов. «Гувер был этим весьма доволен,— пишет Хэнк Мессик,— он явно не желал наступать на мозоли таких людей, как винный король Луис Розенстил или Джон Торрио и Майер Лански»³.

В 20—30-е годы, именно тогда, когда создавался каркас современной организованной преступности, Федеральное бюро расследований заполняло свои отчеты данными о возвращенных их владельцам похищенных автомобилях. Вообще ФБР довело до совершенства манипулирование статистическими данными в целях саморекламы. Обычных воров, грабителей, насильников и убийц арестовать было куда проще, чем организованных преступников. Даже если бы ни один из последних не был бы арестован и тем более осужден, оставались тысячи и тысячи обычных уголовников, преследование которых давало ФБР возможность создавать внушительную картину своей борьбы с преступностью. «Именно с помощью подобных статистических ухищрений,— писали известные специалисты по организованной преступности Р. Салерно и Д. Томпкинс,— ФБР создало себе завидную репутацию»⁴.

Между тем уже с конца 20-х годов органам юстиции США становились известными все более многочисленные факты о росте организованной преступности. 5 декабря 1928 года кливлендский полицейский обратил внимание на подозрительных людей, глубокой ночью направлявшихся в отель «Статлер». Оказалось, что это были съехавшиеся со всех концов страны заправилы организованной преступности. Но первое сборище главарей не вызвало никакого интереса у ФБР. Нет никаких свидетельств того, что ФБР проявило какой-то интерес и к их второму сборищу, которое было несколько месяцев спустя в городе Атлантик-Сити.

Ничего не делая для борьбы с мафией, ФБР умудрялось, однако, создавать вокруг себя ореол

борца с гангстерами. Оно приписало себе в заслугу то, что Аль Капоне был посажен за решетку. Эта инспирированная Гувером версия попала на страницы многих книг. Правда же заключалась в том, что печально знаменитый чикагский гангстер был осужден не за многочисленные убийства, а за неуплату налогов, а необходимые улики собрали не агенты ФБР, а сотрудники министерства финансов. Они же, а не ведомство Гувера добились осуждения ближайших подручных Аль Капоне — Нитти и Гузика.

Разоблачения, сделанные в 1951 году комиссией, возглавлявшейся сенатором Э. Кефвером, вновь привлекли внимание общественности к проблеме организованной преступности. В своем докладе комиссия показала, как действуют в масштабе страны синдикаты преступников. Доклад выбивал из рук Гувера щит, которым он прикрывал свое бездействие: это ссылка на то, что организации преступников, если они и существуют, носят сугубо локальный характер, а посему борьба с ними входит в компетенцию местной полиции. Но и доклад комиссии Кефвера не изменил «удивительной» позиции ФБР. Законодательство, принятое еще при Рузвельте, давало ему необходимую правовую основу для борьбы с организованными преступниками, привлекая их за такие уголовные преступления, как вымогательство, перевозка краденой собственности и оборудования для азартных игр через границу штатов, мошенничество с использованием телеграфной связи, некоторые виды рэкета, перевозка проституток из штата в штат и многие другие. Но эти правовые возможности для нанесения ударов по преступным синдикатам никогда не были использованы ФБР. «Более того,— писал Ф. Кук,— бюро и его директор воздвигали препятствия на пути каждого, кто пытался это сделать. Это стало особенно очевидным после встречи гангстеров в Апалачине», состоявшейся осенью 1957 года. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», отмечая, что встреча доказала существование «невидимого правительства» преступного мира, призвала ФБР развернуть против него решительную борьбу. С такими призывами выступили многие другие органы печати, общественные и политические деяте-

ли. Но Гувер оставался непоколебим — он по-прежнему отрицал существование мафии.

В этих условиях администрация Эйзенхауэра, не имея возможности далее игнорировать свидетельства существования подпольного синдиката, создала в 1958 году в рамках министерства юстиции специальную группу для расследования организованной преступности. Однако вскоре выяснилось, что ФБР не только не оказало ей содействия, но, напротив, стало ставить палки в колеса. По словам заместителя руководителя группы Джерарда Гэттеля, ей приходилось фактически вести борьбу на два фронта: против преступных организаций и против ряда государственных правоприменяющих органов. «Самую недружелюбную позицию, — по его словам, — заняло ФБР». Впрочем, Гувер и не скрывал своего враждебного отношения к специальной группе, отказываясь предоставлять ей какую-либо информацию, запрещал своим агентам сотрудничать с ней в каких-либо формах. Пытаясь дискредитировать специальную группу, самую идею существования общенациональных преступных синдикатов, Гувер заявил: «Моим единственным выводом является то, что некоторые лица слишком часто смотрят телевизор и воспринимают фантастические рецепты решения проблем местной преступности». Обвинив группу в стремлении добиться публичности, Гувер заявил: «Мы, конечно, не имеем ни людских ресурсов, ни времени, чтобы растрачивать их на такое сомнительное занятие». Со своей стороны специальная группа разоблачила усилия ФБР сорвать борьбу с организованной преступностью. Один из ее сотрудников, Ричард Огилви, заявил публично: «Критиковать Гувера крайне опасно для кого бы то ни было. Но честность побуждает меня заявить, что идеи Гувера далеко отстали от времени. ФБР все еще ведет борьбу с преступностью, какой она была в 20—30-х годах. Но оно все еще не начало бороться с преступными синдикатами».

Попытки специальной группы бросить вызов ФБР были обречены на неудачу. Силы были слишком неравны. Когда внимание общественности, взбужденное апалачинским сборищем, притупилось,

специальную группу расформировали. Ее предложение создать специальный постоянный центр по борьбе с организованной преступностью было отвергнуто. Позже руководитель группы Милтон Вессел писал: «Самым большим разочарованием для сотрудников группы было то, что рекомендации, сделанные в нашем официальном докладе, не были приняты. Мы выступали за создание постоянного подразделения, которое бы занималось преступными синдикатами... Против этого предложения решительно возражали те, кто утверждал, будто преступность и рэкет являются в первую очередь местными проблемами». Автор этого заявления явно имел в виду в первую очередь Гувера.

В 1961 году журналист Джон Кросби писал в открытом письме Гуверу: «За время вашего руководства Федеральным бюро расследований преступность в нашей стране выросла в гигантских масштабах. Под вашим благожелательным взором синдикаты гангстеров купаются в золоте, окруженные почетом и уважением».

Гувер проигнорировал это публичное обвинение.

После своего избрания на пост президента Джон Кеннеди назначил на пост министра юстиции младшего брата Роберта Кеннеди, активизировавшего борьбу с организованной преступностью. По его инициативе был проведен ряд мероприятий: принято законодательство, расширяющее полномочия федеральных властей в этой сфере, активизирована деятельность отдела министерства юстиции по борьбе с организованной преступностью. Р. Кеннеди потребовал и от Федерального бюро расследований, чтобы оно отказалось от своей позиции стороннего наблюдателя. Гуверу пришлось неохотно подчиниться. При этом он не преминул нажить себе политический капитал, явно преувеличив роль ФБР. Такой случай предоставился Гуверу, когда ему стало известно, что осужденный за торговлю наркотиками нью-йоркский гангстер Джозеф Валачи желает дать показания о преступной организации. И снова, как и в ряде случаев в прошлом, Гувер присвоил себе чужие заслуги, в данном случае — Федерального бюро по борьбе с рас-

Джозеф Валачи дает показания.

пространением наркотиков. Именно агенты бюро поймали этого рядового члена («солдата») «семьи» Вито Дженовезе и добились его осуждения в 1960 году за нарушение федеральных законов о наркотиках. Он был приговорен к 15 годам заключения и отправлен для отбывания срока в тюрьму в городе Атланта (штат Джорджия). Вечером 22 июня 1962 года Джозеф Валачи, заключенный № 82811, во время прогулки по тюремному двору неожидан-

но схватил обрезок водопроводной трубы и обрушил град ударов на другого заключенного. Последний скоро скончался.

Позже Валачи объяснил мотивы своего поступка. Вито Дженовезе стал подозревать его в том, что он стал доносчиком Федерального бюро по борьбе с наркотиками. В свое время Дженовезе был почетным гостем на свадьбе молодого Валачи. Оказавшись с ним в атлантской тюрьме, босс оказал своему «солдату» большую честь — поселился с ним в одной камере. Но затем, по предположению Валачи, кто-то из заключенных убедил Дженовезе в том, что Валачи стал «легалым». Отныне дни его были сочтены. Сам Дженовезе недвусмысленно сказал ему: «Случается, что в ящике с яблоками окажется одно гнилое. От него надо поскорее избавиться, иначе оно нанесет вред всем остальным». Эта незамысловатая притча прозвучала для Валачи как приговор. Дженовезе, правда, заверил Валачи, что она не имеет к нему никакого отношения, и поцеловал его. Но Валачи знал, что это был поцелуй смерти. И действительно, с этого времени смерть стала ходить по пятам заключенного № 82811: ему подсыпали яд в пищу, пытались прикончить в душевой, а затем, когда это не удалось, втянуть в драку в тюремном дворе и в свалке пырнуть ножом. Валачи знал нравы и законы Мафии, так же как и влияние, которым пользовался его босс Дженовезе, даже находясь в тюрьме, где среди заключенных были и мафиози.

Считая, что его дни все равно сочтены, Валачи и решился на отчаянный шаг — нанести удар первым и прикончить своего предполагаемого убийцу (в действительности его жертвой оказался не Дипалермо, который в «семье» Дженовезе обычно приводил в исполнение смертные приговоры, вынесенные боссом, а другой, очень похожий на него заключенный). Валачи двигало не только чувство мести: после нового преступления его, как он и предполагал, поместили в одиночную камеру, здесь он чувствовал себя в большей безопасности. Надеясь избежать смертного приговора, он предложил «сотрудничать с федеральным правительством».

После того как Валачи начал давать свои пер-

вые показания, ФБР, увидев возможность превратить их в сенсацию, добилось того, что заключенного передали в его ведение. Позже Гувер всячески старался преувеличить значение показаний, которые давал Валачи. Осенью 1963 года он писал: «В последние недели по всей стране внимание было приковано к внутренней жизни зловещего синдиката, известного как «Коза ностра». Эта федерация профессиональных рэкетиоров представляет собой ударную силу организованной преступности в Америке». Валачи приписывалось, будто бы он «открыл существование ранее чуть ли полностью неизвестной преступной организации и первый сообщил ее название». Поскольку Гувер в течение десятилетий отрицал сам факт существования Мафии и других объединений организованных преступников, он был заинтересован в том, чтобы иметь повод поднять шумиху о «новой угрозе», которую он, Гувер, раскрыл. Для этого требовалось новое название.

Многие американские специалисты в области организованной преступности считают, что значение сведений, сообщенных Валачи, было искусственно преувеличено. Он отнюдь не был первым гангстером, который «раскололся» и, пытаясь спасти свою жизнь, стал рассказывать о Мафии. Много сведений сообщил Рилз. Важным документом являются воспоминания бывшего мафиози Николы Джинтиле. Большой фактический материал был собран различными комиссиями, полицейскими органами, министерством юстиции и другими ведомствами. По мнению ряда специалистов, Валачи не сообщил ничего принципиально нового и о структуре преступной организации. По словам Томаса О'Брайена, детектива нью-йоркской полиции, «еще за двадцать лет до показаний Валачи мы уже знали о существовании в Нью-Йорке пяти «семей», о которых он говорил... Судя по его показаниям, мы знали и об организации, и о ее членах больше, чем он». Другой сотрудник нью-йоркской полиции — Льюис Коттрелл также заявил, что с помощью электронного наблюдения была установлена структура организованной преступности, состав «семей» и их внутренние взаимоотношения «задолго до показаний Валачи. Он

в действительности только подтвердил сведения, которые уже давно были в наших досье».

Тем не менее Федеральному бюро расследований удалось сделать пропагандистский бизнес на показаниях Валахи. «Открыв» «новую угрозу» в лице «Коза ностра», оно представило себя неусыпным стражем законности и борцом с организованной преступностью. Почти не затратив усилий, но получив все политические дивиденды на показаниях Валахи (на основании которых, к слову говоря, не был осужден ни один гангстер), ФБР снова потеряло интерес к проблеме организованной преступности.

25 марта 1966 года в Чикаго под предлогом чествования гангстера Бучиери состоялось очередное собрание главарей Мафии. В отеле «Эджуотер бич» собрались десятки известных заправил преступного мира. Свыше ста секретных агентов городской полиции вели наблюдение за отелем, а одному следователю удалось даже проникнуть внутрь. Но ФБР не только не послало сюда своих агентов, но даже вообще не знало о проведении секретного собрания. На следующее утро, открыв газету «Чикаго трибюн», директор ФБР прочел подробную информацию о собрании, сообщенную следователем. Он позвонил начальнику чикагского отделения ФБР и потребовал немедленно дать ему полный отчет о происшедшем. Тот поначалу вообще не мог понять, о чем идет речь: он еще не успел просмотреть газет. И ему ничего не осталось, как достать копию доклада, подготовленного в полиции Чикаго.

В 1967 году по инициативе министра юстиции Р. Кларка для развертывания координированной борьбы с организованной преступностью стали создаваться федеральные специализированные «ударные группы». Такие группы были направлены в Буффало, Детройт, Чикаго, Нью-Йорк, Майами и другие центры. В каждую из них включались сотрудники нескольких федеральных учреждений — Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков и опасных препаратов, Службы внутренних доходов, Таможенного управления, Секретной службы министерства финансов и других. Лишь ФБР фактически отказалось направить в них своих сотрудников.

В 1971 году хорошо информированный обозреватель Джек Андерсон сообщил, что ФБР выделило только четырех своих агентов, тогда как другие федеральные агентства — 224.

В заключении своего исследования о Гувере Хэнк Мессик писал: «В течение полувека Джон Эдгар Гувер единственный среди американцев имел возможности уничтожить бесчестные синдикаты организованной преступности. Однако он не сделал этого».

Чем же объяснить подобную позицию ФБР и его главы? «Почему Гувер и ФБР полностью игнорировали с таким постоянством самую серьезную угрозу со стороны преступности, с которой сталкивалась страна? — задает вопрос Фред Кук и добавляет: — На это невозможно дать какой-либо определенный ответ». Если невозможно полностью исчерпывающее объяснение, то, на наш взгляд, главные причины можно выявить, опираясь на уже известные факты.

Криминолог Д. Кресси в своей работе «Похищение нации» утверждает, будто наиболее вероятным объяснением является отсутствие у Гувера необходимых прав. Подобная трактовка представляется неубедительной: ФБР не проявляло никакого желания использовать для борьбы с организованной преступностью те правовые возможности, которые оно уже имело со времен президента Рузвельта. Сам Гувер никогда не требовал от конгресса каких-либо дополнительных прав для борьбы с организованной преступностью; более того, как уже упоминалось, он в течение десятилетий отрицал сам факт ее существования.

Ряд американских исследователей пытаются объяснить позицию Федерального бюро расследований пристрастием его шефа к статистическим выкрутасам для создания саморекламы. В этом объяснении есть доля истины. Гувер действительно создавал миф об успешной работе ФБР, ссылаясь на то, что 96—98% раскрытых им преступлений заканчивается осуждением виновных. Такой высокий процент осужденных достигался за счет мелких преступников, которых легче заставить признать себя винов-

ными. Другое дело главари организованной преступности, которые не только умело заматают следы, но и нанимают лучших адвокатов. Если сконцентрировать свои усилия на борьбе с таким изощренным противником, то кривая успехов ФБР явно могла бы поползти вниз, подрывая миф о его непогрешимости.

Известный политический обозреватель Антони Льюис писал: «Гувер любит концентрировать усилия на относительно простых аспектах полицейской работы, чем на тех, которые вряд ли принесут славу ФБР. Как утверждают, Гувер делает упор на борьбу с угоном автомашин, ограблением банков потому, что успехи в этом выгодны с точки зрения статистических показателей. Так, в течение длительного времени он, как говорят, сопротивлялся широкому участию ФБР в решении таких сложных проблем, как борьба с организованной преступностью и обеспечение гражданских прав негров»⁵. Другой политический обозреватель — Том Уикер выдвинул еще одно объяснение: «Гувер знал, что в сфере борьбы с организованной преступностью сами служители закона особенно часто подвергались коррупции, и он не видел смысла в том, чтобы подвергать соблазну своих агентов и ставить под угрозу репутацию ФБР»⁶. Если это утверждение соответствует действительности (а так оно и есть), то оно лишь свидетельствует о том, насколько атмосфера в стране заражена бактериями коррупции. Впрочем, и сам шеф охраны отнюдь не был безупречен. Известно, например, что он любил совершать увеселительные поездки в Калифорнию за чужой счет. Останавливался Гувер в городке Ла-Джолла в отеле «Дель Чаро», который, как и местный ипподром, принадлежал техасским нефтяным магнатам Клинтону Мэрчиссону и Сиду Ричардсону. Они предоставляли Гуверу роскошный номер стоимостью 100 долларов в сутки, оплачивали его ресторанные счета, так же как и все расходы приятеля Гувера, которого он брал с собой. Только один его визит обошелся Мэрчиссону и Ричардсону, известным своими ультраправыми взглядами, в 15 тысяч долларов. Сам же Гувер ограничивал свои расходы двухдолларовой ставкой на бегах.

Многие сотрудники ФБР отрабатывали у Гувера

своего рода барщину. Они пристроили портик к его особняку, вырыли пруд для разведения рыб, покрыли двор искусственным дерном, воздвигли ограду и сделали многое другое безвозмездно. А все расходы на приобретение материалов относились за счет ФБР. Министерство юстиции решилось придать гласности эти неприглядные факты лишь несколько лет спустя после смерти Гувера в сорокастраничном докладе. Этот документ, как отмечал журнал «Тайм», «показал, насколько широко Гувер, требовавший соблюдения законов от своих рядовых сотрудников, сам использовал средства ФБР»⁷.

Справедливости ради надо сказать, что и новый директор ФБР Кларенс Келли также не отличался особой щепетильностью в денежных делах. Но в отличие от Гувера он предпочитал брать от сотрудников натурой (стол из орехового дерева за 200 долларов, часы за 250 долларов, перстень за 250 долларов и т. д.). Уличенный в получении таких подношений от подчиненных, Келли поспешил возместить их стоимость. Белый дом не только не сместил шефа охраны, но и воздал ему хвалу. «Кларенс Келли,— заявил президент Форд в сентябре 1976 года,— имел и будет иметь возможность отвечать тем высоким требованиям, которые предъявляются к Федеральному бюро расследований». Видимо, честность и порядочность не входят в число этих требований.

Некоторые американские авторы сделали попытки выявить не только морально нечистоплотные поступки Гувера, но и нити, которые тянулись от организованных преступников к главе ФБР. Приводят, например, такой факт. Некий Ирвинг Дэвидсон, официально представлявший интересы Мэрчиссона в Вашингтоне, имел свободный доступ к ФБР. Был он связан общими деловыми интересами и с одним из боссов Мафии в Кливленде, Томасом Ликаволи. Когда последний угодил за решетку, Дэвидсон посоветовал ему внести 5 тысяч долларов в фонд Эдгара Гувера. Вскоре после этого Ликаволи оказался на свободе. Или другой факт. Одним из близких друзей Гувера был некий Дел Уэбб, который строил отель и казино в Лас-Вегасе. Позже он тайно представлял интересы Майера Лански в отеле «Сандер-

берд». Когда агенты ФБР устанавливали подслушивающие устройства в ряде отелей Лас-Вегаса, они обошли стороной владения Уэбба: друзья Гувера пользовались неприкосновенностью, даже если у них были весьма сомнительные связи с преступным миром. Ссылаются также и на то, что глава ФБР любил посещать ипподромы, принадлежавшие мафиози.

Приведенные выше отдельные факты служат хорошей иллюстрацией к политическим нравам, существующим в США, но сами по себе они не дают ключа к объяснению позиции ФБР в отношении организованной преступности. Вообще было бы неверно делать чрезмерный упор на личности и связях самого Гувера, каким бы большим политическим влиянием он ни пользовался.

Причины «странной» позиции ФБР следует прежде всего искать, во-первых, в общих тесных связях между организованной преступностью и политическими кругами и, во-вторых, в главных задачах, которые ставили правящие круги США перед бюро.

У организованных преступников имелись и имеются высокопоставленные покровители из числа политиков и руководителей органов юстиции как на местном, так и на федеральном уровне. Активное участие в борьбе с преступными синдикатами могло бы втянуть ФБР в расследование дел политических деятелей, многие из которых пользовались большим влиянием на местах и в Вашингтоне и к тому же оказывали политическую поддержку ФБР. Это относится к различного рода правым и ультраправым деятелям. Интересно привести по этому вопросу мнение главы отдела по борьбе с организованной преступностью министерства юстиции Уильяма Хандли. На научной конференции в Принстонском университете, посвященной изучению деятельности Федерального бюро расследований, профессор Джеймс Уоренберг спросил у Хандли, согласен ли он с мнением, что нежелание ФБР активно участвовать в борьбе с организованной преступностью объясняется «ее связями с видными политическими деятелями и стремлением ФБР не вмешиваться в дела вашингтонской политики». На это Хандли ответил: «Я счи-

таю, что для подобных утверждений имеются определенные основания. Я говорю это, опираясь на свой личный опыт. В тех случаях, когда речь шла о возбуждении судебного преследования кого-либо из политических деятелей, бюро, хотя оно и должно было вести расследование, проявляло особую чувствительность к возможным последствиям».

Признание Хандли тем более знаменательно, что оно было сделано в 1971 году, еще при жизни Гувера.

Главная же причина «удивительной» позиции ФБР, о чем предпочитает умалчивать Рамсей Кларк, в тех функциях, которые возложены на ведомство правящим классом как главное орудие борьбы с прогрессивными силами. На протяжении всей своей истории ФБР — эта тайная американская полиция — вело ожесточенную борьбу против коммунистической партии, против всех левых организаций, против негритянского, антивоенного, студенческого и других демократических движений, их руководителей и активистов. Ставшие в последние годы известными документы о деятельности ФБР раскрыли не только в каких широких масштабах и какими грязными методами действовала американская охранка, стремясь подорвать и ликвидировать в стране демократические силы, упрятать за решетку, скомпрометировать, а в ряде случаев, физически уничтожить прогрессивных общественных деятелей. Подтвердилось также и то, что вся эта «охота за красными» фактически одобрялась и санкционировалась свыше, в том числе всеми хозяевами Белого дома — и республиканцами, и демократами, и теми, кто претендовал на либерализм, как Д. Кеннеди, и центристами типа Г. Трумэна и Л. Джонсона, и консерваторами Д. Эйзенхауэром и Р. Никсоном. Борьба с прогрессивными силами была и остается главным внутренним фронтом для правящих кругов США в целом. Между консерваторами, центристами и либералами, конечно, существуют различия во взглядах на то, в каких сочетаниях следует использовать методы буржуазного реформизма, отдельных уступок и методы насилия, судебно-полицейского преследования. Но никто из них никогда не ставил

в принципе под сомнение необходимость иметь разветвленный карательный аппарат буржуазного государства в интересах защиты и сохранения капиталистического строя в США. Конечно, либералам хотелось бы, чтобы такие ведомства, как ФБР, вели свою деятельность менее топорно; они позволяли себе, да и то лишь в последнее время, критиковать только его наиболее одиозные действия.

ФБР предпочитало не заниматься борьбой с организованной преступностью прежде всего потому, что концентрировало свое внимание и ресурсы на выполнении своей главной задачи — преследовании инакомыслящих. Например, в 1959 году в Нью-Йорке 400 специальных агентов ФБР занимались слежкой за коммунистами и другими левыми и лишь четверо — вопросами организованной преступности! Известный консервативный еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», пытаясь создать рекламу ФБР, писал в марте 1976 года: «В последнее время ФБР проявляло растущую активность в борьбе с бандами гангстеров»⁸. Однако, как видно даже из приводимых самим журналом данных, активность эта носила скорее показательный характер: с 1961 по 1975 год было арестовано около 40 главарей организованной преступности, однако в тюрьме оказался из них только... один!

Буржуазные авторы, особенно либерального направления, отмечая, что Р. Кеннеди, будучи министром юстиции, настаивал на включении ФБР в борьбу с организованной преступностью, умалчивают о другом: ни администрация президента Кеннеди, ни администрация президента Джонсона, не говоря уже о последующих правительствах республиканцев, не требовали от Гувера ослабления усилий по борьбе с прогрессивными силами.

Более того, в последнее время стало известно, что начиная с 1966 года ФБР осуществляло так называемую операцию под кодовым названием «Завязывание глаз» («Hoodwink»), предусматривавшую использование гангстеров (!) для борьбы с Коммунистической партией США. Операция представляла собой составную часть так называемой программы «Коинтелпро» — широкой программы подрывных

действий против коммунистов, антивоенного, негритянского, студенческого и других демократических движений. Вот чем, по мнению правящих кругов, должно заниматься ФБР. И не случайно проводившиеся после смерти Гувера в конце 70-х годов «реорганизации» ФБР носили косметический характер. ФБР остается политической охранкой, орудием борьбы с прогрессивными силами, с движением социального протеста.

Одиссея Фрэнка Серпико

Встречи все-таки состоялись. Но не в ту пору, когда нью-йоркский полицейский Фрэнк Серпико в течение нескольких лет тщетно добивался приема у своего начальства и отцов города. Его попытки разоблачить коррупцию в рядах полиции наталкивались на стену безразличия. Встречи состоялись только тогда, когда имя Серпико стало известно всей Америке, через несколько часов после того, как прозвучал роковой выстрел. Местом встреч были не мэрия и не полицейский комиссариат, а гринпойнтская больница, куда Серпико доставили с тяжелым ранением в голову, полученным во время рейда на квартиру торговца наркотиками. Сюда, в палату, спешили выразить ему свое восхищение и сочувствие и мэр города Джон Линдсей, и полицейский комиссар Патрик Мэрфи, и его заместители, и главный инспектор полиции, и многие другие высшие чины.

К постели больного подошел мэр.

— Полицейский Серпико, — торжественно произнес Линдсей. — Я знаю, вам очень плохо. Но я хочу сказать вам, что вы очень смелый человек и все ньюйоркцы гордятся вами.

Визит мэра длился минуту. Он вызвал у раненого лишь чувства горечи и негодования.

Почти четыре года назад он встретился с одним из ближайших помощников мэра и перечислил ему десятки фактов, свидетельствовавших о широком распространении мздоимства в полицейском управлении и о нежелании шэфов полиции предпринять какие-либо меры для его пресечения. Помощник доложил о разговоре мэру. Но тот не проявил

никакого интереса к этому вопросу, отказался встретиться с Серпико и предпочел закрыть глаза на преступную деятельность блюстителей закона. Да и сейчас в больнице мэр хвалил его лишь за храбрость, проявленную в схватке с гангстерами. Он ни словом не обмолвился о том, что не меньшее мужество Фрэнк Серпико каждодневно проявлял в течение нескольких лет, ведя борьбу с преступниками в полицейской форме.

Взяточничество среди полицейских было распространено столь широко, что Серпико столкнулся с ним почти сразу же, после поступления на службу. Один из полицейских 19-го участка вручил ему конверт с 300 долларами. Он пояснил Серпико, что это была его «доля» от регулярных выплат, которые делал «еврей Макс», организатор азартных игр в их районе.

Таково было первое знакомство с нравами, царившими в полицейском ведомстве, с организованным и систематическим взяточничеством. Серпико поспешил доложить о случившемся капитану Филлипу Форану, начальнику отдела, номинально призванному вести борьбу с коррупцией в рядах полиции. Казалось, здесь-то и должны были бы заинтересоваться сообщением Серпико и начать расследование. Но слова капитана поразили Серпико не меньше, чем получение взятки. У Серпико, пояснил ему Форан, есть два пути: первый — забыть об инциденте, второй — продолжать свои разоблачения, выступить свидетелем в большом жури. «Но после окончания суда, — предупредил капитан, — ваш труп может оказаться в Ист-Ривер».

Все попытки Серпико привлечь внимание начальства к проблеме морального разложения полицейских, их совместным махинациям с преступными элементами ни к чему не привели. Тогда Серпико предупреждает инспектора Корнелиуса Бехана:

— Я собираюсь обратиться кое-куда вне полиции.

Инспектор взорвался от возмущения:

— Если ты посмеешь это сделать, тебя ждут неприятности. Это против правил. Мы и сами можем очистить свой дом.

Однако полицейское начальство отнюдь не хотело делать генеральной уборки. В крайнем случае оно собиралось лишь навести внешний глянец, наказать одного-двух козлов отпущения, но не менять ничего по существу. Серпико же все лучше понимал, что такие показательные меры ничего не изменят: коррупция проникла во все поры полицейского ведомства, стала системой.

Слухи о новичке, который не только не берет взяток, но и пытается изобличать своих коллег, стали быстро распространяться среди полицейских. Серпико начинает на себе чувствовать невидимое клеймо отверженного и обреченного. Окружавшие его полицейские бросали на него хмурые взгляды, демонстративно не здоровались. А иные открыто делали угрожающие предупреждения. Как-то один из них неожиданно приставил ему к груди нож и сказал:

— Мы знаем, как поступать с такими, как ты. Один из арестованных Серпико участников азартных игр признался ему:

— Они собираются расправиться с тобой.

— Кто именно?

— Да тебе подобные.

— Итальянцы?

— Да нет же. Копы! ¹

Полицейским становится известно, что Серпико будет давать показания относительно коррупции в седьмом округе. Полицейский Роберт Станард предупредил его:

— Помни, это серьезное дело. Немало людей могут пострадать, включая тебя самого...

— Что ты имеешь в виду?

— А ты подумай-ка об этом сам.

Несколько минут спустя другой полицейский заявил Серпико, что разбирательство в большом жюри может навлечь на него неприятности, покрыть позором его семью.

— Поэтому,— многозначительно добавил он,— стоило бы дать кое-кому пару тысяч для того, чтобы он позаботился обо мне.

Это можно было понять так, что деньги предназначались для наемного убийцы.

Неподкупный, бескомпромиссный Серпико стал бельмом на глазу и у дающих, и у берущих взятки. Для борьбы против общего врага полицейские объединились с членами нью-йоркской мафии. Постепенно Серпико начинает понимать, что между миром блюстителей порядка и преступным миром существуют куда более сложные, изощренные и глубокие связи, чем ему поначалу казалось. Их сотрудничество осуществлялось в таких широких масштабах и на столь прочной организованной основе, что превратило полицейских в фактических соучастников преступного бизнеса. Между полицейскими и мафией установились определенные доверительные отношения, обмен секретной информацией, представлявшей взаимный интерес. Серпико был потрясен, когда узнал, что гангстеры заранее осведомлены о намеченных полицией налетах на места азартных игр. Более того, кто-то из полицейских покопался в «личном деле» Серпико, хранившемся в полицейском управлении, и сообщил гангстерам все интересовавшие их сведения о его биографии. ...Как-то Серпико удалось напасть на след сборщика ставок от играющих в числа Питера Танкреди. Обычно он стоял у входа в итальянский клуб на углу Второй авеню и 116-й улицы в Восточном Гарлеме. К нему то и дело подходили люди, что-то говорили вполголоса, после чего Танкреди скрывался на минуту за дверьми, чтобы через минуту появиться вновь. Серпико устремился вслед за ним и настиг его в кухне, где он, достав из печки лист бумаги, делал на нем очередную запись о ставке. «Вы арестованы», — сказал полицейский Танкреди, захваченному с поличным. Но он не успел вывести арестованного на улицу, как в клубе появился известный гангстер по кличке Фабри, «лейтенант» в «семье» Вито Дженовезе. «Каким образом мафиози узнал об аресте своего подручного?» — подумал Серпико. Еще более удивило Серпико то, что высокопоставленный гангстер прекрасно знал его и даже подробности его жизни. Фабри попытался договориться с Серпико, без обиняков предложив ему деньги.

— Послушай, парень, что тебе, собственно, надо? Со всеми другими у нас все о'кей. Теперь пришел ты.

В чем дело? Вот что я тебе скажу. Я позабочусь о тебе за счет собственного кармана.

— Меня не интересует, что находится у тебя в кармане. Иначе я бы не был здесь.

Видя, что ему не удастся подкупить Серпико, гангстер решил его запугать:

— Смотри, если ты заберешь этого парня, потом жалеть будешь... Я ведь знаю о тебе предостаточно. Знаю, где ты рос. Знаю твою машину. Знаю, где ты живешь. Знаю даже, где живут твои родители. Кстати, как они себя чувствуют, твои мамаша и папаша?

Гангстер давал понять, что длинная рука мафии может дотянуться и до Серпико, и до его родителей. Но Серпико остался непоколебим.

— Мне надоело слушать твою брехню,— сказал он резко и, вытащив браунинг, повел арестованного в полицейский участок.

— Хорошо, иди,— сказал ему вслед Фабри.— Но так дела не делаются.

Обстоятельства, при которых Серпико был тяжело ранен, остались не выясненными до конца. Да и кто, собственно, был заинтересован в том, чтобы докопаться до истины? Некоторые авторы считают, что Серпико попал в ловушку, расставленную полицейскими совместно с гангстерами. Во всяком случае, бесспорно, что другие полицейские, находившиеся рядом на лестничной площадке, вели себя по меньшей мере странно. Когда Серпико, пытавшийся ворваться в квартиру торговца наркотиками, оказался в критическом положении и стал звать их на помощь, никто из них не сдвинулся с места, а гангстер в упор выстрелил в Серпико, зажато в дверях. Характерно и другое. Когда тяжело раненный Серпико оказался на больничной койке, его недруги-полицейские старались добить его морально. Они действовали грубо и жестоко. Едва Фрэнк пришел в сознание, как ему передали анонимное послание: на почтовой открытке с типографской надписью «Скорее выздоравливай!» последнее слово было перечеркнуто. Над ним от руки было написано: «Умирай». Автор другого письма выражал сожаление, что Фрэнку Серпико «не вышибли мозги», обзывал его «подонком» и «гносным предателем». «Он,— пишет автор книги о

Серпико, известный американский журналист Питер Маас, — никогда не прекращал изумляться обвинениям в том, что он предатель, стукач, доносчик. Другое дело, думал Серпико, если бы он, скажем, дал клятву верности мафии, а затем выдал ее секреты. Но он дал лишь одну присягу — поддерживать законность, а в законах ничего не говорилось о том, что они не распространяются на полицейских»².

Серпико делал только то, что официально предписывалось делать полицейским. В одной из брошюр, выпущенных полицейским управлением Нью-Йорка, говорилось: единственная задача полицейского — служить населению. Когда почти все люди спят, он бодрствует, «трамбуя тротуар»; он вынесет на руках сбитого машиной ребенка и разыщет бессердечного водителя; он «глубоко переживает, когда убивают или ранят его товарища-полицейского; он страдает еще сильнее, если один из полицейских оказывается паршивой овцой, навлекшей позор на всех других»³. Все эти рекламно-пропагандистские сочинения Серпико проштудировал, когда готовился к поступлению на полицейскую службу. Его судьба не стала бы столь трагической, не прими он эту риторику за чистую монету. Возможно, он никогда не надел бы полицейскую форму. Или с самого начала не имел бы никаких иллюзий относительно заинтересованности высших чинов очистить полицию от коррупции.

В обстановке открытой вражды со стороны полицейских и их сообщников из преступного мира Фрэнк Серпико в течение четырех лет вел в одиночку борьбу против коррупции в полиции. Не найдя поддержки в комиссариате, игнорируя предупреждения начальства, он решил сделать собранные им сенсационные материалы достоянием общественности. Опубликованные в газете, они вызвали политический скандал, получивший широкий резонанс в стране. Чтобы успокоить общественность, городские власти прибегли к традиционному блюду американской политической кухни — созданию комиссии во главе с адвокатом с Уолл-стрита Уитманом Кнаппом. Через два с лишним года комиссия опубликовала свой до-

клад. В нем признается, что в рядах полиции «коррупция широко распространена». Игровой бизнес практикует, как правило, регулярные взносы — раз или два раза в месяц. В среднем на долю каждого (ее именовали «nut») приходилось от 300 до 1500 долларов в месяц. Эта система регулярно выплачиваемых взяток блюстителям порядка называлась на полицейском жаргоне «pad». Менее регулярно, хотя тоже постоянно, «подмазывали» полицию торговцы наркотиками. Размеры взяток здесь были покрупнее, некоторые достигали 250 тысяч долларов! Комиссия признала, что деньги от преступников брали не только рядовые, сержанты и лейтенанты, но и высшие чины. «Конечно,— говорится в докладе,— коррумпированы не все полицейские. Если исключить такие мелкие нарушения, как получение бесплатно еды, заметное число их не занимается взяточничеством. Однако, за редчайшим исключением, даже те, кто лично не получают взятки, тем не менее причастны к взяточничеству в том смысле, что они ничего не делают для того, чтобы его не допустить»⁴. Каждый полицейский, говорилось в докладе, который «нарушал кодекс молчания, подвергался опасности». В рядах полиции сложилась такая обстановка, когда человеку «легче было стать взяточником, чем оставаться честным».

Комиссия отметила, что коррупцию в полиции нельзя рассматривать отдельно от положения в обществе в целом. «Проблема коррупции не является ни новой, ни присущей только полиции... Расследования проводились примерно каждые двадцать лет, начиная с конца прошлого века. Однако положение, которое вскрывалось в одном докладе, существенно не менялось к тому времени, когда писался следующий. Это, однако, не означает, что полиции принадлежит монополия на коррупцию. Напротив, во всех сферах, где процветает полицейская коррупция, параллельно с ней распространена коррупция в других государственных ведомствах, среди предпринимателей, профсоюзных боссов и лиц свободных профессий»⁵.

Мэр Нью-Йорка Джон Линдсей отметил, что он «не может согласиться с некоторыми выводами» до-

клада. Вместе с тем в письме к У. Кнаппу он превозносил до небес «упорную и настойчивую кампанию против коррупции в полиции», которую якобы стал проводить комиссар полиции Нью-Йорка Патрик Мэрфи. «Эти усилия,— утверждал мэр,— привели к огромному прогрессу. Имеются веские основания полагать, что проблемы, с которыми шесть лет назад столкнулся полицейский Серпико, не возникли бы сегодня».

Жизнь, однако, показала, что слова Линдсея стоили не больше, чем заявления его многочисленных предшественников — мэров Нью-Йорка, также заверявших, будто бы они «очистили» полицию. Да и доклад комиссии Кнаппа ждала судьба других аналогичных докладов. Его рекомендации были положены под сукно.

...Получив пенсию по нетрудоспособности, Фрэнк Серпико покинул ряды полиции. Единственно, чего он хотел, поступая на службу,— быть честным полицейским. Но он хотел слишком многого. Согласно теории, ставшей в полицейском управлении почти официальной доктриной, полицейский, уличенный в коррупции,— это гнилое яблоко в корзине, остальное содержимое которой во всех отношениях безупречно. Ни в коем случае нельзя признать то, что продажность отдельных лиц является симптомом общего заболевания⁶. Серпико убедился в фальши и лицемерии этой казенной теории, принятой, кстати говоря, не только в Нью-Йорке, но и по всей стране. В действительности не коррупция, а честность была исключением: в корзине, полной гнилых яблок, оказалось лишь одно здоровое.

Оставаться на полицейской службе было для Серпико и опасно, и бессмысленно, и физически трудно — после тяжелого ранения в голову здоровье его не было восстановлено. Когда в последний раз он вышел из здания полицейского комиссариата, к нему подошел один знакомый полицейский.

— Послушай, Фрэнк, как ты думаешь, тебе действительно удалось что-то изменить? И теперь дела пойдут по-иному?

— Я не знаю,— ответил Серпико.— Теперь это

уже не моя проблема. Я сделал только то, что должен был сделать.

Год спустя журнал «Эсквайр» писал:

«Действительно ли положение в полиции изменилось? Капитан полиции, сыгравший главную роль в блокировании усилий Серпико, был признан полицейским управлением виновным в ложном заявлении. На него наложили взыскание — на месяц отстранили от службы без сохранения содержания. Однако после этого он был избран президентом Ассоциации капитанов полиции! Серпико наградили почетной медалью, но не за сделанные им разоблачения, а за героизм во время рейда, когда его ранили. И он отказался ее принять»⁷.

В письме к автору этой книги (от 10 октября 1977 года) Питер Маас сообщал:

«В настоящее время Серпико проживает в Нидерландах, где у него имеется ферма. Он много путешествует, но не из-за чувства страха за свою жизнь, как некоторые люди предполагают. Я думаю, что в данный период он больше всего стремится обрести спокойствие, поскольку работа в полицейском управлении, мягко выражаясь, травмировала его».

Впрочем, Фрэнку Серпико еще в какой-то мере повезло. Его не уволили со службы. По-иному сложилась судьба полицейского города Олбани (столица штата Нью-Йорк), который решил по примеру Серпико разоблачить нравы местной полиции. Городские власти возбудили против него судебное дело. В результате он был выгнан со службы. Но все полицейские, которых он обвинил в организованном взяточничестве, пользуясь полной поддержкой городского управления, остались на службе.

Коррупция полиции, ее тесные связи с мафией и другими уголовными элементами — одна из главных причин процветания организованной преступности в США. Без сотрудничества с полицией, не пользуясь ее покровительством, гангстеры, не говоря уже о мелких сошках уголовного мира, не могли бы, естественно, заниматься торговлей наркотиками, организацией азартных игр и другими видами преступного бизнеса. Это признают сами мафиози. Вот что, на-

пример, говорил на допросе в сенатской подкомиссии, возглавляемой Джоном Макклелланом, некий Бинсенто Тереза, тесно связанный с организованной преступностью в Бостоне.

Д. Макклеллан. Если человек, не являющийся членом организации, захочет заняться одним из видов рэкета, которым они (боссы организованной преступности.— *Авт.*) заправляют, например «акульим промыслом» или букмекерством, сможет ли он вести дело без их разрешения?

В. Тереза. Ни одной минуты.

Д. Макклеллан. Почему?

В. Тереза. Стоит им обнаружить эту деятельность — и все, конец. Они ведь платят полиции. Но они, конечно, платят ей за себя, а не для того, чтобы здесь вел дело кто-либо посторонний.

Д. Макклеллан. Вы утверждаете, что нельзя заниматься этим делом без того, чтобы об этом знала полиция?

В. Тереза. Конечно нельзя. Без ведома полиции такими делами заниматься невозможно⁸.

В последние десятилетия мафия стала обращать особое внимание на подкуп не только и не столько рядовых полицейских, сколько офицерского состава. В докладе президентской комиссии по борьбе с преступностью говорится: «Организованные преступники в настоящее время направляют свои усилия на то, чтобы коррумпировать должностных лиц правоприменяющих органов высшего или в крайнем случае среднего ранга»⁹.

Подкуп организованными преступниками полицейского аппарата в таких широких масштабах был бы невозможен, если бы он не сопровождался коррумпированием органов власти. «Главарь организованной преступности,— писала газета американских коммунистов «Дейли уорлд»,— могут заниматься своими грязными делами только потому, что политики оказывают им необходимое покровительство. Их покрывают полицейские силы, среди которых повсеместно распространено получение взяток, магарычей и подношений»¹⁰.

Глубокие корни

В своей книге «Банды и мафия» Х. Мессик утверждает, что в США «организованная преступность является продуктом исторической случайности»¹. Причины ее возникновения и развития он видит в «комбинации совпадений»: прибытие в США миллионов нуждающихся иммигрантов, возможность легкого обогащения в период запрещения торговли спиртными напитками, скопление в руках бутлегеров огромных денежных средств и т. д. Все эти факторы действительно способствовали росту организованной преступности, но автор явно преувеличивает их значение. Отнюдь не эти факторы прежде всего обусловили гигантский размах, который она приняла в США.

Если Х. Мессик связывает рост организованной преступности со случайным совпадением некоторых событий в истории США, то некоторые исследователи утверждают, что она вообще не имеет глубоких корней в американском обществе. Это как бы отrostок итало-сицилийской Мафии, искусственно взращенный на американской почве. Некоторые провозглашают эту точку зрения открыто, другие — в более завуалированной форме. В этом плане характерна позиция президентской комиссии по применению закона и отправлению правосудия (1967). В своем докладе все внимание она уделяет преступному синдикату «Коза ностра», «членами которой являются исключительно лица итальянского происхождения». В докладе отмечается: «Законы поведения, в частности иерархическая структура «семей», очень напоминают законы поведения в сицилийской Мафии»². С другой стороны, в докладе утверждается, что «организованных преступников отличают от законопослушных организаций и отдельных лиц моральные и этические нормы, которых они придерживаются, законы и правила, которым они подчиняются»³. Это линия на то, чтобы лишить организованную преступность клейма «сделано в США», подчеркнуть ее несовместимость с господствующей в стране морально-этической системой ценностей.

Подобные попытки представить организованную

преступность неким «чужеродным телом» искусственно отрывают ее происхождение и развитие от истории и развития американского капитализма. В действительности организованная преступность — это плоть от плоти буржуазного общества США, господствующих в нем частнособственнических отношений и морали. Организованная преступность развивалась не в вакууме, а в недрах самого этого общества. Она бы не расцвела таким пышным цветом, не приняла бы такой всеохватывающий характер, если бы для этого в США не было благоприятного климата.

Некоторые американские авторы, в их числе бывший министр юстиции США Рамсей Кларк, признают, что «американской жизни присущи некоторые особенности, которые делают ее естественной средой для организованной преступности». К таким причинам, порождающим организованную преступность, Кларк относит: запрещение азартных игр, наркотиков и некоторых других услуг или товаров, которые поставляются преступными синдикатами; наличие перенаселенных бедными трущоб, наркомания и другие социальные явления; слабость и недостаточная активность правоприменяющих органов. Пока будут сохраняться эти явления, «организованная преступность будет процветать во многих своих формах...»⁴. Кларк, таким образом, как и некоторые другие авторы, не идет дальше признания связи организованной преступности с отдельными социальными явлениями. Перечисленные им факторы действительно способствовали ее росту и процветанию. Однако Кларк и ряд буржуазных авторов не желают признать обусловленность организованной преступности самими основами буржуазного общества в США.

Какие же важнейшие факторы — исторические, экономические, политические и идеологические — явились причиной возникновения и развития организованной преступности в США?

Прежде всего необходимо отметить особенности развития американского капитализма. К. Маркс в письме к Ф. Зорге отмечал в 1881 году, что в США капитализм развивался «в более циничной форме, чем в какой-либо иной стране»⁵. Жестокая эксплуатация черных рабов, а затем формально свободных

негров, варварское истребление коренного населения, кровавые расправы с рабочими, грабительская война с Мексикой — вот чем была отмечена история американского капитализма эпохи «свободного предпринимательства». «В противоположность красочным картинкам, прославляющим отважные приключения, — отмечается в Программе Коммунистической партии США, — которыми заполнены страницы школьных учебников истории, история развития американского капитализма — это история завоеваний, убийств, грабежа, коррупции и жестокости»⁶.

В особенно циничной форме вакханалия капиталистического накопительства развернулась после окончания гражданской войны. Характеризуя развитие капитализма в последней трети XIX века, известный американский экономист Б. Селигмен в книге «Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории» писал: «Бизнес был подобен джунглям, наполненным хищниками...»⁷. Эти хищники попирали любые принципы морали и законы, шли напролом, пуская по миру конкурентов, не останавливаясь ни перед какими махинациями, если они сулили барыши. Вот как характеризует Селигмен одного из крупнейших набобов Уолл-стрита XIX века, Джея Гулда: «Он приобрел репутацию неразборчивого в средствах финансиста, который получал удовольствие, разоряя других. Наглый, продажный и аморальный, он был способен на любое предательство и являлся мастером спекуляций и гением в деле ограбления компаний, которые контролировал. Гулд смотрел на мошеннические спекулятивные сделки хладнокровно и бесстыдно». Мало чем отличались от Гулда Дж. П. Морган, Джим Фиск, Джон Д. Рокфеллер, Эндрю Меллон и другие плутократы, нажившие свои баснословные состояния путем насилия и обмана. Кровавая история их борьбы за рудники, нефтеносные земли, их финансовые махинации средствами, ассигнованными на строительство железнодорожных магистралей, — все это проявления традиций американского капитализма. Об этих пиратах свободного предпринимательства в то время было метко сказано: «Когда они говорят — то врут, когда молчат — воруют».

Еще более грабительский, циничный характер приобрел американский бизнес в эпоху империализма. «Американские тресты,— отмечал В. И. Ленин,— есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным»⁸. «Монополия,— указывал В. И. Ленин,— пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от «скромного» платежа отступного и кончая американским «применением» динамита к конкуренту»⁹.

Таким образом, задолго до появления организованной преступности в США складывались и развивались традиции хищнического предпринимательства, использующего уголовные средства в интересах получения максимальных прибылей. Современный монополистический бизнес прибегает к преступным средствам и методам в не меньших, если не больших, масштабах, чем в начале века. Автор известного исследования о монополистической верхушке «Богачи и сверхбогачи» Ф. Ландберг отмечал, что «преступления бизнесменов... обычно рассматривают как ненасильственные, тем самым ставя этих обвиняемых в глазах общественного мнения хоть на ступеньку выше таких неортодоксальных бизнесменов, как Фрэнк Нитти, Тони Аккардо и Фрэнк Костелло (известные главари Мафии.— Авт.). Но это различие явно фальшивое...» Далее Ф. Ландберг отмечает, что нынешние воротилы монополистического капитала «имеют на своем счету внушительное число нарушений закона, и по сравнению с их незаконной деятельностью операции мафии и преступных синдикатов кажутся детской игрой»¹⁰.

Действительно, никогда еще история США не знала такого размаха преступных махинаций хозяев крупного бизнеса, как в настоящее время. «Высокая техника» финансового жульничества монополий, отмеченная В. И. Лениным¹¹, шагнула за последние десятилетия далеко вперед. Здесь и новые методы фальсификаций отчетностей, и биржевые спекуляции, и уклонение от налогов (недоплата последних

крупнейшими корпорациями исчисляется десятками миллиардов долларов в год). Неотъемлемой чертой американского бизнеса стали взяточничество и подкуп. Как сообщала американская печать, в 1977 году свыше 300 компаний делали щедрые подношения политическим деятелям за рубежом. Повседневным явлением стало надувательство покупателей. По данным Торговой палаты США, применяются около 800 различных способов обмана потребителей с целью выманить у них деньги, и каждый день изобретаются все новые. Коррупция и мошенничество среди предпринимательства приняли такие масштабы, что сенатор Проксмайр вынужден был признать: «По крайней мере значительная доля частного сектора в США представляет собой игорный дом, где игра идет краплеными картами — королями коррупции, валетами нелегальной торговли и тузами политического нажима».

Моральная деградация буржуазии, используемые ею методы, процессы монополизации — все это не только создало общий климат, благоприятствовавший процветанию организованной преступности, но и наложило свой отпечаток на особенности ее развития и деятельности. Причины создания преступных синдикатов в США кроются не в злокозненной деятельности мафиози, решивших воссоздать на американской земле сицилийские тайные организации. В действительности история организованной преступности в США — объединение разрозненных шаяк в крупные синдикаты — повторяла, по сути дела, развитие американского легального предпринимательства, проходившие в нем процессы монополизации. Отмечая, что для организованной преступности характерна тенденция к объединению, американский криминолог У. Рэклисс справедливо проводил параллель с капиталистическими корпорациями. «В основе этой тенденции, — писал он, — лежит стремление главарей организованных преступников к неограниченному могуществу и полной власти в преступном мире; точно так же короли бизнеса стремятся к полноте власти в области финансовой и промышленной деятельности. Стремление преступных организаций к неограниченному могуществу в

своей области полностью соответствует монополистическим тенденциям в мире бизнеса».

Комиссия Кефопера также отметила, что «преступные синдикаты и организации преступников копируют методы, которых придерживается современный бизнес». Это прежде всего касается стремления главарей преступного мира к расширению своего влияния, к устранению конкурентов в лице других банд путем либо физического уничтожения, либо подчинения своему контролю.

Другим важнейшим фактором, сделавшим возможным рост организованной преступности в США, явилось моральное разложение политической элиты, коррупция органов власти. «Американская политическая продажность»¹² — так назвал В. И. Ленин одну из характерных черт буржуазного общества в США в эпоху империализма. Если бы не эта «политическая продажность», если бы главари не вступали в сговор с различными представителями властей — полицейскими, судьями, мэрами городов, губернаторами, партийными боссами и с более высокопоставленными деятелями, преступные банды давно были бы разгромлены и, естественно, не превратились бы в процветающие объединения. Президентская комиссия по применению закона и отправлению правосудия в своем докладе (1967) признала, что «организованная преступность существует благодаря той власти, которую она приобретает за деньги», что она «может тратить миллионы долларов на коррумпирование официальных лиц»¹³.

Последнее, конечно, верно. Однако подобные официальные признания дают, по сути дела, одностороннюю и потому искаженную картину подлинных взаимоотношений между организованной преступностью и органами власти. Рэкетеры выступают в роли дьяволов-искусителей, склоняющих к первородному греху «невинных и добропорядочных ангелов» из государственных учреждений. Организованная преступность, сетует Р. Кларк, «разлагает аппарат государственной власти». По его словам, «наибольший вред, который причиняет организованная преступность, заключается в коррупции должностных лиц»¹⁴.

Тем самым сознательное, целенаправленное партнерство двух равноправных сторон — преступников и представителей властей — изображается как нечто вроде улицы с односторонним движением. Эта картина далека от действительности. В реальной жизни отнюдь не рэкетиры и гангстеры явились источником коррумпирования государственного аппарата и партийных машин. Коррупция в этих сферах американского общества существовала задолго до появления первых синдикатов преступников. Само их появление стало возможным только потому, что вирус продажности, делячества, взяточничества, голого чистогана уже давно поразил государственные и буржуазные партийные институты США. Характеризуя нравы политической жизни в США, Ф. Энгельс писал: «Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь, управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях, как союза, так отдельных штатов, или же живут за счет агитации в пользу своей партии и после победы в качестве вознаграждения получают должности. Известно, сколько усилий затратили американцы в течение последних тридцати лет, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото коррупции... Мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее»¹⁵.

В эпоху империализма политическая коррупция приняла еще более широкий характер. Финансовая олигархия, установившая господство над экономикой страны, усиливала свой непосредственный контроль над политической жизнью, покупая на корню официальных лиц и партийных заправил. «Продажность, подкуп в гигантских размерах, панاما всех видов»¹⁶ стали, по словам Ленина, характерной чер-

той политической надстройкой американского капитализма в эпоху империализма. В эти годы сложилась поговорка, которую приводил В. И. Ленин: «Если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас назначат сенатором»¹⁷.

Еще в конце прошлого века демократические силы США выступали против засилия монополистического капитала, против коррумпированных политических машин обеих буржуазных партий — демократической и республиканской. Принятая в 1892 году предвыборная программа новой партии — популистов (ее главной социальной силой были фермеры), резко осуждая существующие порядки, заявила: «Страна находится на грани морального, политического и материального краха. Коррупция царствует на выборах, в легислатурах штатов, конгрессе и даже проникает на судейскую скамью»¹⁸.

В последующие годы много сделали для разоблачения язв американского капитализма так называемые «разгребатели грязи». Один из них, известный публицист Линкольн Стеффенс, анализируя причины взяточничества и разложения в больших городах США, пришел к выводу, что они коренятся в политическом контроле со стороны монополий, в союзе политиканов обеих партий с «большим бизнесом». «Дух взяточничества и беззакония, — констатировал Стеффенс, — это дух Америки»¹⁹.

Разоблачения «разгребателей грязи» и других обличителей были бессильны остановить процесс разложения буржуазной демократии, дальнейшего развития политической коррупции. Неудивительно, что кампании против коррупции, проводившиеся властями время от времени, носили показной характер. Они призваны были успокоить общественность. А тем временем вирус коррупции все глубже проникал во все поры государственного аппарата. Он достиг и высших органов власти. Сама система выбора президента делала его зависимым от «жирных котлов» — ведущих банкиров и промышленников, делавших крупные взносы в избирательные кампании буржуазных партий. Придя в Белый дом, президентам приходилось платить по векселям, предъявляв-

шимся современными шейлоками с Уолл-стрита. Наиболее нашумевшим политическим скандалом, в котором оказался замешан президент, долгое время, вплоть до «уотергейтского дела», считалась «типот-доумская афера». Типот Доум — название, ставшее в США символом политической продажности²⁰.

В последующие годы коррупция продолжала разжевывать государственный аппарат снизу доверху. Политические скандалы, крупнейшим из которых стало «уотергейтское дело»²¹, превратились в будничные, повседневные события. В последние годы во взяточничестве, укрывании доходов от налогообложения и других преступлениях были уличены вице-президент С. Агню, губернатор Марвин Мэндел (Мэриленд), Отто О. Кернер (Иллинойс), Дэвид Холл (Оклахома) и многие другие политические деятели. Свыше ста членов конгресса получили взятки от агента южнокорейской разведки Пак Тон Суна. В сомнительных финансовых махинациях оказался замешан бывший директор административно-бюджетного управления Берт Лэнс. Занимался подкупаминистр финансов в правительстве Картера Миллер. Выяснилось, что с ведома Миллера, когда он возглавлял корпорацию «Текстрон», зарубежным политическим деятелям было незаконно выплачено более пяти миллионов долларов в награду за выгодные заказы. Крупные подачки получали также высшие чины Пентагона. «Когда Дж. Уильям Миллер занимался продажей самолетов «Белл» правительству Соединенных Штатов,— писала «Нью-Йорк таймс» 7 февраля 1980 года,— восемь лет он и его агенты тратили около семи тысяч долларов на организацию роскошных обедов для руководителей Пентагона». Далее газета сообщает: «Что касается суммы в 600 тысяч долларов, истраченных на руководителей Пентагона, министр Миллер сейчас признает, что он подделал бухгалтерские книги (!), чтобы не разглашать имена лиц, на которых истрачены неподобающе крупные суммы, и не ставить их в неловкое положение». В различного рода аморальных, незаконных действиях оказались замешаны и многие другие высокопоставленные официальные лица. «Не стали ли взятки и вымогательства образом жизни в

США? — ставит вопрос журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» и продолжает: — Многие эксперты в Вашингтоне и по всей стране отвечают на этот вопрос утвердительно и, более того, указывают, что подобная практика с каждым годом приобретает все больший размах». Журнал приводит мнение специалистов, считающих, что размеры взяток составляют 20—30 миллиардов долларов в год.

Моральное разложение политической элиты в полной мере используется заправилами организованной преступности. «Тень мафии над нашим правительством» — так озаглавлена статья в хорошо информированном ньюйоркском журнале «Пэ-рейд». «По утверждениям федеральных юристов, — говорится в статье, — многие конгрессмены поддерживают тайные связи с заправилами преступного мира, и это вызывает тревогу. Боссы преступных рэкето́в финансируют предвыборные кампании политиков и обеспечивают им всевозможную поддержку, необходимую для карьеры конгрессмена. Так возник нечестивый союз между теми, кто устанавливает законы, и теми, кто их нарушает»²².

Как бы ни велика была роль политической коррумпции в существовании организованной преступности, все сводить к ней было бы упрощением. Помимо нее необходимо учитывать и общность классовых интересов главарей мафии, с одной стороны, политических кругов и хозяев монополий — с другой.

Президентская комиссия (1967), естественно, предпочла обойти молчанием этот вопрос. Однако чикагская комиссия по вопросам преступности указала в качестве одного из важнейших признаков организованной преступности «стремление сохранить в нынешних формах политические и государственные институты, а также общество в целом»²³. Это — знаменательное признание. Действительно, американских рэкети́ров и гангстеров вполне устраивали и устраивают и политическая система, и нынешний политический строй в США. На примере Кубы они хорошо знают, что социализм быстро и решительно кладет конец их преступному бизнесу. Поэтому главную угрозу для себя, для своей преступной деятельности, для своих миллионных доходов они видят не

в прокурорах и шерифах, не в комиссиях конгресса, время от времени расследующих их деятельность. Главный враг для них — слева, в лице прогрессивных сил, борющихся против крупного капитала, за глубокие социальные преобразования общества.

Не случайно поэтому рэкетиры и гангстеры, подобно вполне респектабельным политикам, считают антикоммунизм своим идейным знаменем. Тон этому задал еще главарь чикагских гангстеров Аль Капоне. Явно обращаясь не только к своим коллегам-бандитам, но и к столпам общества, он заявил: «Большевизм стучится к нам в дверь. Мы не можем впустить его. Мы должны организовать против него, сплотиться и стоять против него твердо. Мы должны сохранить целостность, безопасность и чистоту Америки. Мы должны предохранить рабочих от «красной» литературы и происков «красных», мы должны заботиться о том, чтобы их сознание не было отравлено».

Если организованные преступники заинтересованы в существовании капиталистического строя и буржуазного партийного механизма, то и влиятельные представители буржуазных политических партий и органов власти, особенно на уровне городов и штатов, а также бизнеса в свою очередь заинтересованы в существовании преступных синдикатов. Для всех них это не только постоянный источник различных взяток, но и сила, которую всегда можно использовать для расправ с прогрессивными общественными деятелями, прогрессивными лидерами и организаторами, для срыва стачек и разгрома рабочих организаций. «Где бы и когда бы в интересах предпринимателей или их объединений ни потребовалось энергичное вмешательство вооруженной силы, ни потребовалась, как говорится, «грубая работа», — писал профессор Танненбаум, — банда, обычно состоящая из уголовных элементов, всегда наготове». Более того, как признает профессор Танненбаум, само происхождение банд в значительной степени связано с тем, что они были нужны капиталу в качестве ударной силы. «Важным (быть может, наиболее важным) источником в самом реальном смысле этого слова, — пишет этот американский кри-

минолог,— и питательной средой для возникновения банд и появления рэкетиров и преступных организаций всякого рода явилась острая, не останавливающаяся перед насилием борьба между трудом и капиталом в Соединенных Штатах». Точнее было бы сказать, что предприниматели не останавливались перед широким использованием насилия, вооруженных банд гангстеров для расправ с трудящимися.

В этой связи важно отметить, что ни в одной другой стране развитого капитализма преступные элементы не использовались для подавления рабочего движения в таких широких масштабах и в такой откровенно циничной форме, как в Соединенных Штатах. Не случайно именно США явились родиной организованного штрейкбрехерства. Достаточно напомнить о «короле штрейкбрехеров» — Бергофе. Он похвалялся тем, что в течение трех дней может доставить в любое место страны 10 тысяч вооруженных наемников. «Его армии босяков и убийц... — по словам американского публициста А. Кана, — обрушивались на один город за другим, грабя и терроризируя население и оставляя на своем кровавом пути множество раненых и убитых»²⁴. Такого рода услугами бандитско-штрейкбрехерской организации Бергофа пользовалась принадлежавшая Морганам «Стилшип лайн», Рокфеллерам — «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и десятки крупнейших корпораций. Процветали и другие агентства, обслуживавшие крупный капитал в его борьбе с рабочим движением. Только в 1934 году американские промышленники затратили 80 миллионов долларов на наем шпиков и провокаторов, засылаемых в профсоюзы. Для этих целей 230 детективных агентств предоставили в их распоряжение 100 тысяч агентов²⁵. В это же время хозяева корпораций стали создавать на предприятиях собственные арсеналы. Они закупали бомбы со слезоточивым газом, охотничьи ружья, автоматические пистолеты, осколочные бомбы, легкие пулеметы и даже бронированные автомобили.

Поощряемые корпорациями, развернули террористическую деятельность погромные организации

типа «Черного легиона», представлявшего собой северный вариант Ку-клукс-клана. «Черный легион» возник в годы экономического кризиса 30-х годов в районе заводов Детройта и Флинта. На деньги автомобильной компании «Дженерал моторс», семьи крупнейших мультимиллионеров Дюпонов и профашистской Лиги свободы вооруженные кастетами и револьверами члены «легиона», которые надевали черные балахоны с капюшонами, похитили несколько десятков профсоюзных активистов. Их избивали, подвергали пыткам, не менее десяти человек было убито.

Одновременно корпорации широко прибегали к непосредственному найму преступных элементов. «Для устрашения рабочих,— писали авторы книги «Нерассказанная история рабочего движения» Р. Бойер и Г. Морейс,— для того, чтобы держать их в состоянии покорности, сотнями нанимали заводских бандитов. Ими был в значительной степени укомплектован так называемый отдел обслуживания на заводах Форда, руководимый Гарри Беннетом... Режим принудительного молчания и абсолютного запрещения какого бы то ни было общения между рабочими насаждался путем запугивания, особенно в Дирборне, где шпиков было почти столько же, сколько фордовских автомобилей»²⁶. Неоднократно подвергались нападениям наемных бандитов организаторы профсоюза на фордовских заводах братья Уолтер и Виктор Рейтеры. В 1938 году Уолтера Рейтера жестоко избили молодчики из «отдела обслуживания». В 1949 году была предпринята попытка убить Виктора Рейтера. Только благодаря случайности он остался жив, хотя и потерял глаз.

Нет ничего удивительного, что в этой атмосфере преступные и промышленные синдикаты находили общий язык. Их сотрудничество развивалось в различных формах. Комиссия Кефовеера признала, что «в отдельных (?) случаях предприниматели действуют в союзе с уголовным миром, предоставляя гангстерам и бандитам выгодные контракты за услуги, оказываемые им в борьбе с рабочими и служащими, за срыв попытки рабочих и служащих организовать, за срыв забастовок».

Например, фордовская компания передала контракт на транспортировку всех автомобилей с крупного завода в Эджуотере (Нью-Джерси) фирме, находившейся под контролем одного из главарей организованных преступников, Джо Адониса. В Детройте в начале 30-х годов единственным транспортировщиком фордовских автомашин была компания, 50% акций которой принадлежало Д'Анна. В 1951 году комиссия Кефовеера утверждала: «Так и останется тайной, каким образом Д'Анна и Джо Адонис вступили в столь выгодное отношение с Фордом. Непонятно, почему и теперь эти два бандита пользовались щедротами компании». В действительности ответ на эти вопросы не является непостижимой загадкой. «Нетрудно, однако, понять,— писал по этому вопросу прогрессивный американский журнал «Политикл афферс»,— что взятая компанией Форда линия на усиление эксплуатации и на ослабление профсоюзного движения объясняет и то, что она сохранила свои связи с гангстерами». Хозяева одного из крупнейших заводов в районе Детройта «Детройт стоув веркс» передали неким братьям Перроне, связанным с преступным миром, выгодный контракт по покупке и отгрузке с территории завода металлического лома. По одному из негласных условий контракта братья Перроне, используя гангстеров, должны были не допускать создания профсоюзной организации.

Широкое распространение получила еще одна форма сотрудничества бизнеса и преступного мира: гангстеры захватывали профсоюзные организации, ставя во главе их своих людей. Либо они подчиняли своему контролю продажных профсоюзных боссов, либо наконец, создавали фиктивные профсоюзные организации. Конечный результат всех этих махинаций был один и тот же: боссы этих псевдорбочих организаций вступали за спиной трудящихся в полюбовное соглашение с предпринимателями. Хозяева, естественно, были заинтересованы отвалить крупный куш нескольким гангстерам, но зато получить коллективный договор, предусматривающий низкие ставки заработной платы и обязательство не прибегать к забастовке. Профсоюзы,

или, точнее, псевдопрофсоюзы, стали использоваться как один из важных видов рэкета. Не случайно поэтому гангстеры развернули кровавую войну против профсоюзных деятелей и активистов, поднимавших массы рабочих на борьбу за очищение профсоюзов от гангстеров и их сообщников. Их жертвами стали Моррис Ланджер — коммунист, организатор в профсоюзе рабочих меховой промышленности, Пит Панто — руководитель движения рядовых членов профсоюза портовых грузчиков восточного побережья и многие другие.

Сотрудничество предпринимателей и гангстеров в деле борьбы с рабочим классом и с профсоюзным движением особенно широкий характер приобрело в 30-е годы. А именно в это время, как уже говорилось, были заложены основы организованной преступности, и сам крупный капитал помог ее становлению.

В послевоенный период гангстерские банды (так же как и детективные агентства) используются не так широко. Для борьбы с рабочими и демократическими движениями монополистическая буржуазия в первую очередь использует невероятно разросшийся карательный механизм государства, ультраправые организации, правых профсоюзных лидеров, средства массовой информации, ведущие травлю прогрессивных сил. Тем не менее американская реакция и сегодня не отказывается от услуг гангстеров. Ежемесячник «Вашингтон мансли», хорошо осведомленный о темных сторонах американской политической жизни, опубликовал в 1975 году статью «Меллоны, мафия и колониальное графство». В статье рассказывалось о развернувшемся в графстве Уэстморленд движении общественности против грубых нарушений сильными мира сего законов об уплате налогов. «Это движение, — отмечается в статье, — натолкнулось на тщательно воздвигнутые и хитроумно поддерживаемые стены местного истеблишмента, в который входят и подпольный синдикат, и одна из богатейших семей страны — Меллоны»²⁷.

По сей день гангстеров привлекают для осуществления политических убийств, о чем речь пойдет дальше.

Боссы мафии преданы не только капиталистическому строю, но и двухпартийной системе. Американские исследователи давно отметили, что гангстеры столь же «двухпартийны», как и крупные промышленные магнаты и банкиры. Они всегда оказывали финансовую и иную поддержку представителям обеих буржуазных партий — демократической и республиканской, видя для себя опасность в возникновении третьей, прогрессивной партии. «У заправил политической машины и рэкетиоров, — отмечали американские криминологи Г. Барнз и Н. Титерз, — имеется общий враг в лице прогрессивных элементов, их связывает чувство товарищества и крепкие узы идеологического родства».

Это естественно, ибо по социальному положению, доходам и образу жизни главари организованной преступности относятся к буржуазии. Это не парии общества, обитающие в трущобах и перебивающиеся с хлеба на воду за счет мелких краж у таких же бедняков. По данным министерства юстиции, мафии принадлежат 10 тысяч легальных фирм с ежегодной прибылью 12 миллиардов долларов²⁸. Еще более баснословные барыши приносят организованным преступникам различные незаконные операции. Состояние Аль Капоне исчислялось десятками миллионов долларов. Капитал Майера Лански оценивается в 300 миллионов долларов²⁹. Доходы среднего звена организованных преступников на уровне, а нередко и выше окладов управляющих корпораций, министров и сенаторов. При обыске на квартире у ростовщика и владельца игорных предприятий в Нью-Йорке Энтони Салерно нашли свыше миллиона долларов — Толстяк Тони хранил их в чулане в коробках из-под обуви.

В своей книге «Преступление — дело выгодное»³⁰ Томас Плейт приводит такие данные о средних ежегодных доходах преступников: «лейтенант» Мафии — 125 тысяч, ростовщик-«акула» — 125 тысяч, наемный убийца — 75 тысяч, уличный торговец наркотиками — 27 тысяч, оптовый торговец наркотиками — 165 тысяч, рядовой организатор игры в числа («раннер») — 26 тысяч, организатор игры в числа — 60 тысяч. Характерно, что доходы улич-

ных преступников значительно меньше, хотя риск оказаться за решеткой у них больше: у карманников — 20 тысяч, магазинных воров — 15 тысяч, грабителей банков — 24 тысячи.

«Что заставляет людей вступать в Мафию?» — спросил недавно корреспондент журнала «Тайм» бывшего мафиози. Тот ответил: «Деньги, власть, признание и почет».

Заправила организованной преступности живут в роскошных особняках, имеют крупные загородные поместья, останавливаются в самых фешенебельных отелях, посещают лучшие рестораны. Биограф Вито Дженовезе отмечал, что он жил в роскоши, как французский король Людовик XIV. Не каждый миллионер мог себе позволить такой прием, какой устроил босс одной из нью-йоркских «семей» Джозеф Боннано по случаю свадьбы его сына Билла и племянницы босса другой «семьи» Джозефа Профачи. Более трех тысяч гостей заполнили один из крупнейших залов Нью-Йорка в отеле «Астор». Среди них были не только Дженовезе, Костелло, Джанкана и другие главы преступного мира, но и крупные бизнесмены, политиканы, священники. Виноторговцы Нью-Йорка прислали в подарок молодой чете несколько грузовиков с шампанским. Из Калифорнии компания «Пан-Америкэн» доставила десятки тысяч маргариток — любимый цветок невесты. В зале выступали звезды эстрады и лучшие оркестры. После этой династической свадьбы, скрепившей родственными узами два преступных синдиката, новобрачные, получившие в подарок сто тысяч долларов, отправились в Западную Европу проводить свой медовый месяц.

Живя в обществе, где мерилом личного успеха, положения в обществе и респектабельности является состояние, организованные преступники в полной мере усвоили эту систему ценностей во внешних символах: грандиозные банкеты, «кадиллаки» и «линкольны», бриллиантовые перстни, дорогие апартаменты в лучших отелях. Отмечая эту связь между образом жизни организованных преступников и господствующими в США буржуазными морально-этическими принципами, культом доллара и вещизма,

автор книги о «семье» Джозефа Воннано «Чти отца своего» Гей Тализ писал: «У члена Мафии действительно нет другой альтернативы, если он хочет поддержать уважение к себе в преступном мире и тем более в широком мире американского капитализма. Ведь в нем традиционно существовали завистливое восхищение богатыми гангстерами, возможно, потому, что их успех подтверждал веру всех магнатов в систему свободного предпринимательства или, возможно, потому, что предприимчивость гангстеров напоминала некоторым промышленникам, банкирам и политическим деятелям, как начинали свой путь их собственные прадеды. Поэтому нетрудно понять, почему Фрэнк Костелло был на дружеской ноге с королями Уолл-стрит, с которыми он ежедневно посещал турецкую баню в отеле «Вилмор», или почему Лакки Лучано пользовался уважением в отеле «Уолдорф»³¹.

В наши дни эти контакты между заправилами организованной преступности, с одной стороны, политическими боссами, с другой, приобрели еще более широкий характер. Вот недавнее свидетельство журнала «Пэрейд»: «Головорезы, которые возглавляют банды, все больше сближаются с политическими деятелями, руководящими страной. Политический деятель не считает, что его может скомпрометировать близость с местными рэкетирами. Ведь в конце концов современный гангстер, как правило, вкладывает нечестно полученные деньги в легальный бизнес. Он выдает себя за бизнесмена или профсоюзного руководителя, одевается в дорогие, но скромные костюмы, всячески опровергает как необоснованные слухи о связях с преступным миром или называет то, в чем его обвиняют, «грехами молодости»³².

Боссы организованной преступности сегодня часть господствующего класса. Они многими нитями — экономическими, идеологическими, личными — связаны с политиками и бизнесменами, государственными чиновниками, судьями, полицейскими, с теми, кто стоит на страже американского образа жизни и пользуется его благами. А ворон ворону глаз не выклюет.

Упадок или расцвет?

«Упадок и закат Мафии?» Под таким сенсационным заголовком журнал «Лайф» (от 3 марта 1972 года) поместил статью о современном состоянии организованной преступности в США. Миф о «закате» Мафии распространяют и сами организованные преступники. Глава одной из нью-йоркских «семей» Джо Коломбо заявил, будто бы «Мафия, или «Коза ностра», существует только в воображении расистов, которые стремятся дискредитировать всех американцев итальянского происхождения». Писатель Марио Пьюзо вложил в уста одного из героев своего романа из жизни гангстеров «Крестный отец» такие слова: «По-моему, Мафия уже умерла. То, что существует сегодня,— это лишь ее жалкие остатки».

Когда я напомнил об этих высказываниях известному американскому специалисту по вопросам организованной преступности Николасу Гейджу, он сказал:

— Действительно, в последнее время некоторые авторы утверждают, будто бы Мафии угрожает вымирание. На чем основана эта теория? На том, что некоторые отпрыски боссов Мафии не пошли по стопам отцов. Так, сын известного мафиози Сэма де Кавальканте стал профессором, а сын покойного «босса всех боссов» Вито Дженовезе предпочел карьеру финансиста. Можно привести и другие подобные примеры. Тем не менее теория о «закате» Мафии в целом не верна. Она не учитывает, что имеется немало молодых преступников, стремящихся стать мафиози.

Таких желающих пополнить ряды организованных преступников более чем достаточно не только среди выходцев из Италии и их потомков, но и представителей всех других этнических групп в США, в том числе среди «стопроцентных» американцев. Не следует забывать, что число профессиональных преступников достигло в США 500 тысяч! ¹

Вопрос о якобы происходящем упадке Мафии и организованной преступности в целом муссируется в США давно. Еще в 1953 году один из ведущих американских социологов, Д. Белл, выступил со

статьей «Преступность как американский образ жизни», в которой утверждал, что организованная преступность в США должна неизбежно сойти на нет. В статье, которую по сей день включают в учебные хрестоматии, содержались интересные наблюдения о связях между развитием американского бизнеса, преступными методами создания состояний многих богачей, с одной стороны, и ростом организованной преступности — с другой. «С изменением общества,— писал Белл,— меняется, с некоторым отставанием, и характер свойственной ему преступности. По мере того как американское общество становилось более «организованным», американские бизнесмены — более «цивилизованными» и меньше напоминали «пиратов», также менялись и американские гангстеры. По мере того как происходили важные изменения в структуре делового предпринимательства, менялось также и «институционализованное» (то есть ставшее одним из установленных общественных институтов.— Авт.) преступное предпринимательство»². С этим можно согласиться. Однако сама концепция Д. Белла об отмирании организованной преступности, получившая затем поддержку в трудах ряда других социологов и криминологов, является глубоко ошибочной.

Д. Белл считает, что в сфере преступности в главных городских центрах на севере страны «существовала определенная этническая последовательность»: наиболее заметными представителями организованной преступности были потомки ирландцев, затем евреев — выходцев из Восточной Европы и, наконец, лица итальянского происхождения. Белл считает, что «организованная незаконная деятельность служила ступенькой к социальному возвышению» этнической группы, ею двигали «благородные мотивы, а не стремление к получению личных выгод. Для Костелло это в значительной мере было вопросом этнической гордости». Согласно схеме Белла, после того как данной этнической группе иммигрантов удавалось подняться по социальной лестнице, отпадали и побудительные мотивы для преступной деятельности.

Другую важную причину «неизбежного отмира-

ния» организованной преступности Белл видит в ослаблении партийных машин на местах, роли боссов, то есть единоличных заправил организаций демократической и республиканской партий в штатах и городах, которые вступали в сговор с главарями организованной преступности. «В связи с легализацией некоторых видов незаконной деятельности,— пишет Д. Белл,— их включением в структуру экономики, с уходом старшего поколения, установившего свою гегемонию над преступностью, общим повышением социального статуса этнических меньшинств, развалом системы боссов в городах исчезает и тот тип преступности, который мы обсуждаем... крупная организованная преступность в городах...»

Д. Белл прав в том, что, когда партийную машину возглавлял полновластный босс, главарям организованной преступности проще было вступать в сговор с местными властями. Однако уход с политической арены большинства городов таких всемогущих боссов отнюдь не привел к отмиранию коррупции. Наоборот, в ряде случаев она приняла еще более широкие масштабы. Корень зла, таким образом, не в самой системе «боссизма», а в более глубоких причинах, ее питавших,— разложении буржуазной демократии и морали. Поэтому независимо от того, заправляет ли местными политическими делами единовластный босс или кучка политиканов, дух наживы, продажности продолжает существовать в различных звеньях партийного и государственного аппарата. А следовательно, остается почва для сговора между организованными преступниками и органами власти.

Попытки Д. Белла свести появление и существование организованной преступности к борьбе национальных групп за улучшение своего общественного положения явно преувеличивают значение этнического фактора. Гангстерами двигали не благородные мотивы, не чувство гордости за принадлежность к данной этнической группе, не стремление к улучшению ее общественного положения, а своекорыстная жажда власти и наживы. Хорошо известно, что жертвами организованных преступников в первую очередь оказывалось местное население, принадле-

жавшее к той же этнической группе, что и они сами. Так было в ирландских, еврейских, итальянских и других гетто крупных городов. И если гангстеры итальянского происхождения безжалостно обирали массы иммигрантов из Италии, так и те в свою очередь рассматривают их как бандитов и грабителей, решительно протестуют против того, чтобы отождествляли всех американцев итальянского происхождения с «Коза ностра», или Мафией.

Делая упор на этническом факторе, концепция Белла игнорирует другие, более важные источники, питающие организованную преступность. А эти источники отнюдь не носят этнический характер. Поэтому, несмотря на процесс ассимиляции этнических групп, в том числе итальянцев, почва для существования организованной преступности продолжает сохраняться. Происходит не отмирание организованной преступности, а ее американизация.

В последние годы среди организованных преступников возросла роль американцев англосаксонского происхождения, по-прежнему сохраняют свои позиции гангстеры-евреи, значительно усилилась активность гангстеров-китайцев. Как показал в своем исследовании «Черная мафия» американский социолог Фрэнсис Йанни, «в ряды организованной преступности в большом числе стали вовлекаться черные и пуэрториканцы»³. Организованная преступность, по его словам, превратилась в «функцию социальной и экономической жизни в Соединенных Штатах»⁴.

В последние десятилетия происходит территориальная экспансия организованной преступности. Она протягивает свои щупальца во все уголки страны. Особенно активную деятельность мафия проявила на юге и юго-западе страны. «Здесь,— писал журнал «Шпигель»,— словно возвратились времена необычной активности пионеров американского континента, словно возродилась жестокая социальная обстановка времен «дикого Запада». В этом «солнечном поясе», который охватывает 15 штатов, расположенных южнее тридцать седьмой параллели, уже на протяжении двух десятилетий стремятся закрепиться фирмы, концерны, объединения по произ-

водству космической техники, а также ученые и пенсионеры. За этими крупными перемещениями в «солнечный пояс» устремились любители наживы, а за ними последовала и мафия. ...Необычайное развитие «солнечного пояса» в значительной мере даже финансировалось гангстерами-миллионерами. Акулы кредита могли выгодно помещать здесь свои капиталы, ссужая авантюристам и спекулянтам крупные суммы, которые те не получили бы их ни в одном из солидных банков»⁵.

Многочисленные свидетельства говорят о том, что организованная преступность в США в настоящее время переживает бум. Сенатор Д. Макклеллан, выступая на слушаниях в одной из комиссий сената, отмечал, что никогда еще в истории США организованная преступность не оказывала такого воздействия на социальную, политическую и экономическую жизнь отдельных граждан и институты, как в настоящее время. «Никогда в прошлом,— говорил сенатор,— преступный синдикат, известный как «Коза ностра», не осуществлял с таким успехом свои столь прибыльные и столь многочисленные нелегальные операции в столь многих местах, как сегодня»⁶. Это говорилось в конгрессе США в 1970 году. Прошло несколько лет, и в мае 1977 года журнал «Тайм» поместил на своих страницах статью под заголовком, говорящим сам за себя: «Мафия — огромная, скверная и процветающая». В статье отмечается, что «дела гангстеров редко шли так блестяще», как в настоящее время.

Действительно, общий оборот операций мафии достиг, по мнению некоторых специалистов, 48 миллиардов долларов, а чистый доход — 25 миллиардов⁷. По оценке же президента Национального совета по вопросам преступности и правонарушений Карла Лозба, ее валовой доход достигает 80 миллиардов долларов!⁸ Для сравнения можно отметить, что крупнейшая американская промышленная корпорация «Экссон» в 1976 году получила чистой прибыли 2,6 миллиарда.

Почему же меры, предпринимаемые властями против организованной преступности, оказались столь неэффективны? Почему мафия не только не

была разгромлена, но продолжала расти и преуспевать?

Нельзя сказать, чтобы в Вашингтоне ничего не предпринимали. С конце 50-х годов сенатская комиссия во главе с сенатором Джоном Макклелланом (демократ от штата Арканзас) начала расследовать проникновение организованных преступников в профсоюз водителей грузовых машин и несколько других профсоюзов. Расследование продолжалось пять лет. Только в течение первых трех лет (1957—1959) комиссия заседала 270 дней, заслушала 1526 свидетелей, получила 19 тысяч докладов с мест. Ее 104 сотрудника совершили многочисленные поездки по стране, покрыв два с половиной миллиона миль пути, представили комиссии 128 тысяч документов. Стенограммы слушаний заняли 46 150 страниц!⁹ Эта бумажная гора родила мышь. За решеткой оказался лишь президент профсоюза водителей грузовых машин Дейв Бек. В остальном все осталось без существенных изменений. Тесные связи между верхушкой профсоюза и мафией сохранились.

С приходом в Белый дом Д. Кеннеди активизировало свои усилия по борьбе с мафией министерство юстиции, возглавлявшееся Р. Кеннеди. В 1965 году президент Джонсон создал комиссию по применению закона и отправлению правосудия, которая работала два года над исследованием «всех сторон преступности и применения закона в Америке». Только постоянный штат комиссии состоял из 63 сотрудников; кроме того, в ее распоряжении было 175 консультантов, 237 советников. Комиссия подготовила основной доклад объемом 300 страниц, материалы исследовательских групп объемом 2000 страниц, а также огромное количество различных обзоров и документов. Тем не менее комиссия так и не вскрыла до конца глубинные истоки живучести мафии и не разработала действенной программы мер по ее ликвидации.

С 1967 года для наступления на организованную преступность стали создаваться специализированные «ударные группы». Начав свою деятельность в Буффало, «ударные группы» были затем направлены

в Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, Майами, Филадельфию и в другие города. Р. Кларк, который в то время был министром юстиции, в своей книге «Преступность в США» (1970) явно преувеличивает достигнутые успехи. Он ссылается на то, что на протяжении нескольких месяцев федеральные власти сумели предъявить главарям организованной преступности больше обвинений, чем это было сделано в течение предшествующих десятилетий. Это действительно было так. Но справедливости ради следовало бы отметить и другое: лишь немногие из числа тех, которым предъявили обвинения, были затем осуждены. И еще меньше лиц оказалось за тюремной решеткой. И конечно, бывший министр принимал желаемое за действительное (либо сознательно выдавал за действительное), когда в 1970 году утверждал, будто бы «Коза ностра» «уже находится на грани гибели»(!)

В 1969 году одна из сенатских комиссий провела специальные слушания, чтобы подвести итоги и наметить пути борьбы с организованной преступностью. Председатель комиссии спрашивает у тогдашнего министра юстиции Джона Митчелла:

— Мы занимаемся расследованием организованной преступности, говорим о ней вот уже почти десять лет. Мы считаем — пришла пора дать оценку того, чего мы уже добились и можем добиться в будущем. Каково ваше мнение: начали ли мы уже сдерживать рост организованной преступности в Соединенных Штатах, не удалось ли нам повернуть его развитие вспять?

Министру при всем желании похвастать особенно нечем.

— Господин председатель, — говорит Митчелл. — На ваш вопрос трудно ответить... Вероятно, рост организованной преступности не удалось сдержать, но мы работаем в этом направлении.

Отметив некоторые достижения министерства юстиции за последние десять лет — осуждение таких главарей, как Вито Дженовезе и Реймонд Патриарка, — председатель далее спрашивает:

— Удалось ли с помощью судебных преследова-

ний разрушить хотя бы одну из 22 крупных «семей», входящих в «Коза ностра»?

— Мы, — признает министр, — не разрушили ни одной из них.

— Но если мы не можем разрушить организации, которые занимают господствующие позиции в организованной преступности, как же мы сможем приостановить ее рост и тем более сократить ее масштабы? ¹⁰

Вопрос этот министр оставил без ответа. Но на него попытались дать ответ другие. Р. Салерно и Д. Томпкинс в своей книге «Преступная конфедерация» отмечают, что президент Джонсон главный упор делал не на борьбе с организованной преступностью, а на необходимости обеспечить «безопасность на улицах». При этом президент имел в виду не уличную уголовную преступность, а пресечение выступлений социального протеста. Нежелание президента развернуть действенную борьбу против мафии Р. Салерно и Д. Томпкинс объясняют тем, что почти все города, где сконцентрирована организованная преступность, являются оплотами демократической партии. Поэтому активные меры по разоблачению мафии могли бы нанести политический ущерб демократам. Отсюда — явное стремление Л. Джонсона «приглушить» вопрос о борьбе с организованной преступностью. «Конечно, — с сарказмом замечают авторы, — ничто не могло так понравиться боссам преступной конфедерации, как подобный подход президента» ¹¹.

Республиканские администрации Р. Никсона и Д. Форда, по сути дела, продолжали курс своего предшественника в Белом доме. Выдвинутый президентом Никсоном лозунг «законности и порядка» был своим острием направлен в первую очередь против участников антивоенного, негритянского, студенческого и других массовых движений. В 1973 году Бюро по внутренним доходам начало демонтировать всю свою машину, которой оно пользовалось в борьбе с гангстерами. Тогдашний руководитель бюро Дональд Александер перевел на другие сферы деятельности средства, ассигнованные на специальную программу по принудительному

взысканию налогов. Эта программа имела особое значение для борьбы с гангстерами, поскольку они укрывают от налогообложения большую часть своих доходов. Затем бюро отказалось и от программы борьбы с контрабандой наркотиков. Президент Картер обещал возобновить эту программу, но затем урезал ранее ассигнованные на нее средства. Большинство «ударных групп» было расформировано.

В предвыборной платформе республиканской партии (1976) вообще не упоминается о борьбе с организованной преступностью¹². В платформе демократической партии говорится о необходимости борьбы лишь с синдикатами организованной преступности, занимающимися торговлей наркотиками¹³. О борьбе с деятельностью организованной преступности в других сферах вообще не упоминается. Но и это обещание осталось невыполненным. Как признал в марте 1979 года глава береговой охраны США адмирал Дж. Хейз, этой службе удастся перехватить лишь около 10% наркотиков, нелегально ввозимых из-за рубежа¹⁴.

Таким образом, руководство обеих буржуазных партий — и демократической, и республиканской — не проявляли действительной заинтересованности в разгроме мафии. Главные силы карательных органов всегда были направлены на борьбу против коммунистической партии, левых профсоюзов, антивоенных, студенческих, негритянских и других массовых организаций, против всех, кто выступал и выступает за демократию, социальный прогресс и мир.

Конечно, не все сотрудники органов юстиции заражены ядом коррупции. Встречаются и честные судьи и прокуроры, заинтересованные в разоблачении организованных преступников и связанных с ними официальных лиц. Пока они ловят мелкую уголовную рыбешку — все идет хорошо. Но стоит им закинуть сеть поглубже, в темные воды американской политики, как у них начинаются осложнения. В этом отношении показательна судьба прокурора по особым делам Нью-Йорка Мориса Наджари. За четыре года энергичный прокурор возбудил более 300 дел. Однако лишь незначительная часть

обвиняемых была осуждена — главным образом рядовые полицейские и мелкие чиновники. Однако попытки Наджари посадить за решетку районного прокурора Томаса Макелла, руководителя городской комиссии по вопросам культуры Ирвина Голдмана, члена таможенного суда Соединенных Штатов Пола Рао натолкнулись на решительное противодействие федерального прокурора Куррана, губернатора штата Хью Кэри и других высокопоставленных лиц. «Если бы Наджари занимался расследованием прокоммунистических настроений в университете, — отмечал журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — они, несомненно, смотрели бы на него иначе. Но он действует против нечестных политиков...»

Морису Наджари давали понять, что не следует «слишком сурово» расценивать правонарушения должностных лиц. Но он тем не менее решил продолжать свою расследовательскую деятельность. «Судей, — заявил он, — до сих пор покупают в «задних комнатах» фешенебельных клубов... Большие деньги всегда порождают коррупцию. Власть тоже готовая почва для коррупции». Он представил суду письменные показания под присягой, обвиняющие лидера демократической партии штата Патрика Каннинхэма. В документе говорилось, что «к нему сходились нити управления рынком купли-продажи судебных постов в Бронксе (район Нью-Йорка — Авт.)». М. Наджари послал Каннинхэму повестку с вызовом в суд. Но... в эти же дни сам получил уведомление от губернатора о своем увольнении.

Сообщения последних лет свидетельствуют о том, что в последнее время федеральные власти стали свертывать даже те недостаточные усилия, которые они предпринимали по борьбе с мафией в 60-е и начале 70-х годов. Как отмечал журнал «Пэрейд», «федеральные власти, по-видимому, потеряли интерес к борьбе с организованной преступностью»¹⁵.

Организованная преступность в США продолжает процветать. Она органически слилась с жизнью современного американского общества, основанного на принципах частного предпринимательства, культе доллара и культе насилия.

Раздел II

**Зловещий альянс:
ЦРУ — мафия**

Birds of a feather flock together.
Птицы одного оперения собираются вместе.

Английская поговорка

Заговор в Лэнгли

...Было полночь, когда в квартире дежурного офицера ЦРУ раздался телефонный звонок. Его срочно вызывали в штаб-квартиру. Через двадцать минут он уже подъезжал к громадному бело-серому зданию в покрытом лесами холмистом пригороде столицы Лэнгли.

Ночной вызов означал, что произошло какое-то событие, требовавшее безотлагательной реакции. Прочитав дешифрованную телеграмму от резидентуры ЦРУ в Гаване, офицер сразу же оценил важность полученного сообщения: речь шла о возможности организовать покушение на руководителей Кубы, недавно освободившейся от диктатуры американского ставленника Батисты. Офицер, не дожидаясь утра, немедленно связался с вышестоящими сотрудниками — Трейси Бирнсом, заместителем Ричарда Бисселла (заместитель директора ЦРУ), и с Джеймсом Кингом, начальником отдела Западного полушария в управлении планирования. Получив от них инструкции, он рано утром 21 июля 1960 года направил в гаванскую резидентуру шифровку, в которой говорилось: «Возможность устранения трех высших лидеров серьезно рассматривается в штаб-квартире». После «успешного завершения операции» — имелось в виду убийство Рауля Кастро путем «организации несчастного случая» — резидентуре разрешалось выплатить исполнителю десять тысяч долларов¹.

Операцию осуществить не удалось. Однако руководство ЦРУ не отказалось от планов «устранения» руководителей революционной Кубы. Примерно в августе 1960 года началось обсуждение новых конкретных планов. Р. Бисселл поручил руководителю управления безопасности полковнику Ч. Эдвардсу подыскать человека, который мог бы убить Фиделя Кастро. Полковник предложил обратиться за помо-

щью к бывшим заправилам игорного синдиката в Гаване. Незадолго перед этим правительство Ф. Кастро прикрыло игорный бизнес, и большинство его организаторов оказались вынужденными вернуться на родину, в Соединенные Штаты. Поэтому в ЦРУ и рассчитывали, что эти гангстеры согласятся свести свои счета с руководителями новой Кубы.

Для практических переговоров с главарями Мафии было решено привлечь некоего Роберта Мэхью. Этот бывший агент ФБР идеально подходил для такого рода операции. Он был своим человеком и в мире «разведывательного сообщества», и в мире организованной преступности, и в мире крупного бизнеса. Это делало его незаменимым исполнителем, когда интересы этих миров перекрещивались и им нужен был неофициальный посредник и связной. Его ценили за умение держать язык за зубами, за хваткость и беспринципную готовность браться за любое дело. Центральное разведывательное управление могло ему создать свое частное детективное агентство и использовало для проведения тех сугубо секретных операций, когда оно не хотело, чтобы в них были замешаны сотрудники управления и других государственных ведомств. В 1960 году Мэхью работал также на тесно связанного с ЦРУ миллиардера Говарда Хьюза, известного своими темными аферами. Позже он поможет Хьюзу скупить в Лас-Вегасе у преступного синдиката крупнейшие отели и игорные дома.

Кого же привлек этот авантюрист для осуществления заговора против Ф. Кастро? Это были не рядовые гангстеры, а доны, занимавшие высокие посты в иерархии преступного мира: Джон Роселли, Сэм Джанкана, Сантос Траффиканте, Карлос Марчелло. Присмотримся к ним поближе — они не только участники тайной войны против революционной Кубы: много лет спустя вновь всплывут их имена в связи с убийством президента Кеннеди. И двоих из них убьют именно в тот момент, когда специальная сенатская комиссия начнет расследование деятельности ЦРУ по организации покушений на зарубежных государственных деятелей.

Сэм Джанкана еще юношей трижды привлекался

по обвинению в совершении убийств. Арестовывался более шестидесяти раз. Неоднократно сидел в тюрьме — за кражу автомобиля, контрабанду спиртных напитков, ограбление и за отказ отвечать на вопросы о деятельности преступного синдиката. Многие годы он был одним из ближайших подручных знаменитого главаря чикагской банды Аль Капоне. Успешно продвигаясь вверх по иерархической лестнице Мафии, Джанкана занял трон Капоне и в течение десяти лет (1953—1963) был боссом организованной преступности в Чикаго. Его зять Антони Фиски работал секретарем члена палаты представителей Рональда Либонати, также связанного с Аль Капоне.

Джон Роселли (Дон Джованни) был тесно связан с бандами Чикаго, Калифорнии и Северо-Востока. Еще юношей был арестован за торговлю наркотиками. Затем организовал банду, которая терроризировала работников кинопромышленности. Обещая продюсерам, что он не допустит проведения стачек на их студии, Роселли вымогал у них деньги. Один из его сообщников, Уилли Биофф, попав в тюрьму, стал давать показания против Роселли и его банды, пытавшихся получить от знаменитых голливудских компаний «Уорнер Бразерс» и «20 сенчури фокс» миллион долларов. Роселли угодил за решетку. Но, выйдя из тюрьмы, отомстил Биоффу в типично гангстерском стиле: в машину Биоффа положили динамит, который взорвался, когда хозяин нажал на стартер.

На допросе в комиссии сенатора Кефовеера Роселли признал, что лично знаком с боссами организованной преступности по всей стране. В 1957 году руководство Мафии сделало его своим представителем в центре игорного бизнеса — Лас-Вегасе. Здесь Роселли внешне вел жизнь богатого бездельника. Всегда одетый по последней моде, он разъезжал в дорогом «кадиллаке», играл в гольф, заказывал в ресторанах самые изысканные блюда. Официально он не имел каких-либо вложений в отели и казино и представлял себя бизнесменом, занимающимся недвижимостью. В действительности же он обеспечивал передачу доходов от игорного бизнеса боссам различ-

ных «семей», вложивших в Лас-Вегас десятки миллионов долларов через подставных лиц.

Как выяснилось позже, Роселли занимался также и шулерством. В клубе «Фрайэрс» (город Беверли-Хилс) он с несколькими сообщниками сделал в потолке над игорным залом скрытые от глаз отверстия для наблюдения. Отсюда условные сигналы передавались электронным устройствам, спрятанным под одеждой шулеров. Ничего не подозревавшие состоятельные посетители клуба иной раз проигрывали Джону Роселли и его сообщникам до пятидесяти тысяч долларов за вечер!

Сантос Траффиканте — потомственный мафиози. От отца он получил контроль над азартными играми в центральной Флориде и казино «Сан-Суси» в Гаване. Начальник полиции города Тампа Нейл Браун заявил о подпольной организации, возглавлявшейся Траффиканте: «Мы пришли к заключению, что в городе Тампа существует Мафия, что она контролирует большинство азартных игр в городе и в центральной Флориде, что ее члены имеют связи с другими группами Мафии в США и за рубежом»². Траффиканте был участником собрания боссов Мафии в городе Апатчин, одним из организаторов и исполнителей убийства крупного нью-йоркского гангстера Альберта Анастасиа — последний пытался вторгнуться в сферу интересов Траффиканте — Лански на Кубе. Траффиканте, по словам газеты «Вашингтон пост», был «одним из главных боссов преступного мира в США и, что особенно важно, главарем гангстеров, наиболее пострадавшим в результате революции на Кубе, осуществленной под руководством Кастро. Его игорные дома были конфискованы, а сам он после победы революции был посажен на Кубе в тюрьму»³.

Карлос Марчелло — босс организованной преступности в Новом Орлеане, тесно связанный с Траффиканте. Как осужденный уголовный преступник, Марчелло не был призван в армию в годы второй мировой войны. Это время он использовал для организации различных рэкето в Новом Орлеане — от букмекерства, организованной проституции до торговли наркотиками. Уже к 1950 году Марчелло

создал преступную империю, которая простиралась от побережья Мексиканского залива в штате Миссисипи до Восточного Техаса. Многомиллионные вложения Марчелло сделал также в недвижимость и туризм. Он фактический совладелец лучших moteley штата Луизиана. В них он установил тысячи игровальных автоматов, а его жена поставляет посетителям проституток. Молодчики Марчелло заправляют многочисленными ночными притонами и кабачками со стриптизом в Новом Орлеане. По словам журналиста «Ридерс дайджест», Марчелло «создал империю с состоянием в 50 миллионов долларов. Юристы и политики, бизнесмены и профсоюзные лидеры выполняют его волю. Бывший сотрудник ФБР, который возглавляет новоорлеанскую комиссию по вопросам преступности, говорит: «В стране не найдется другого главы синдиката, который мог бы сравниться с властью и неуязвимостью Карлоса Марчелло, приобретенной посредством открытой коррупции и подкупа».

Такова «великолепная четверка» гангстеров, которые приняли непосредственное участие в разработке зловещих планов ЦРУ в отношении острова Свободы и его руководителей.

...Начало сентября 1960 года. В ресторане «Браун Дэрби» в Беверли-Хилс (Калифорния) встречаются Мэхью и Роселли. «Высокопоставленные лица в правительстве, — говорит Мэхью своему сотрапезнику, — нуждаются в вашем сотрудничестве для осуществления деликатной миссии — «избавления» от Фиделя Кастро».

Роселли мгновенно соображает, какие выгоды ему сулит участие в этой операции. Желая набить себе цену, он поначалу высказывает сомнения и колебания. Мэхью настаивает. Гангстер в итоге соглашается, не преминув произнести при этом патристическую тираду. «Я имею обязательства в отношении своего правительства, — говорит он Мэхью, — и поэтому даю свое согласие». Однако Роселли ставит условие: окончательная договоренность должна состояться в присутствии официального лица. Встреча произошла в фешенебельном нью-йоркском ресторане отеля «Плаза» во второй половине сентября. ЦРУ

направило на переговоры начальника отдела оперативной поддержки. Он попытался было представить себя деловым партнером Мэхью, но Роселли не склонен был играть в прятки. «Я знаю, на кого вы работаете», — сказал он начальнику отдела ЦРУ.

На встрече договорились, что Роселли отправится во Флориду подбирать людей для осуществления антикубинских планов.

Несколько недель спустя происходит новая встреча Мэхью и начальника отдела оперативной поддержки с Роселли. На этот раз с ним приходят еще двое — Сэм Джанкана и Сантос Траффи канте. Оба в то время значились в списке «десяти наиболее важных преступников», разыскиваемых полицией. Начальник отдела информирует об этом штаб-квартиру ЦРУ, полковника Эдвардса. Его, однако, этот факт нисколько не смущает. Под непосредственным руководством Мэхью Роселли, Джанкана и Траффи канте продолжают разрабатывать зловещные планы убийства.

В разгар подготовки операции происходит непредвиденное событие: до Джанканы доходят слухи, что, пока он находится во Флориде, его любовница завела в Лас-Вегасе нового поклонника. Далее события начинают напоминать водевиль. Обуреваемый ревностью, Джанкана хочет бросить все дела и уехать в Лас-Вегас. Мэхью обещает ему, что сам проверит правильность его подозрений. Он просит полковника Эдвардса (!) установить в комнате любовницы подслушивающее устройство — электронный «жучок». Как свидетельствуют документы, в штаб-квартире ЦРУ всерьез отнеслись к этой просьбе: отъезд Джанкана мог бы сорвать проведение операции. Приходилось улаживать ревнивого гангстера. После обсуждения было решено самим этот «жучок» не устанавливать, но не возражать, если это сделает кто-нибудь другой. Вездесущий Мэхью находит для этой цели некоего Баллетти. Тот попытался выполнить задание, но допустил оплошность и был арестован. Не зная о подоплеке операции, ФБР намеревалось отдать Баллетти и Мэхью под суд. Но за Мэхью горой встали его хозяева из ЦРУ. Последовал обмен письмами между ЦРУ, ФБР и мини-

стерством юстиции. В дело о похождениях любовницы чикагского гангстера оказались вовлеченными руководители всех трех ведомств. Решающее слово оказалось за ЦРУ. Эдвардс информировал ФБР и министерство юстиции, что его ведомство возражает против судебного преследования Мэхью, поскольку это может повлечь разглашение сугубо секретной информации. В докладной записке на имя министра юстиции Р. Кеннеди от 24 апреля 1962 года его помощник Г. Миллер писал, что соблюдение «национальных интересов» препятствует возбуждению судебного преследования Мэхью. В итоге дело было замято.

А тем временем Джанкана и Траффиканте подбিরали людей из числа своих бывших сообщников на Кубе, которые могли бы непосредственно осуществить покушение на премьер-министра и других кубинских руководителей. Представители ЦРУ предлагали, чтобы это было убийство в традиционном гангстерском стиле. Но боссы Мафии отвергли этот план, как связанный с большим риском для участников покушения. Джанкана предложил прибегнуть к яду. Техническая служба ЦРУ приступила к изготовлению смертоносного препарата. Испытав его на обезьянах, химики передали свое зелье — ботулиnumный яд — в феврале 1961 года начальнику отдела оперативной поддержки, а тот — Мэхью. Заговорщики встречаются в отеле «Фонтенбло» в Майами. По словам Роселли, «Мэхью открыл свой портфель и вывалил себе на колени кучу денег... затем достал капсулы и объяснил способ их использования... их не следовало класть в горячий бульон и другую пищу такого рода, а нужно было растворить в воде или в напитках, причем их надлежало использовать как можно скорее». Человек, принявший яд, должен был немедленно заболеть и умереть через два-три дня. При этом вскрытие не должно было показать каких-либо следов отравления.

Вскоре Роселли докладывает начальнику отдела оперативной поддержки: яд доставлен на Кубу. Операцию осуществил один из подручных Траффиканте. В Гаване курьер передал яд кубинцу, работавшему в ресторане, который посещал Фидель Кастро.

Гангстеры и их сообщники в ЦРУ уже предвкушали скорый успех операции. Вскоре после встречи в ресторане «Фонтенбло» Мэхью позвонил некоему Джозефу Шаймону — другу Роселли и Джанканы, — посвященному в тайный заговор. «Ты читал газеты? — ликующим голосом кричал Мэхью. — Сообщают, что Кастро заболел. Он протянет лишь два-три дня. Все. Мы прикончили его».

Торжествовать, однако, пришлось недолго. Газетное сообщение не имело никакого отношения к операции заговорщиков. Как свидетельствуют документы, несколько недель спустя Джону Роселли пришлось огорчить ЦРУ: «их» человек в Гаване потерял доступ к руководителю Кубы и возвратил яд.

Роселли и его сообщники спешно начинают искать новые пути выполнения задания. А тем временем ЦРУ завершает подготовку более крупной операции против революционной Кубы — вооруженное вторжение на остров. 17 апреля 1961 года примерно полторы тысячи кубинских эмигрантов, обученных, вооруженных и руководимых сотрудниками американской разведки, высадились на южном побережье Кубы в районе Плайя-Хирон. Организаторы авантюры были уверены, что контрреволюционеры получат широкую поддержку со стороны населения острова. Вероятно, никогда еще расчеты американской разведки не были столь ошибочны, а ее операция — столь неудачна, как в данном случае. В течение нескольких часов вторгшиеся наемники были разбиты, уничтожены или захвачены в плен.

После провала прямой атаки на свободную Кубу ЦРУ стало еще больше значения придавать тайным операциям против ее руководителей. В докладе сенатской комиссии говорится: «Роселли заявил начальнику отдела оперативной поддержки, что, по мнению Траффиканте, некий лидер кубинской эмиграции мог бы организовать убийство (Фиделя Кастро. — Авт.)... Этот кубинец, видимо получавший деньги от Траффиканте и других рэкетиоров, заинтересован в получении монополии на игорный бизнес, проституцию и торговлю наркотиками на Кубе после свержения режима Кастро»⁴. В докладе не называется фамилия этого кубинца.

Попытки отравить Ф. Кастро ЦРУ продолжало и в последующие годы. Кубинский журнал «Боземия» в статье «ЦРУ лгало сенату» сообщал, в частности, об одной из них.

...Начало января 1963 года. Три часа дня. На стоянке машин на углу улиц М и 25 в Гаване встречаются двое бывших работников гостиницы «Хилтон» (ныне «Гавана либре») — служащий кафе Перес Нуньес и Кампаниони Соуса.

— У нас есть подпольная организация, в которую входят работники некоторых гостиниц и кафе. Почему бы тебе не вступить в нее? — спрашивает Соуса.

— Я уже участвую в такой организации, — отвечает Перес Нуньес.

К. Соуса интересуется, верно ли, что Фидель Кастро часто бывает в гостинице, и если это так, то не может ли Нуньес помочь организовать на него покушение.

— А как это сделать? — спрашивает Нуньес, в прошлом служащий казино.

— У нас есть несколько капсул с жидкостью без запаха, содержащей смертельный яд.

— А если не сработает?

— Неудача исключается, — говорит Кампаниони, — мне их прислали американцы.

Через три дня они вновь встречаются на стоянке. Кампаниони передает капсулы, спрятанные в коробочке для запонок и в зажимах для галстука. Перес Нуньес кладет их в свой стол в отеле. Затем ежедневно приносит в кафе и прячет в морозильнике для мороженого. По окончании рабочего дня вновь их забирает и прячет в столе. Ему так и не пришлось пустить их в ход. Сотрудники органов безопасности сумели сорвать и этот план. Оба заговорщика были арестованы.

«Правдоподобное отрицание»

Мы рассказали, как развивались контакты между главарями Мафии, Мэхью и сотрудником ЦРУ относительно невысокого ранга — начальником отдела оперативной поддержки. Но для того чтобы картина

сотрудничества между ведомством «плаща и кинжала» и организованной преступностью была полной, необходимо сказать и о более высокопоставленных руководителях ЦРУ. Действовали ли сотрудники типа начальника отдела оперативной поддержки и полковника Эдвардса на свой страх и риск, по собственной инициативе, или же их акции одобрялись и направлялись руководством ЦРУ? Представляли ли собой планы убить Ф. Кастро некие из ряда вон выходящие действия, или же они являлись одним из признанных методов деятельности ЦРУ? Возникают и другие, еще более важные вопросы: можно ли возлагать вину за подготовку покушений на руководителей Кубы только на ее непосредственного организатора — Центральное разведывательное управление, или же эти акции являлись лишь составным элементом общей политики Вашингтона в отношении острова Свободы? Кто в правительстве США знал о заговорщической деятельности ЦРУ и его сотрудничестве с Мáfией и их санкционировал?

Попробуем разобраться в этом сложном клубке вопросов, избегая домыслов и предположений, опираясь лишь на имеющиеся в нашем распоряжении документы и свидетельства непосредственных участников событий.

Согласно показаниям руководителя управления планирования ЦРУ Бисселла, в конце октября 1960 года он и полковник Эдвардс встречались со своим шефом Алленом Даллесом. Эдвардс проинформировал директора ЦРУ о планах убийства Кастро с использованием представителей преступного синдиката. Выражался он иносказательно, не называя вещи своими именами, избегая «плохих слов». Вместо слова «убийство» полковник, соблюдая принятый в таких случаях стиль, говорил о «разведывательной операции». Но Даллес прекрасно понимал, о чем шла речь. Он молча выслушал полковника и, не произнеся ни слова, одобрительно кивнул головой. Это означало, что он санкционировал операцию. Позже генеральный инспектор ЦРУ следующим образом оценит эту встречу:

«Учитывая состав участников встречи и вопрос, который на ней обсуждался, можно сделать вывод:

возможность взаимного недопонимания была маловероятна, хотя в разговоре намеренно не приводились детали операции и прямо не формулировалась ее конечная цель. Было бы также разумно предположить, что само по себе избегание «плохих слов» должно было бы показать участникам встречи крайне деликатный характер операции»¹.

А вот свидетельство участника встречи Бисселла:

«Я могу только сказать, что я ушел с этой встречи — а позже были и другие встречи с Даллесом, посвященные тому же вопросу, — совершенно убежденным в том, что он понимал сущность данной операции».

Таким образом, можно сделать первый вывод: планы убийства Ф. Кастро с использованием гангстеров были одобрены лично шефом ЦРУ Алленом Даллесом.

Следует отметить, что об убийстве неугодных зарубежных деятелей Даллес, по мнению его биографа Ричарда Смита, стал задумываться еще до победы революции на Кубе — в связи с поражением англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 году. В Вашингтоне тогда не скрывали своего враждебного отношения к президенту Египта Насеру. Как-то после званого ужина в доме известного политического обозревателя Уолтера Липпмана за сигарами и бренди разговор коснулся «проблемы Насера». «Аллен, — сказал шутливо один из присутствующих, — не можете ли вы подыскать убийцу?» На лице Даллеса появилось серьезное выражение. Откинувшись на спинку большого кожаного кресла, он чиркнул спичкой, зажег трубку, затянулся несколько раз и лишь затем ответил: «Видите ли, понадобился бы фанатик, человек, который согласился бы убить себя в случае, если бы его поймали. Кроме того, он не может быть чужим. Нужно, чтобы это был араб». Даллес задумался и, явно огорченный, продолжал: «Нет, найти такого человека было бы очень трудно». По словам Смита, «большинство присутствующих были изумлены. Обычно сдержанный, Даллес, вместо того чтобы ответить шуткой на шутку, оказывается, серьезно задумался над возможностью политического убийства»².

Тот же Р. Смит отвечает утвердительно на вопрос, были ли известны кому-либо планы ЦРУ относительно Ф. Кастро вне самого ведомства. «Немыслимо,— пишет он,— чтобы Даллес скрывал такие важные государственные тайны от президента. «Я подчиняюсь ему,— говорил часто Даллес,— он мой хозяин». Никакие заговоры, имевшие своей целью политическое убийство, не могли бы иметь места без джентльменского соглашения между ЦРУ и его «хозяином»... Он лично заинтересовался сценарием (борьбы с революционной Кубой.— *Авт.*), сочиненным Бисселлом. Органической частью этого сценария было убийство Фиделя Кастро. Это Даллес понимал. И когда он наконец санкционировал политическое убийство, это могло объясняться лишь тем, что он сам получил «зеленую улицу» — молчаливое или четко сформулированное согласие Дуайта Эйзенхауэра и Джона Кеннеди... Если ЦРУ при нем и совершило какие-то акции, которые при ретроспективном рассмотрении кажутся достойными сожаления с моральной точки зрения, настоящего виновника следует искать в Овальном кабинете (то есть в кабинете президента в Белом доме.— *Авт.*)»³.

Мнение Р. Смита подтверждается документами, показаниями самих участников операции.

3 ноября 1960 года состоялось заседание так называемой специальной группы, на которую президент Эйзенхауэр возложил задачу обсуждения всех тайных операций против иностранных государств. В группу входили представители Белого дома, ЦРУ, государственного департамента и других правительственных ведомств. В протоколе заседания специальной группы говорится:

«В заключение Л. Мерчант (заместитель государственного секретаря.— *Авт.*) спросил, разрабатываются ли какие-либо реальные планы конкретных прямых действий, направленных лично против Фиделя, Рауля и Че Гевары. Он заявил, что, лишившись их, кубинское правительство останется без руководителей. Он отметил, что следовало бы действовать против всех троих одновременно. Генерал Кейбел (заместитель директора ЦРУ.— *Авт.*) указал на то, что нельзя быть уверенным в исходе подобных

действий, учитывая их крайне рискованный характер, и что осуществлять их должны кубинцы. Что касается предложения Мерчанта об одновременном проведении этих действий (против трех кубинских руководителей.— *Авт.*), то, по его мнению, у нас нет такой возможности»⁴.

По мнению Бисселла, Даллес должен был информировать президента Эйзенхауэра о планах убийства кубинского руководителя, сделав это иносказательно, окольным путем.

«Я пришел к заключению,— заявил Бисселл,— что директор (ЦРУ.— *Авт.*) должен был бы получить разрешение на высшем уровне. Под разрешением я имею в виду санкционирование»⁵.

Что касается эзоповского языка, на котором изъяснялся директор ЦРУ, то это давняя манера информирования президента о наиболее «деликатных», а точнее, о наиболее грязных делах, которыми занимаются американские спецслужбы. Стороны при этом исходят из так называемой «концепции правдоподобного отрицания». В случае раскрытия операции или по каким-либо другим причинам президент должен иметь возможность утверждать, что он не был осведомлен о данной акции, которую ЦРУ-де осуществляло по собственной инициативе, на свой страх и риск. Так, по сути дела, президент прятался за ширму ЦРУ. Вот как расшифровывает Бисселл эту своеобразную тактику взаимоотношений разведывательных органов с главой государства:

«Кто бы ни информировал его — Даллес лично или через посредство какого-либо сотрудника ЦРУ,— у них всех одна и та же цель — защитить президента... намекнуть ему или дать ясно понять — кое-что в таком роде делается, но при этом сообщая президенту настолько мало информации, насколько возможно. Цель этого — дать президенту возможность, если он того захочет, либо прекратить эту деятельность, сделать соответствующее распоряжение, или позволить продолжать ее, но фактически без ясно выраженного одобрения конкретного, детализированного плана»⁶.

Желая выяснить степень информированности пре-
зидентов о планах убийства Кастро при участии пре-

ступных элементов, сенатор Бейкер спросил у Бисселла, который в ЦРУ отвечал за все операции против Кубы:

— Как, по вашему мнению, учитывая ваше знание обычного порядка деятельности ЦРУ, существующих правил и инструкций, были или не были проинформированы президент (Эйзенхауэр.— Авт.) и новый президент (Кеннеди.— Авт.)?

— Я считаю,— ответил Бисселл,— что на определенной стадии оба — и президент, и новый президент — были проинформированы о планах и ходе их осуществления.

Знали о совместной операции ЦРУ — Мафия против Кастро и другие высокопоставленные лица в правительстве США. Среди них — министр юстиции Р. Кеннеди и генерал М. Тейлор.

В докладной записке от 24 апреля 1961 года, хранящейся в архивах ЦРУ, сообщается: вскоре после провала вторжения на Кубу в бухте Кочинос президент Кеннеди, министр обороны Макнамара и председатель Комитета начальников штабов генерал Л. Лемнитцер встретились с группой лидеров кубинских эмигрантов. «Один из этих лидеров,— говорится в докладе специальной комиссии сената,— участвовал в пересылке пилюль с ядом на Кубу в марте или апреле этого года». Этот кубинец, удостоенный аудиенции в Белом доме, и был тем человеком, которого дважды использовал Траффиканте. В следующем году Роселли случайно встретил этого кубинца в Вашингтоне. Тот сообщил, что вместе с несколькими другими лидерами эмиграции «имел встречу с министром юстиции и теперь ожидает встречи в Белом доме».

7 мая 1962 года министр юстиции Р. Кеннеди вызвал к себе двух ответственных сотрудников ЦРУ — генерального советника Л. Хьюстона и Эдвардса. Они проинформировали министра об операции ЦРУ с участием Мэхью, Роселли и Джанканы. Р. Кеннеди выразил неудовольствие тем, что ЦРУ привлекло гангстеров, не проконсультировавшись предварительно с министерством юстиции. По словам Хьюстона, Кеннеди указал им, что, если ЦРУ,

захочет и впредь использовать Мафию, это необходимо с ним заранее согласовать.

Таким образом, Р. Кеннеди не осудил в принципе сам факт использования гангстеров, не запретил ЦРУ обращаться к их услугам в будущем.

После поражения наемников в бухте Кочинос Вашингтон не отказывается от своих планов свергнуть революционный режим. Наоборот, их осуществлению теперь уделяется еще больше внимания в высших эшелонах власти. 22 апреля 1961 года президент Кеннеди поручает генералу М. Тейлору проинформировать переоценку «практических действий и программ в сферах военной и полувоенной, партизанской и контрпартизанской деятельности», направленной против Кубы. В своем докладе на имя президента от 13 июня 1961 года Тейлор писал, что «не может быть длительного сосуществования с Кастро как с соседом»⁷.

В последующие месяцы Белый дом настойчиво требует активизации действий против Кубы. Сам президент при этом предпочитал высказываться инсказательно, хотя подчас и использовал довольно крепкие словечки. В начале осени он сделал выговор Бисселлу за то, что тот, по словам президента, «просиживает задницу и ничего не делает для того, чтобы избавиться от Кастро и его режима».

В конце ноября 1961 года президент Кеннеди утверждает программу широких тайных операций против Кубы, получившую название «Мангуста». В ее разработке участвовали Р. Кеннеди, помощник президента Р. Гудвин и генерал Э. Лансдейл. Для руководства операциями была сформирована новая специальная группа (расширенная) в составе М. Банди (помощник президента), А. Джонсона (государственный департамент), Р. Гилпатрика (министерство обороны), Д. Маккоуна (директор ЦРУ), генерала Л. Лемнитцера (председатель Комитета начальников штабов), Р. Кеннеди (министр юстиции) и генерала М. Тейлора, назначенного президентом председателем группы. Иногда в заседаниях группы участвовали министр обороны Р. Макнамара и государственный секретарь Д. Раск. Для непосредственного участия в операции «Мангуста» в рамках ЦРУ было

создано специальное подразделение во главе с У. Харви. В его подчинении находилось около 400 человек — сотрудников штаб-квартиры ЦРУ и его отделения в Майами.

19 января 1962 года в кабинете Р. Кеннеди проходит очередное заседание специальной группы. Он излагает собравшимся позицию президента, который накануне ему сказал, имея в виду борьбу против Кубы: «Последняя глава еще не написана, но она должна быть и будет написана». Р. Кеннеди подчеркнул, что «решение проблемы Кубы является в настоящее время важнейшим вопросом для правительства США. Поэтому для ее решения не следует жалеть ни времени, ни средств, ни усилий, ни людских ресурсов»⁸. Присутствовавший на заседании Р. Хелмс, заместитель директора ЦРУ, позже отметит, что эти слова убедили его в том, что убийство Кастро было фактически санкционировано Белым домом.

Разрабатывая планы новых подрывных действий против Кубы, вашингтонские деятели по-прежнему имели в виду в числе прочих средств и использование гангстеров. Об этом, в частности, свидетельствует подготовленная генералом Лансдейлом конкретная программа операции «Мангуста». Программа предусматривала «нападение на кадры режима, включая главных руководителей». «Это,— говорилось в докладной записке Лансдейла,— должна быть операция специального назначения... Гангстерские элементы могли бы обеспечить наилучшие кадры для действий против полиции и руководителей службы безопасности».

Программа Лансдейла в целом была одобрена специальной группой 30 января 1962 года. Давая показания в специальной комиссии сената, Лансдейл признал: его предложение рекрутировать гангстерские элементы для нападений на «главных руководителей» предусматривало убийства отдельных лиц. Но прямо об этом никто из самых высокопоставленных лиц не говорил. Тем не менее у сотрудников ЦРУ и других ведомств, которые вели тайную войну против Кубы, не было сомнений насчет того, что скрывалось за фразами типа «избавиться от Каст-

ро». По словам Р. Хелмса, он одобрил планы убийства Кастро потому, что «мы действовали так, как это от нас ожидали, что эта деятельность, если и не получила четко сформулированного одобрения, по крайней мере, была одобрена в более общей форме... Я считаю, что целью тогдашней политики было избавиться от Кастро, и если для ее достижения необходимо было его убить, эта акция не выходила за рамки предполагаемой деятельности». Хелмс также подчеркнул, что «ни один член администрации Кеннеди не указывал мне, что прибегать к убийству запрещается... никто мне никогда не говорил, что убийство должно быть исключено».

Опытные мастера грязных дел из ЦРУ считали, что ни в каких документах, даже самых секретных, не следует прямо упоминать о планах политических убийств и даже об обсуждении такого рода вопросов в правительственных ведомствах. Когда же однажды такое упоминание попало на страницы официального документа — секретного директивного письма Лансдейла от 13 августа 1962 года, реакция ЦРУ была немедленной и резкой. История эта весьма показательна для понимания того, как высокопоставленные лица готовили свои зловещие планы против кубинских руководителей. В докладной записке Харви информирует Хелмса:

«На заседании специальной группы в кабинете государственного секретаря Раска 10 августа 1962 г. министром Макнамарой был поднят вопрос об убийстве, в частности, Фиделя Кастро. На собрании было общее согласие относительно сделанного Эдом Морроу замечания, что этот вопрос не должен быть зафиксирован в официальных документах»⁹.

И действительно, в протоколе этого заседания нет никаких упоминаний о том, что обсуждался вопрос об убийстве кубинских руководителей. Однако три дня спустя генерал Лансдейл направил документ — план второй фазы операции «Мангуста», в котором прямо говорилось о «ликвидации лидеров» Кубы. Харви немедленно звонит Лансдейлу. Он взбешен и не скрывает своего возмущения грубым нарушением правил конспирации. Не очень стесняясь в выражениях, он заявляет, что «включение подобных выска-

званий в такого рода документы — недопустимо и глупо».

В 1978 году в комиссии палаты представителей по расследованию убийств бывший директор ЦРУ Р. Хелмс подтвердил, что о заговорах против кубинских руководителей было известно президентам Кеннеди и Джонсону. Он лично информировал об этом Джонсона.

— Было ли ему сообщено об этом конкретно? — спросил член палаты представителей Кристофер Додд (демократ от штата Коннектикут).

— Да, было, — ответил Хелмс.

— Сказали ли вы ему о роли Мафии? — спросил Додд далее.

— Именно об этом мы и говорили, — ответил Хелмс.

Главный юрисконсульт комиссии палаты представителей по расследованию убийств Дж. Роберт Блейки задал Хелмсу такой вопрос:

— Какими, предположительно, могли бы быть моральные оправдания попыток убить главу иностранного государства?

— Никакими, — ответил Хелмс. — Я уже извинился за это. Я не могу сделать ничего больше, кроме как публично принести извинения по телевидению. Это было ошибкой с моей стороны. Но на меня оказывали сильное давление.

Таковы факты, характеризующие некоторые аспекты тайной войны Вашингтона против суверенного государства — Кубы. Эта война вдохновлялась и направлялась самыми высокими правительственными инстанциями. При этом, чем выше был пост, занимаемый официальным лицом, тем больше он старался оказаться формально незамешанным в подготовке наиболее неприглядных операций. «Многие деятели в американском правительстве, — писал американский журнал «Харперс», — были вынуждены (?) нарушать законы собственной страны, говорить заведомую, но выгодную ложь и одобрять тактику организованной преступности». Действительно, ЦРУ и другие ведомства не только непосредственно использовали гангстеров, они сами, по сути дела, прибегали в широких масштабах к гангстеризму. С пол-

ным основанием Ф. Кастро охарактеризовал ЦРУ как «самую преступную и самую опасную международную мафию из всех когда-либо существовавших».

Альянс ЦРУ — Мафия в борьбе против Кубы базировался на общности экономических и политических интересов. Революция положила конец господству не только местных помещиков и капиталистов, но и хозяйничанью в стране американских монополий и американского преступного синдиката. Свергнутый кубинский диктатор Батиста являлся ставленником Вашингтона и одновременно сообщником заправил Мафии, которые с его хорошо оплачиваемой помощью развивали игорный бизнес на Кубе.

У заправил Мафии была еще своя, особая заинтересованность в сотрудничестве с ЦРУ. «Американские должностные лица, вступившие в союз между ЦРУ и Мафией, — писала «Нью-Йорк таймс», — виновны в подрыве кампании федерального правительства против организованной преступности. Нельзя представить себе, что те, кто использует представителей преступного мира в качестве наемных убийц для разведопераций за границей, не понимают, что подобная практика дает высшему руководству Мафии в самих Соединенных Штатах своего рода защиту от преследований за деятельность внутри страны».

Под кодовым названием «ZR/RIFLE»

Сотрудничество между ЦРУ и Мафией не ограничивалось секретными операциями против кубинских руководителей. В начале 1961 года Бисселл поручил Харви разработать программу операций, названную «Executive Action». Дословное значение этого выражения ничего не говорит о том, что имели в виду его авторы. Условно его можно перевести как «исполнительская акция». Впрочем, авторы этой программы именно и стремились к тому, чтобы название не раскрывало, а маскировало ее цель. Как говорится в докладе специальной сенатской комиссии, «Executive Action» являлась эвфемизмом, придуман-

ным в ЦРУ и означавшим программу разработки и подготовки средств для свержения иностранных политических лидеров, включая возможность осуществить их убийство»¹. Одна из операций имела кодовое название «ZR/RIFLE».

Операция «ZR/RIFLE» принадлежит к числу наиболее засекреченных. Очень многие материалы, связанные с ней, еще погребены глубоко в недрах ЦРУ. Тем не менее на основании отдельных данных можно утверждать, что ЦРУ использовало для ее осуществления преступные элементы. Известно, например, что Харви в ноябре 1961 года привлек к осуществлению операции «ZR/RIFLE» Джона Роселли. Обращает на себя внимание и возможное участие в операции близкого сообщника Роселли — Карлоса Марчелло, главаря Мафии в штате Луизиана. Некоторые итальянские исследователи связывают с ним организацию диверсии, в результате которой погиб руководитель итальянского государственного нефтегазового треста (ЭНИ) Энрико Маттеи. Он направлялся в Алжир для заключения важного межгосударственного соглашения, в котором крупнейшие нефтяные монополии США видели угрозу своим экономическим и политическим интересам. Однако Маттеи не суждено было долететь до места назначения...

Энрико Маттеи по многим причинам вызывал особую неприязнь и у ЦРУ, и у итальянской военной разведки (СИФАР). В конце лета 1962 года глава резидентуры ЦРУ в Италии Томас Карамесинес и генерал Де Лоренцо, начальник СИФАР, разработали план по «устранению» Маттеи.

...27 октября 1962 года в окрестностях Милана разбился небольшой реактивный самолет «MS-760». Среди обломков самолета было обнаружено обугленное тело Маттеи.

В биографическом справочнике «Герои итальянской истории», изданном в Италии в 1975 году, говорится: «Уже в момент гибели Маттеи в октябре 1962 года предположение о том, что самолет взорвался в результате диверсии, многим показалось правдоподобным... У тезиса о преступлении имелись немалые основания. Враги Маттеи действительно

были не только многочисленны и свирепы, но и могущественны». И они не стеснялись в выборе средств для устранения неугодных политических деятелей. «За несколько дней до гибели Маттеи, заклятого врага нефтяных концернов и противника европейской и средиземноморской политики США, — сообщила миланская газета «Коррьере делла сера», — Карлос Марчелло провел некую операцию в треугольнике Тунис — Алжир — Катания (Сицилия), то есть непосредственно в районе, откуда должен был вылететь личный самолет Маттеи. Предположение об убийстве, совершенном по поручению ЦРУ руками Мафии, было впервые отчетливо сформулировано в книге Дзуллино... Примечательно, что версия Дзуллино — книга его увидела свет в 1973 году — целиком согласуется с тем укладом отношений между ЦРУ и Мафией в начале 60-х годов, который стал известен лишь после разоблачений 1975 года. Дзуллино не пророк. Просто он был хорошо информирован».

Итальянский писатель и публицист Роберто Фаэнца отмечает: подозрения насчет того, что авиационная катастрофа была вызвана не техническими причинами, основываются не только на враждебном отношении секретных служб США и Италии к главе ЭНИ. Веским доказательством служат секретные документы ЦРУ и государственного департамента США, составленные задолго до смерти Маттеи. Досье о причинах гибели самолета «MS-760», составленные римской резидентурой ЦРУ, в отличие от других документов той поры, по-прежнему не выдается итальянским следственным органам. Вашингтон ссылается на то, что оно содержит сведения, «затрагивающие безопасность государства», — традиционная отговорка, к которой прибегают для прикрытия грязных операций американских секретных служб. Составителем досье был Томас Карамесинес. Сразу же после гибели Маттеи он покинул Италию. Так же поступали резиденты в других аналогичных случаях: после убийства Лумумбы представитель ЦРУ немедленно выехал из Конго.

Прибыв в США, Карамесинес включился в подготовку покушения на Фиделя Кастро...

Характерна судьба тех, кто попытался до конца распутать клубок нитей, ведущих к убийству Маттеи. Бесследно исчезает сицилийский журналист Мауро Де Мауро, начавший собирать материалы о последнем периоде жизни Маттеи. Затем внезапная смерть настигает генерального прокурора Палермо Пьетро Скальоне, начавшего расследование дела о похищении Де Мауро. Выяснить обстоятельства гибели Скальоне посылается генеральный прокурор Генуи Франческо Коко. Но и он в свою очередь оказался убитым. Знакомый почерк Мафии.

ЦРУ тщательно готовило кадры наемников, готовых в любой момент выполнить задание по ликвидации иностранных деятелей в рамках операции «ZR/RIFLE».

Непосредственной вербовкой кадров профессиональных убийц для ЦРУ занимался, в частности, уголовник, скрытый под криптонимом QJ/WIN². Он непосредственно подчинялся Харви. По признанию последнего, он использовал этого агента также для того, чтобы «подбирать людей, связанных с преступным миром в Европе, для возможного многоцелевого использования». Агент рыскал по всему миру, вербуя для ЦРУ кадры наемных убийц. Характерно, что он искал их не среди рядовых уголовников, а обращался к заправилам организованной преступности. Вот где могли пригодиться международные связи боссов американской Мафии. В одном из своих донесений QJ/WIN сообщал Харви, что подобрал нужного человека на Ближнем Востоке, который является «главой игорного синдиката» и «имеет в своем распоряжении банду убийц»³.

QJ/WIN являлся одним из участников заговора ЦРУ против вождя освободительного движения в Конго Патриса Лумумбы.

Империалистические круги США заняли открыто враждебную позицию в отношении молодого независимого конголезского государства. Они делали все, чтобы свергнуть прогрессивный режим и восстановить здесь свое, теперь уже неокOLONиалистское господство. Для осуществления этих коварных замыслов они намеревались прежде всего физически ликвидировать П. Лумумбу. В середине ноября

1960 года резидентура ЦРУ в Конго попросила штаб-квартиру срочно направить QJ/WIN в их распоряжение: «Местная оперативная ситуация требует немедленного прибытия QJ/WIN в Леопольдвиль»⁴. 21 ноября 1960 года он прибыл в Леопольдвиль. Уже 29 ноября руководитель местного отделения ЦРУ Хедгман шифрованной телеграммой извещает штаб-квартиру о том, что QJ/WIN начал осуществлять план «просачивания в ряды конголезской охраны и охраны ООН»⁵ для проникновения в резиденцию Лумумбы. В связи с тем что Лумумба решил переехать в город Стэнливилль, очередная шифровка, направленная в штаб-квартиру ЦРУ, гласила:

«Учитывая изменения в местопребывании объекта, QJ/WIN хочет выехать в Стэнливилль и выражает желание осуществить план лично сам, без чьей-либо помощи»⁶. ЦРУ немедленно дает свое «добро»:

«Согласны на переезд QJ/WIN в Стэнливилль... Мы готовы рассмотреть вопрос о прямых действиях QJ/WIN, но хотели бы узнать вашу оценку факторов безопасности. В какой степени окажутся (Соединенные Штаты) замешаны в этом деле?»⁷.

Неизвестно, насколько далеко агент QJ/WIN успел зайти в своей преступной миссии. Но вскоре вождь конголезского народа был захвачен и убит в Катанге жандармами, вооруженными и направляемыми западными державами.

Когда несколько лет спустя QJ/WIN должен был подвергнуться судебному преследованию за контрабанду, ЦРУ поспешило принять меры для его освобождения. В шифрованной телеграмме одному из своих резидентов в Западной Европе штаб-квартира ЦРУ сообщала: «Мы хотели бы, чтобы была предпринята попытка снять обвинения или как-то спасти QJ/WIN для наших целей»⁸.

Вместе с QJ/WIN в Конго орудовал еще один наемный убийца ЦРУ из числа уголовных преступников: в документах ЦРУ указывается, что он являлся «фальшивомонетчиком, а в прошлом грабил банки». Его кодовое имя было WI/ROGUE⁹.

Обобщая свои выводы, специальная сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов в своем докладе заявила:

«Комиссия получила в свое распоряжение надежные свидетельства существования заговора с целью убийства Патриса Лумумбы. Вполне возможно, что резко враждебные высказывания по адресу Лумумбы, которые делались на самых высоких уровнях правительства, были рассчитаны на то, чтобы дать толчок операции с целью его убийства. Во всяком случае, они привели к проведению именно такой операции. Факты показывают, что выраженное президентом Эйзенхауэром глубокое беспокойство по поводу Лумумбы на заседании Национального совета безопасности 18 августа 1960 года было истолковано Алленом Даллесом как санкция на убийство Лумумбы»¹⁰.

Таковы некоторые факты, характеризующие злобный альянс между Центральным разведывательным управлением и главарями организованной преступности. Специальная комиссия сената лишь открыла завесу над грязной деятельностью американских спецслужб. Тем не менее и приведенных в докладе комиссии материалов достаточно, чтобы показать, что ведомство «плаща и кинжала» не гнушалось пользоваться услугами профессиональных убийц, вступать в преступный сговор с боссами Мафии. Об этом же свидетельствуют следы американских спецслужб и Мафии, ведущие в Даллас.

Мафия и убийство в Далласе

В последние годы постепенно накапливаются факты, свидетельствующие об участии альянса ЦРУ — Мафия в убийстве президента Кеннеди. В данном случае также налицо была общность интересов обеих организаций. ЦРУ возлагало на президента ответственность за провал вторжения на Кубу в бухте Кочинос. В самый критический момент операции заместитель директора ЦРУ генерал Чарльз Кейбелл настойчиво просил по телефону президента санкционировать использование американской авиации против Кубы. Кеннеди, трезво оценив последствия такого шага, категорически отказал. Возмущенный генерал позже публично назвал Кеннеди «предателем». Со своей стороны президент начал пере-

тряску ЦРУ, снял со своих постов директора А. Даллеса и его заместителя Ч. Кейбелла.

Японский исследователь обстоятельств убийства президента Кеннеди Нобухико Очиан пишет: «Руководство ЦРУ установило тайный контакт с Мафией. С одной стороны, мир организованной преступности мог обеспечить достаточное число профессиональных убийц, с другой — интересы и цели ЦРУ и Мафии полностью совпадали как на Кубе, так и в Южном Вьетнаме. Боссы преступных синдикатов не могли упустить столь удобную возможность избавиться от неудобного президента. К тому же ЦРУ и Мафии было не впервой совместно разрабатывать планы убийства политических деятелей».

Боссам Мафии не терпелось восстановить свой игорный бизнес на Кубе. Были у них и личные счета. С приходом к власти Кеннеди федеральные органы начали разворачивать активные действия против Мафии. Ими руководил Р. Кеннеди. Одним из первых почувствовал на себе тяжелую руку нового министра юстиции Карлос Марчелло. В то время он вел длительную судебную тяжбу с иммиграционными властями, которые добивались его высылки на том основании, что он никогда не получал права американского гражданства. «4 апреля 1961 года, — рассказывает Эд Рейд в книге «Зловещие жнецы», — Карлос Марчелло вышел из своего беломраморного двухэтажного особняка... и направился в управление иммиграционной службы в Новом Орлеане. К тому времени Р. Кеннеди и его помощник У. Шеридан уже разработали план действий. Когда Марчелло протянул свою руку в окошко, чтобы расписаться в регистрационной книге, два сотрудника надели на него наручники, вытолкнули на улицу, где уже стояла наготове автомашина. Через тридцать минут самолет иммиграционной службы нес Марчелло в сторону Гватемалы»¹. Два месяца спустя Марчелло вернулся в США, предстал перед судом, но сумел временно избежать наказания.

Продолжая сопротивляться высылке его из страны, Марчелло между тем становился все богаче и богаче. Доходы от его жульнических предприятий направлялись в банки, страховые и иные компании

на всем юге Соединенных Штатов и в несколько зарубежных стран. Марчелло — фактический владелец мотелей всего штата Луизиана. Формально во главе этих мотелей с роскошными ресторанами и нелегальными игорными автоматами стоят его родственники и его сподручные из числа рэкетиоров. От мотелей Марчелло перешел к созданию фирм по обслуживанию «экскурсий по достопримечательным местам» для туристов, посещавших Новый Орлеан. Автобусы Марчелло обслуживают ночные притоны Французского квартала, которыми руководят двое его братьев, кабачки со стриптизом и другие заведения.

Чем успешнее расцветала преступная империя Марчелло, в которой тесно переплелись нелегальный и законный бизнес, тем больше росла тревога ее хозяина перед возможностью вновь оказаться выдворенным из страны. Марчелло сознавал, что его война с Робертом Кеннеди не окончилась.

Министр юстиции был лично уязвлен тем, что Марчелло каким-то образом удалось доказать незаконность его депортации. Министерство юстиции не прекращало поиски юридических оснований для того, чтобы либо упрятать его за решетку, либо выслать из страны. Однако в традициях Мафии было не бездейтельно ожидать нападения противника, а стрелять первыми...

Сентябрь 1962 года. Поздним вечером черный «кадиллак» выезжает из Нового Орлеана в направлении Мексиканского залива. За рулем Карлос Марчелло, с ним трое спутников. Машина сворачивает с широкого шоссе на неприметную дорогу и останавливается у небольшой фермы. Марчелло ведет своих спутников к ветхому домику с узкими окнами и маленькой верандой. Но внутреннее убранство этого домика не соответствует его невзрачному облику. Одна из комнат напоминает зал для заседаний. Длинный полированный стол, вокруг массивные черные кожаные кресла. Здесь проводит Марчелло свои самые секретные совещания. Он не торопится переходить к главному. Пьют шотландское виски, говорят о сексе, о деньгах. Но вот разговор приобретает серьезный характер. Все участники встрево-

жены тем, что министерство юстиции начинает разворачивать войну против организованной преступности. Общее мнение: деятельность министра юстиции Р. Кеннеди становится для Мафии все более опасной. «*Livarsi na petra di la scarpa!*» — говорит Марчелло сообщникам на родном языке. Это дословно означало: «Выньте камень из моего башмака». Смысл этой зловещей метафоры был понятен каждому. Так издавна говорили мафиози еще в Сицилии. Это была фраза-приговор, призыв к кровавой мести. «Можете не беспокоиться об этом сукином сыне, — многозначительно заключает Марчелло. — О нем позаботятся»².

О содержании этого разговора позже стало известно исследователю жизни преступного мира Эду Рейду. «Никто из участников встречи, — пишет он, — не имел сомнений относительно намерений Марчелло... Он не шутил. В любом случае дело вышло за рамки обычного «бизнеса». Оно стало для него вопросом личного престижа, вендеттой по сицилийскому образцу. Более того, разговор на ферме показал, что Марчелло уже приступил к осуществлению плана. Он, в частности, начал подбирать человека, который мог бы справиться с этим делом»³. Но Марчелло, по словам Рейда, все более приходил к мысли о том, что прежде следует убрать брата Р. Кеннеди — президента США.

Собирая и сопоставляя по крупицам отдельные факты, невольно удивляешься тому, как пути от группы гангстеров, связанной с ЦРУ, ведут к событиям, которым суждено было разыгаться в Далласе 22 ноября 1963 года. О тайных планах расправиться с братьями Кеннеди говорил в мире организованной преступности не один Марчелло. В газете «Вашингтон пост» приводится рассказ одного из кубинских эмигрантов, обосновавшихся в Майами, Хозе Алемана. Встреча состоялась в сентябре 1962 года. Траффиканте, который хорошо знал племянника Алемана, предложил последнему помочь в получении «займа» от профсоюза водителей грузовых машин. Именно в это время Р. Кеннеди предпринял попытки добиться судебного осуждения председателя этого профсоюза Джеймса Хоффы, тесно связан-

ного со многими боссами организованной преступности. В беседе с Алеманом Траффиканте с открытой ненавистью говорил о братьях Кеннеди: «Вы видели, как брат президента травит Хоффу... Он не знает, что такого рода столкновения носят очень рискованный характер. Помяните мои слова — Кеннеди находится в беде, и он получит то, что надвигается на него». Алеман возразил, что, по его мнению, Джон Кеннеди будет переизбран президентом. «Нет, Хозе, — уверенно, заявил Траффиканте, — его прикончат»⁴. В сентябре 1978 года Алеман подтвердил под присягой содержание этого разговора с Траффиканте.

После нескольких месяцев заключения в тюрьме Траффиканте и брат Майера Лански Джейк Лански были освобождены и высланы в США. Они проинформировали Майера Лански о радикальных мерах революционных властей Кубы против игорных и других синдикатов американских гангстеров. Это означало, что они лишались одного из главных источников обогащения. Золотой поток, который в течение более десятилетия непрерывно тек с Кубы, внезапно оказался перекрытым. Лански был взбешен. По свидетельству хорошо осведомленного нью-йоркского журналиста, автора книги «Мафия, США» Николаса Гэйджа, на секретной встрече боссов мафии Лански обещал миллион долларов за голову Фиделя Кастро. Мафия начинает снабжать деньгами и оружием кубинских контрреволюционеров-эмигрантов, помогая им проводить диверсионные акты против Кубы. Вместе с тем в кругах мафии растет разочарование и недовольство политикой Белого дома в отношении Кубы. В октябре 1962 года во время карибского кризиса президент дал, хотя и с оговорками, заверение о невмешании США на Кубу⁵. Вашингтон не отказывался ни от экономического бойкота Кубы, ни от подрывной деятельности против нее. Однако было очевидно, что президент не намеревается идти на военную конфронтацию с Советским Союзом ради свержения революционного режима на Кубе. Этот курс правительства усиливал ненависть к Кеннеди со стороны тех боссов мафии, которые в наибольшей степени были непосредствен-

но заинтересованы в восстановлении на Кубе прежних порядков. К их числу относился Траффиканте, который, по словам газеты «Вашингтон пост», «больше, чем любой другой дон, пострадал от революции Кастро»⁶.

Причастность организованной преступности к событиям в Далласе вынуждена была, по существу, признать, хотя и с оговоркой, специальная комиссия палаты представителей по расследованию убийств Д. Ф. Кеннеди и М. Л. Кинга, проводившая расследование в 1976—1979 годы. В докладе комиссии (1979) говорится, что, по ее мнению, «национальный преступный синдикат в целом как организация не был вовлечен в убийство президента Кеннеди, но доступные свидетельства не исключают возможность участия в убийстве отдельных лиц, принадлежащих к синдикату»⁷.

Некоторые факты, содержащиеся в ее докладе, будут приведены далее. Специальная комиссия признала, что Джек Руби являлся отнюдь не тем, кем его в свое время пытались представить комиссия Уоррена и авторы, поддерживающие ее версию, — безвредным, хотя и неуравновешенным содержателем ночного клуба, не имевшим каких-либо связей с организованной преступностью. У. Манчестер, разделяющий версию комиссии Уоррена об Освальде как единственном убийце президента, в своей книге «Убийство президента Кеннеди» утверждает, что « всю свою жизнь Джек считал себя мстителем... Руби был физически слабым человеком, прямым и простодушным. Подобно ребенку, он не был способен предусмотреть последствия бурной вспышки, сопровождающейся применением физической силы... Убийство (Освальда. — Авт.) было совершено им под влиянием внезапного порыва»⁸.

В действительности Руби отнюдь не являлся взрослым ребенком, который подчинялся лишь минутным настроениям и не ведал, что творит. Руби был своим человеком в мире организованной преступности. Еще в 1947 году он перебрался по заданию главарей чикагской Мафии в Даллас, где открыл ночное кабаре как прикрытие для организации нелегальных азартных игр. В течение десятилетий он

поддерживал личное знакомство с наемными убийцами Дэвидом Ярас и Ленни Патриком, обслуживавшими чикагскую Мафию. Руби говорил по телефону с Патриком летом 1963 года. Среди ближайших друзей Руби в Далласе был некий Льюис Макулла, в прошлом организатор азартных игр на Кубе, а затем в Лас-Вегасе, имевший деловые и личные связи с Траффиканте и Лански.

Особого внимания заслуживает то, что Руби был тесно связан именно с теми главарями организованной преступности, которые выполняли задания американских спецслужб. Специальная комиссия палаты представителей оказалась вынужденной признать, что Руби был связан с заправилами организованной преступности, которые участвовали в организованных ЦРУ заговорах против Фиделя Кастро. Так, было установлено, что летом и осенью 1963 года Руби разговаривал по междугородному телефону с Траффиканте, Джанкана и Марчелло. Стало известно также, что в месяцы, предшествовавшие убийству Кеннеди, Руби и Роселли неоднократно встречались в Майами.

Более десяти лет в архивах ЦРУ хранился секретный документ, направленный из Лондона директору этого ведомства 28 ноября 1963 года. Преданный гласности в 1976 году, он проливает дополнительный свет на возможную роль Траффиканте в подготовке убийства президента и его связи с Руби. В документе сообщается, что четыре дня спустя после убийства Кеннеди английский журналист Джон Уилсон (известен также как Уилсон-Хадсон) рассказывал в посольстве США в Лондоне о поездке Джека Руби на Кубу еще в 1959 году. Уилсон, который после победы революции некоторое время находился в гаванской тюрьме, познакомился там с «американским гангстером, занимающимся игорным бизнесом, по имени Сантос. Здесь его навещал американский гангстер по имени Руби»⁹. В комиссии Уоррена Руби, давая показания, пояснил, что на Кубу он ездил по приглашению своего друга, управляющего казино, которое принадлежало Лански и Траффиканте. Приведенный выше документ свидетельствует о том, что Траффиканте и Руби были лично знакомы.

Более того, есть данные о том, что Руби навещал его на Кубе несколько раз.

В последнее время показания нескольких свидетелей подтвердили причастность к событиям в Далласе пилота Дэвида Ферри, который, как выяснилось, был близким подручным Марчелло, являлся его личным пилотом. Одновременно со службой у босса Мафии Ферри по контракту с ЦРУ (!) готовил летчиков из числа кубинских контрреволюционеров для нападения на остров Свободы. Несомненный интерес представляет вывод специальной комиссии о том, что Освальд был лично знаком с Дэвидом Ферри и неоднократно встречался с ним в 1963 году. Новоролеанский прокурор Гаррисон, проводивший самостоятельное расследование убийства президента Кеннеди, считал Ферри «человеком-ключом ко многим загадкам убийства в Далласе». Сам Ферри в свое время начисто отрицал, что знал Освальда. Однако шесть свидетелей показали, что видели Освальда и Ферри вместе летом 1963 года.

И еще один штрих. Дядя Освальда Чарльз Муретт, занимавшийся азартными играми, и его мать Маргарет Освальд поддерживали постоянные связи с ближайшим окружением Марчелло. Сам Освальд знал об этих контактах¹⁰.

23 ноября 1963 года Ферри позвонил в Даллас Руби из Хьюстона. Отрывок этого разговора слышал начальник гаража, откуда Руби говорил по телефону. Речь шла о том, что Освальда переводят в новое место заключения. Руби закончил разговор словами: «Конечно, я пойду туда». Позже артистка Карин Карлин вспоминала, что в разговоре с ней в этот день Руби, имея в виду район, где помещалось здание городского полицейского управления, сказал ей: «Мне все равно надо поехать в эту часть города». Руби загодя готовился к операции. Вечером он отправился в полицейское управление, где окружной прокурор Генри Уэйд проводил пресс-конференцию. Здесь он раздал полицейским бесплатные пропуска в свои ночные клубы «Вегас» и «Карусель». Там их ожидало не только представление со стриптизом, но и даровая выпивка.

Во время пресс-конференции произошел любо-

пытный эпизод. Дважды окружной прокурор Генри Уэйд повторил, что Освальд был членом «Комитета за свободную Кубу». Прокурор оговорился — это была организация кубинских эмигрантов-контрреволюционеров. А Освальд, согласно отведенной ему в сценарии роли, постоянно подчеркивал публично свои «симпатии» к Кубе (в сентябре 1963 года Освальд показывал сотрудникам кубинского посольства в Мехико вырезки из газет, в которых сообщалось о его «прокастровской деятельности». Таким путем Освальд пытался получить визу в Гавану). Неожиданно один из присутствующих на пресс-конференции поправил прокурора, сказав, что Освальд якобы был членом «Комитета за справедливость для Кубы» — организации, выступавшей в поддержку нового режима на острове Свободы. Это заявление сделал... Руби.

И, наконец, еще один факт. Как известно, 21 свидетель, вызванные комиссией Уоррена, утверждали, что по меньшей мере один из роковых выстрелов, поразивших президента, был сделан не из хранилища учебников, а со стороны железнодорожной насыпи. Комиссия Уоррена игнорировала эти показания. Однако специальная комиссия палаты представителей на основе акустического анализа магнитофонной записи, найденной в архиве, пришла к выводу: существует «высокая степень вероятности того, что в президента Кеннеди стреляли двое». При этом комиссия считает: «Существует высокая степень вероятности того, что один выстрел в президента был сделан с насыпи, заросшей кустарником»¹¹. Сопоставим это заключение с показаниями некой Джули Анн Мессер, которая, по ее словам, видела, как недалеко от тоннеля под железной дорогой из грузовика вышел молодой мужчина с длинным предметом в руках. Он направился в заросли кустарника на насыпи. Ей также запомнилось лицо водителя грузовика. Когда два дня спустя по телевидению показывали фотографию Руби, она узнала в нем человека, сидевшего за рулем.

Среди действующих лиц — участников далласской трагедии — важную роль, как считают многие исследователи, сыграли участники вторжения в штаб-

квартиру демократической партии в «Уотергейте» Говард Хант и его подручный Фрэнк Стерджис. Окружной прокурор города Новый Орлеан Джим Гаррисон дал под присягой показание, что ему в руки попала фотография, сделанная в Мехико агентами ЦРУ, следившими за кубинским консульством. На фотографии Хант был снят возле здания консульства с Ли Харви Освальдом. О том, что Хант тайно руководил операцией по убийству Кеннеди, говорится в книге Майкла Кэнфилда и Алана Вебермана «Переворот в Америке», изданной в Нью-Йорке в 1975 году¹². В этой связи представляет интерес письмо, ставшее известным в 1974 году. Письмо, написанное Освальдом 8 ноября 1963 года, адресовано «мистеру Ханту». Автор письма требует: «Мы должны обсудить все дело прежде, чем какие-либо шаги будут предприняты мной или кем-либо другим».

Многое указывает на то, что одним из стрелявших в президента был агент ЦРУ Фрэнк Стерджис. Против него было выдвинуто официальное обвинение. Однако дело потом замяли — за «отсутствием улик». А между тем бывшая сотрудница ЦРУ Марита Лоренц рассказала, как в свое время Стерджис вовлек ее в тайные операции ЦРУ, в частности в подготовку убийства президента.

— Я получала террористические задания ЦРУ лично от Стерджиса с 1959 года, — говорит Лоренц. — В начале осени 1963 года Стерджис свел меня с Освальдом. Стерджис сказал об Освальде: «Он из наших. Он в полном порядке». Освальд и Стерджис привели меня на совещание профессиональных диверсантов. Кроме нас было еще четверо террористов. Они разложили на столе подробную городскую карту Далласа и стали обсуждать какой-то военный замысел. Мне это давно опротивело, я устала и потому не прислушивалась к их разговору. Все мы прибыли 19 ноября в Даллас. Помню, что везли винтовки с телескопическими прицелами. В Далласе мои спутники осознали, что от меня мало проку, и отпустили домой. Я летела рейсовым самолетом в Нью-Йорк, когда пилоты вдруг объявили о сообщении по радио, что в Далласе убит президент Кеннеди. Позже я решила навсегда прекратить отношения со Стерджисом и со-

всем выйти из опасной игры. В ноябре 1977 года Стерджис позвонил мне по телефону и пригрозил: «Наша фирма расквитается с тобой, коли ты не прикусишь язык»¹³.

1 ноября 1977 года Стерджис ворвался к ней на квартиру в доме 512 на 88-й улице Нью-Йорка. Он требовал, чтобы она отказалась от своего намерения дать показания в специальной комиссии палаты представителей. Он угрожал расправой. Стерджиса арестовали, но тут же отпустили. А Марита Лоренц после этого инцидента куда-то исчезла.

При анализе возможной роли в заговоре боссов Мафии против Кеннеди обращает на себя внимание странная смерть тех из них, которые были так или иначе связаны с событиями в Далласе.

19 июня 1975 года. Шестидесятишестилетний Сэм Джанкана возвращается из Хьюстона в Чикаго. В своем напоминающем крепость особняке в западном пригороде Чикаго в Ок-парке он проводит вечер в кругу родственников и приближенных. Ужин окончен, гости расходятся. Около полуночи Джанкана спускается в подвал, где расположена кухня. Внезапно прогремели семь выстрелов. С обезображенным, залитым кровью лицом Джанкана рухнул на пол. Видимо, он знал стрелявшего и его присутствие на кухне не вызвало у него опасений¹⁴. Но кто же был убийцей? Один из оставшихся гостей, или присоединившийся к нему новый посетитель, или еще кто-то, самостоятельно проникший в здание? Все эти вопросы так и остались без ответа. ФБР не проявило особого интереса к расследованию преступления. Известно достоверно лишь одно: в ближайшие дни Джанкана должен был давать показания в сенатской комиссии, расследовавшей деятельность разведывательных органов.

Неделю спустя в комиссии выступил Джон Роселли. После этого его еще дважды вызывали в комиссию. В последний раз его допрашивали по вопросам, связанным с убийством президента Кеннеди. После первого же вызова в комиссию Роселли стал явно опасаться за свою жизнь. Поселился в небольшом городке Плантейшн (Флорида), отсиживался там в доме своей сестры, избегая появляться в публич-

ных местах. Единственное исключение он сделал для встречи с Траффиканте. 16 июля 1976 года они пообедали в ресторане «Лэндингс» в Форт-Лодердейл. Двенадцать дней спустя в полдень Роселли уехал из дома в серебристом «шевроле-импала». После этого он бесследно исчез. А 7 августа рыбаки обнаружили в Димфаундингском заливе опутанную цепями бочку из-под нефти. В ней оказалось тело Роселли. Эксперты определили, что он был предварительно удушен. Комментируя убийство Джанканы и Роселли, сенатор Чэрч, председатель сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов, заметил: «Это удивляет меня. Если б убили только одного — это могло и не быть связанным (с расследованием, проводимым сенатской комиссией. — Авт.), но убийство двоих человек приводит меня в замешательство. Я должен признаться, теперь есть основания удивляться»¹⁵.

Но убили не только этих двоих. Три пули были выпущены в голову «капо» Чарльза Николетти — ближайшего подручного Джанканы. По заданию босса он участвовал в подготовке покушения на Кастро и в других секретных операциях ЦРУ. Бездыханное тело Николетти бросили в автомобиль, который подожгли.

Исчезали не только непосредственные участники преступления в Далласе, но и потенциальные свидетели: одни в автомобильной катастрофе (знакомый почерк Мафии), другие были застрелены, третьи покончили самоубийством при загадочных обстоятельствах. Одной из последних жертв явился некий Джордж де Мореншилд, близко знавший Освальда. Он собирался дать голландскому журналисту Виллену Олтмансу важные сведения для раскрытия преступления в Далласе. Однако в последний момент он заявил Олтмансу, что слишком запуган, чтобы согласиться на полное признание. Несколько дней спустя Мореншилда нашли мертвым в Палм-Бич (Флорида). Японский журналист Нобухико Очиган считает, что его убил Траффиканте. Так Мафия следует своему кредо: «Молчат только мертвые свидетели».

В деле об убийстве президента Кеннеди все еще много белых пятен. Это относится к участию гангсте-

ров как в самом преступлении, так и в последующей ликвидации свидетелей. Вашингтон, конечно, не заинтересован в том, чтобы раскрыть действительные обстоятельства гибели тридцать пятого президента США.

Специальная комиссия палаты представителей не решилась дать должной оценки роли ФБР и ЦРУ в событиях в Далласе и тому, как они провели «расследование» обстоятельств убийства президента. Но им выдается свидетельство в невинности: как говорится в докладе, они «не были причастны к убийству президента Кеннеди». Комиссия решается лишь на робкую критику: ФБР «недостаточно расследовало возможность заговора с целью убийства президента», а ЦРУ «допустило упущения при сборе и распространении сведений до и после убийства». В действительности имели место не случайные «упущения», как деликатно выражается комиссия, а сговор между ЦРУ и ФБР с целью саботировать расследование. Об этом убедительно свидетельствуют факты, приводимые в самом же докладе комиссии, и другие известные материалы.

Уже через четыре дня после выстрелов в Далласе шеф ФБР Гувер написал на одной из докладных: «Я считаю, что уже теперь мы имеем основные факты». Это была прямая директива — положить конец исследовательской деятельности, точнее — всему тому, что могло бы привести к выявлению заговора (или заговоров) с целью убийства президента. Но в то же время ФБР создавало и продолжает создавать видимость того, что предпринимает поистине титанические усилия и раскрывает свои досье для общественности. В свое время бюро передало комиссии Уоррена 2300 докладов своих агентов объемом 25 тысяч страниц. В декабре 1977 — январе 1978 года ФБР предало гласности около 100 тысяч страниц своих документов. Но эти тонны макулатуры не содержат и грана новой информации. ФБР не провело никакого расследования связей между Освальдом и Ферри, между Освальдом, Руби и организованной преступностью и возможной ролью последней в организации убийства президента, так же как и роли контрреволюционной кубинской эмиграции. Получив

сообщение от осведомителя об угрозах убить президента, сделанных Марчелло в кругу сообщников, ФБР ничего не сделало для проверки информации. Более того, как сообщается в докладной на имя Гувера, агент ФБР предпринял действия для дискредитации осведомителя, «с тем чтобы можно было замаять инцидент с Карлосом Марчелло». Бюро узнало и об угрожающих заявлениях Траффианте по адресу президента. И снова — никакой реакции, полное бездействие. Это не случайность, а вполне определенный курс. К тому времени бюро начало вести электронное наблюдение за многими главарями Мафии. Исключение составили двое — Марчелло и Траффианте! И не случайностью является то, что и Центральное разведывательное управление со своей стороны также всячески оберегало этих двух гангстеров от возможного выявления их связей с событиями в Далласе.

Когда специальная комиссия доходит до оценки действительной роли ЦРУ в далласской трагедии, ее словно охватывает паралич. Напротив, делаются неуклюжие попытки выгородить это ведомство, создать впечатление проведенного ею расследования. Комиссия запрашивает досье на Освальда, но не находит, естественно, в нем упоминаний о контактах с ЦРУ, и на этом основании делается вывод о том, что он... не имел никакого отношения к этому ведомству. Неужели следователи комиссии столь наивны, что всерьез полагают, будто бы ЦРУ не позаботилось изъять из досье все компрометирующие это ведомство документы! Не случайно же в самом досье Освальда, как и следовало ожидать, отсутствовало 37 документов, числившихся в описи! Но комиссия приняла смехотворное объяснение, данное сотрудниками ЦРУ. Известно и другое: многие агенты ЦРУ имеют кодовое имя, и материалы, связанные с их агентурной деятельностью, хранятся в досье с шифром. Поэтому есть веские основания предполагать, что на Освальда имеется второе досье, доступ к которому специальная комиссия, естественно, не получила.

Несмотря на все попытки властей помешать раскрытию преступления, усилиями ряда исследователей была убедительно показана несостоятельность

версии об Освальде как убийце-одиночке. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс» в марте 1978 года, бывший сотрудник ЦРУ Джеймс Уилкотт заявил, что был завербован ЦРУ еще в конце 50-х годов. Известный исследователь событий в Далласе, американский адвокат Марк Лейн, ссылаясь на имеющиеся у него документы, утверждает, что Освальд работал на ЦРУ. Все больше фактов свидетельствует и о личной заинтересованности ряда боссов организованной преступности в убийстве президента.

Не решилась комиссия проверить заявление прокурора Гаррисона о том, что именно ЦРУ помешало ему довести до успешного конца расследование преступления в Далласе. А между тем в американской печати были опубликованы весьма впечатляющие документы, в частности секретные донесения новоорлеанского агента ЦРУ Новела своему шефу в Лэнгли. Новел информировал штаб-квартиру о том, что следствие новоорлеанского прокурора может привести к опасным разоблачениям, и предлагал предпринять «соответствующие контрмеры в отношении расследования Гаррисона».

Не решилась специальная комиссия сделать выводы из связей между боссами Мафии и Центральным разведывательным управлением. Тот факт, что ЦРУ использовало некоторых главарей гангстеров для организации убийств руководителей Кубы, был официально признан еще одной из сенатских комиссий в 1975 году. Интересно другое. Следы от преступления в Далласе ведут не к кому-либо из многих тысяч американских гангстеров, а именно к «людям ЦРУ» в рядах организованной преступности. Но специальная комиссия не пыталась выявить новые факты о связях между этими гангстерами и ЦРУ. Проявляя вопиющую непоследовательность, она не осмелилась сделать и шага в этом направлении.

По тем же причинам специальная комиссия пытается преуменьшить масштабы связей Освальда с контрреволюционной кубинской эмиграцией в США. Ведь не секрет, что организации контрреволюционеров находятся на содержании ЦРУ, которое на-

правляет их деятельность. По меньшей мере наивны ссылки комиссии на то, что «если бы следы вовлеченности антикастровских групп существовали, они были бы обнаружены» ею в документах, представленных ЦРУ. Нельзя же всерьез считать, что ЦРУ преподнесло бы ей на блюде такие компрометирующие документы. Чувствуя всю шаткость своего вывода, комиссия допускает возможность вовлечения в убийство «отдельных лиц с антикастровскими взглядами». Таким признанием она рассчитывала и создать видимость беспристрастного разбирательства, и не затронуть спецслужбы и созданные ими организации. Можно только пожалеть следователей комиссии: им приходилось ходить по тонкой проволоке, балансируя между очевидными фактами и необходимостью оградить ЦРУ и его агентуру.

В докладе специальной комиссии не только обойдены ставшие известными факты тесных связей Освальда с кругами контрреволюционной эмиграции, но и проводится мысль, будто бы он придерживался «левых» взглядов. Об этом назойливо повторяется на 61, 62, 63, 170, 179-й и других страницах доклада. А между тем критики комиссии Уоррена давным-давно убедительно доказали, что демонстративное подчеркивание Освальдом его «левых» взглядов носило провокационный характер. Даже два сотрудника комиссии Уоррена в свое время высказали убеждение в том, что «прокастровские» заявления Освальда служили цели обвинить в убийстве Кеннеди правительство Кубы. В докладе же специальной комиссии инспирированная ЦРУ примитивная мистификация «левой ориентации» Освальда принимается полностью.

Комиссия намеренно сузила сферу своего расследования, чтобы, не дай бог, не выявилась причастность к преступлению в Далласе определенных влиятельных политических кругов, а также спецслужб. В докладе отмечается, что комиссия Уоррена в свое время работала в «трудных условиях». То же самое можно сказать теперь и о самой специальной комиссии. Это означает, что американская демократия не позволяет даже членам конгресса заглянуть в ту по-

литическую преисподнюю, где готовился заговор против президента. Она отказывает мертвым в посмертном праве на наказание убийц, а живых лишает права узнать правду.

Да, видимо, в США действуют силы, которые не только не желают полного и законченного расследования убийства президента Кеннеди, но и все еще обладают достаточным влиянием для того, чтобы препятствовать такому расследованию.

**Раздел III | Дороги,
ведущие к
«уотергейту»**

Дело не в дороге, которую мы выбираем;
то, что внутри нас, заставляет нас выби-
рать дорогу.

О'Генри

Разрабатывая нашу прикрывающую вер-
сию, мы не испытывали ни чувства заме-
шательства, ни стыда.

*Д. Магрудер,
заместитель руководителя
Комитета по переизбранию
президента Никсона*

Душной летней ночью...

17 июня 1972 года в 1 час 52 минуты оперативная полицейская машина № 172 получила по радио сообщение о грабителях, проникших в «Уотергейт», — огромный административно-жилой комплекс в центре Вашингтона. Сообщение в полицию передал сторож-негр Фрэнк Уиллс. Совершая ночной обход, он обратил внимание на кончик цветной клейкой ленты, торчавшей из-за косяка одной из дверей. Дверь оказалась незапертой — язычки ее замков были прижаты лентой. Как выяснилось позже, взломщики решили держать дверь наготове, чтобы не возиться с замком на обратном пути. Но молодой сторож этого не знал. Сорвав ленту и закрыв дверь, он отправился дальше. А тем временем один из взломщиков спустился вниз, чтобы проверить, открыта ли дверь. И он также не придавал особого значения тому, что кто-то сорвал ленту. И снова повторил операцию. И вновь лента была приклеена не вертикально, вдоль косяка, а поперек его, и ее кончик был виден снаружи. А тем временем взломщики, проникшие в штаб-квартиру национального комитета демократической партии, вытаскивали из досье документы для пересъемки, устанавливали подслушивающие «жучки».

В отеле «Говард Джонсон», расположенном напротив «Уотергейта», под именем Билла Джонсона снимал номер бывший сотрудник ФБР Альфред Болдуин, сообщник взломщиков. В его задачу входило вести наблюдение за всем происходящим на улице и докладывать по портативной рации, так называемой «уоки-токи». Его условные позывные были «пункт один». Стоя на балконе, Болдуин увидел подъехавшую машину, из которой вышли трое людей и направились в гостиницу «Уотергейт». Но они не вызвали у него особых подозрений: они были одеты в

штатское. Он забеспокоился только тогда, когда на восьмом этаже погруженного во мрак здания зажегся свет. Он немедленно передает об этом по «уоки-токи»:

— Говорит «пункт один», говорит «пункт один». Вы меня слышите?

— Слышим. Что случилось?

— На всем восьмом этаже зажегся свет.

— Мы знаем об этом,— следует ответ.— Это обычный двухчасовой обход охраны. Сообщите, если что-нибудь произойдет еще.

Несколько минут спустя Болдуин сообщает:

— Я вижу несколько людей с пистолетами в руках.

Вслед за этим Болдуин слышит панические возгласы: «Нас накрыли, нас накрыли». И еще: «Господа, вы из полиции?» Это были последние слова, донесенные рацией. Несколько минут спустя в комнату вбежал один из руководителей операции, Говард Хант.

— Что происходит? Что происходит? — повторял он в состоянии полной растерянности.

— Выйдите на балкон и посмотрите.

В это время пятерых арестованных выводили из здания и сажали в полицейские машины.

— Мне надо сначала пойти в ванную комнату,— пробормотал Хант. Придя в себя, он дал последние инструкции Болдуину: — Забирай к черту все это оборудование, да и сам убирайся к черту¹.

Операция закончилась.

В полицейском участке пятеро арестованных поначалу назвали себя вымышленными именами. Как выяснилось, эти имена принадлежали героям детективных романов, автором которых был Хант. Игра в прятки продолжалась недолго. Вскоре стали известны их настоящие имена: Джеймс Маккорд, Бернард Баркер, Фрэнк Стерджис, Эухенио Мартинес и Верхилио Гонсалес.

На следующий вечер сержант Линкер произвел обыск в номере 216 отеля «Уотергейт», который занимали арестованные. Здесь было найдено 4200 долларов новенькими сотенными купюрами, различное оборудование, хирургические перчатки и две боль-

шие черные записные книжки, в которых в числе других имен значилось: «Е. Говард Хант. Б. д.». Так полиция вышла на сотрудника Белого дома Ханта. Вскоре напали на след и другого организатора вторжения — Гордона Лидди.

5 июля Болдуин в сопровождении адвоката явился в следственные органы. Было достигнуто соглашение: Болдуин обязался сообщить все, что ему известно о взломе штаб-квартиры демократов. За это его освобождали от судебного преследования. На суде он должен был выступать не в качестве обвиняемого, а всего лишь свидетеля.

Так начало раскручиваться «уотергейтское дело».

Присмотримся поближе к непосредственным участникам операции. Четверо — из контрреволюционной кубинской эмиграции, окопавшейся в Майами. Все они участники неудавшегося вторжения на Кубу в бухте Кочинос в 1961 году. Баркер (по кличке Мачо) ранее, при диктатуре Батисты, служил в тайной полиции, поддерживал контакт с ФБР. Перехватившись в Майами, стал работать по контракту на ЦРУ². Он являлся деловым партнером банкира, ближайшего друга Никсона Бебе Ребозо, совместно занимаясь операциями с недвижимым имуществом. Другим партнером Баркера являлся Хант; их вложения были в Чили, Доминиканской Республике, Никарагуа и Панаме. По поручению Ханта Баркер сам подобрал остальных участников «уотергейтского вторжения». Один из них, Э. Мартинес, его партнер по операциям с недвижимым имуществом, являлся также вице-президентом фирмы, с которой вели дела Ребозо и Никсон³. Совершал диверсии против острова Свободы. В момент ареста в штаб-квартире демократической партии являлся штатным сотрудником ЦРУ. Третий участник — Гонсалес, в прошлом служивший в личной охране Батисты, позже постоянно участвовал во враждебных действиях против Кубы, организовываемых ЦРУ.

Если Баркер и Мартинес прежде всего примечательны своими связями с Ребозо (к этой колоритной и влиятельной фигуре мы еще вернемся позже), то Стерджис заслуживает внимания своими двойными

связями — с ЦРУ и Мáfией. В 50-е годы он занимался на Кубе игорным бизнесом, тесно сотрудничал с главарем флоридской Мáfии Траффиканте. По данным автора исследования о международной торговле наркотиками А. Маккоя, Стерджис по заданиям Траффиканте «получал грузы с героином, прибывавшие из Европы, и переправлял их через Флориду в Нью-Йорк»⁴. В конце 50-х годов по заданию разведслужбы Батисты Стерджис внедрился в ряды партизанской армии Кастро. После победы революции Стерджис, получивший с помощью сенатора Смазерса американское гражданство, переходит на службу в ЦРУ. При подготовке вторжения на Кубу в 1961 году его использовали для контактов с Траффиканте. ЦРУ включает его в группу убийц, целью которой было ликвидировать Ф. Кастро и других видных деятелей революционной Кубы после вторжения на остров (так называемая «Операция 40») ⁵. В подготовке этих террористических актов участвовали также Траффиканте, Хант, Мэхью. Это давнее сотрудничество Стерджиса и Траффиканте на поприще политических убийств служит еще одним подтверждением версии об их причастности к событиям в Далласе (см. с. 163). В последующие годы на деньги ультраправых бизнесменов Техаса и Калифорнии Стерджис создавал диверсионные группы, которые совершали вылазки против Кубы. Подвизался и на политическом поприще: в 1968 и 1972 годах организовывал в Майами демонстрации контрреволюционных эмигрантов под лозунгом «Кубинцы за Никсона».

В отличие от этих четверых, прибывших из Майами, Джеймс Маккорд работал координатором по вопросам безопасности Комитета по переизбранию президента Никсона, являлся специалистом по шпионскому электронному оборудованию. После окончания двух университетов Маккорд работал специальным агентом ФБР, затем два десятилетия — ЦРУ.

Такова была «великолепная пятерка» — эти отнюдь не случайно завербованные профессионалы-уголовники, а люди с университетскими дипломами, счетами в банках, со стажем работы в разведывательных органах, со связями, ведущими к окруже-

нию президента. У каждого уже был опыт различного рода шпионско-диверсионной деятельности.

Поднимаемся теперь на ступень выше. Здесь мы встречаемся с работником Комитета по переизбранию президента Гордоном Лидди и Говардом Хантом, работавшим в Белом доме консультантом при одном из главных помощников президента, Чарльзе Колсоне.

После окончания университета и юридической школы Лидди пять лет работал агентом ФБР, затем помощником окружного прокурора, сотрудником ведомства по борьбе с наркотиками. В июне 1971 года его берут в Белый дом, где он трудится под началом помощника президента Эрлихмана. Отсюда его переводят в Комитет по переизбранию президента (КПП). Окружавшим его людям коренастый, с небольшими усиками Лидди представлялся неким гибридом вымышленного Джеймса Бонда и вполне реального мафиози. Он любил похвастаться своим умением «убить человека хорошо отточенным карандашом». Но обожал он и огнестрельное оружие и однажды сказал своему шефу Д. Магрудеру: «Знаете, Джеб, у меня есть пистолет, который стреляет под водой». «При каких же это обстоятельствах, Гордон, вы собираетесь стрелять в кого-нибудь под водой?» — спросил несколько озадаченный заместитель руководителя КПП. «Мало ли при каких, — ответил Лидди. — Никогда не знаешь, что может случиться».

Пальцы Лидди тосковали по спусковому крючку. Однажды Лидди и Магрудер обсуждали статьи обозревателя Джека Андерсона, который критиковал администрацию.

— Слушай, а хорошо было бы, — заметил Магрудер, — если мы смогли от него избавиться.

Лидди понял это как приказ убить обозревателя. Вскоре, однако, Магрудер разъяснил ретивому коллеге, что он имел в виду «избавиться» от Андерсона «в фигуральном смысле».

— Вы должны быть осторожны, — с раздражением ответил ему Лидди. — Когда вы мне даете такого рода приказ, я приступаю к его выполнению⁶.

Как-то раз Лидди признался Магрудеру, что во время работы в ФБР он был членом «группы убийц»

и однажды отправил человека на тот свет. Он подкараулил свою жертву в гараже, напав на вошедшего, накинул на него петлю и здесь же повесил.

— И знаете, что оказалось? — продолжал он свой рассказ. — Я обнаружил, что прикончил не того человека. С тех пор мне всегда неприятно об этом вспоминать⁷.

И еще характерный штрих к портрету Лидди. Два дня спустя после провала операции в «Уотергейте» Лидди встретился с юридическим консультантом президента Джоном Дином. Состоявшийся между ними разговор может показаться настолько неправдоподобным, что лучше его не пересказывать, а привести слова самого Дина: «Лидди всячески извинялся за то, что они (участники операции. — Авт.) были пойманы, и за то, что вовлеченным оказался Маккорд... В конце разговора он еще раз принес свои извинения и выразил беспокойство относительно лиц, находящихся в тюрьме. Я сказал, что не могу помочь, и он ответил, что понимает это. Он также заявил мне, что является солдатом и никогда не будет говорить. *Он сказал, что если кто-либо захочет его убить на улице, он готов к этому*»⁸.

Лидди, видимо, достаточно хорошо был осведомлен о том, как убирают нежелательных свидетелей. Ему ли, близкому другу Ханта, не знать об этом.

Эверетт Говард Хант был опытным профессиональным разведчиком. После окончания университета и работы в печати он двадцать один год находился на службе в ЦРУ. Выполнял его задания в Мехико, Париже, Токио, Монтевидео, Вене и других столицах. Он возглавлял в Гватемале операцию по свержению демократического правительства Арбенса (1954), был одним из непосредственных организаторов и руководителей вторжения кубинских контрреволюционных эмигрантов на Кубу в бухте Кочинос (1961). Одно время был личным помощником директора ЦРУ А. Даллеса. Под различными псевдонимами (Д. Бакстер, Р. Дитрих и другие) опубликовал свыше сорока детективных рассказов и романов.

Ханта хорошо знали в Белом доме. Президент помнил его еще с 1960 года — Р. Никсон, тогда вице-президент, возглавлял в правительстве подготовку

вторжения на Кубу. Знал Ханта и друг президента Ребозо. Они совместно вели некоторые деловые операции, в том числе с недвижимым имуществом. Среди друзей Ханта и никарагуанский диктатор Сомоса, с которым его объединяли и деловые интересы. В Белый дом Ханта взял на работу Чарльз Колсон.

Готовя операцию по вторжению в штаб-квартиру национального комитета демократической партии, Хант побывал в Майами, встретился со своим старым знакомым Баркером. Операцию, сказал разведчик, надо-де провести в интересах «национальной безопасности». Баркер согласился и взялся за подбор людей. 22 мая Баркер прибыл в Вашингтон вместе со своей «командой». На рассвете 28 мая после двух неудачных попыток взломщикам удалось проникнуть в помещение штаб-квартиры в административном здании уотергейтского комплекса. Маккорд установил электронные подслушивающие устройства на телефонах, Баркер и его помощники сфотографировали документы и благополучно скрылись.

Несколько дней спустя к владельцу фотоателье в Майами обратились двое клиентов с просьбой срочно проявить 38 кадров 35-миллиметровой пленки. На фотографиях были запечатлены документы, прижатые руками в перчатках к ворсистому ковру. На некоторых документах была отчетливо заметна печать национального комитета демократической партии, на других — подпись председателя национального комитета Лоуренса О'Брайена. Впоследствии работник фотоателье признал двух обвиняемых по «уотергейтскому делу» Стерджиса и Баркера — в посетителях, приносивших пленку.

Фотокопии документов и записи перехваченных телефонных разговоров Лидди передал руководителю Комитета по переизбранию президента (КПП), ближайшему политическому советнику Никсона, его бывшему партнеру по юридической фирме Джону Митчеллу. Лидди действовал по всем правилам конспирации, которые он познал в ФБР. Материалы были вложены в конверт с кодовым названием: «Операция «Джемстоун». Весь конверт пестрел строгими предупреждениями. Большими красными буквами было написано: «Секретный материал». И ни-

SENSITIVE MATERIAL

**Handle As
Codeword
Material**

**Exdis
No Disem**

Обложка папки «Секретные материалы», в которой хранились документы, связанные с «грязными трюками» сотрудников Комитета по переизбранию президента.

же мелким шрифтом: «Обращаться в соответствии с шифром». Внизу в левом углу было напечатано: «Внимание, данная информация служит только разведывательным целям. Ее использование может скомпрометировать источник и прекратить дальнейшее поступление информации»⁹.

Содержание конверта не оправдало надежд получателей. Сотрудник Белого дома, помощник Эрлихмана Гордон Стрэчер, ознакомившись с материалами Лидди, недовольно сказал: «Этот идиот только зря тратит время и деньги». Митчелл также был возмущен: «Эта чепуха не стоит бумаги, на которой она отпечатана». Незадачливый шпик стал оправдываться: «Один из подслушивающих «жучков» не сработал, а второй по ошибке подключили к телефону не О'Брайена, а его секретаря. Но я без промедления все это поправлю», — заверил он Митчелла.

Так стало неизбежным новое проникновение в штаб-квартиру демократической партии, которое и было осуществлено ночью 17 июня. Ее можно было бы назвать «ночью ошибок и случайностей». Некоторые американские авторы делают упор именно на ошибках, допущенных участниками операции, и случайностях, приведших к ее провалу. Они задают многочисленные, как им кажется, неотразимые вопросы: а что бы произошло, если бы сторож Уиллс оказался менее внимательным? Или если бы взломщики проявили большую осторожность, наклеив ленту на замок так, чтобы она была не видна? Или, увидя, что лента снята с замка, поспешили бы скрыться?..

Сенатская комиссия, расследовавшая «уотергейтское дело», также отдала дань рассуждениям на тему «а если бы...».

«Является случайностью то, — говорится в ее докладе, — что по вызову дежурного по полицейскому участку прибыла машина без опознавательных полицейских знаков с сотрудниками, одетыми в штатское. Первым на его вызов по радио ответила обычная полицейская машина, но она ехала на заправку горючим. Тогда дежурный обратился ко всем полицейским подразделениям, находившимся вблизи «Уотергейта». Если бы первая полицейская машина

поехала по его вызову и подразделение полицейских в форме вошло в здание, Болдуин мог бы немедленно это заметить, предупредить взломщиков, которые могли бы успеть скрыться. Подлинный характер вторжения мог быть остаться нераскрытым, и тогда не было бы необходимости в крупной операции по прикрытию, которая после ее разоблачения превратилась в самый серьезный политический скандал в истории страны»¹⁰.

Направленность всех этих рассуждений очевидна. Не будь этих «случайностей» и «ошибок», вместо крупнейшего скандала, вошедшего в историю США, остался бы лишь протокол в полицейском архиве о вторжении неизвестных лиц в штаб-квартиру демократов. Попытки сконцентрировать внимание на возможных, но несостоявшихся вариантах перипетий вашингтонской ночи 17 июня продиктованы стремлением превратить «уотергейт» из закономерного исторического события в крупное, но случайное происшествие. Политическое явление низвести до уровня уголовной хроники. Отрубить его глубокие корни. Внутреннюю логику политики, приведшей к «уотергейту», подменить цепью ошибок, заблуждений или дурного поведения отдельных исполнителей. Замолчать органическую связь «уотергейта» с основами общества и разъедающими его пороками — коррупцией, преступностью, всевластием денежного мешка; раковую болезнь, поразившую организм, выдать за легкоустраимые болячки.

Так пишется история!

Сколько было «уотергейтов»?

Явилось ли тайное вторжение в штаб-квартиру демократической партии из ряда вон выходящим событием в американской столице? Случайным сорняком среди вашингтонских цветников? Не углубляясь в дебри истории, посмотрим на события нескольких предшествующих лет, характеризующие отношение Вашингтона к законности.

1956 год. Федеральное бюро расследования с благословения Белого дома принимает программу

«Коинтелпро». В ее рамках до 1971 года, когда она формально (но не фактически) была прекращена, ФБР провело в нарушение конституции 2370 отдельных тайных операций против демократических массовых организаций, прогрессивных деятелей, против неугодных властям лиц, включая слежку, засылку осведомителей и провокаторов, тайное проникновение в помещение, распространение клеветнических фальшивок и использование других подобных грязных методов и незаконных средств¹.

Обобщающие данные, характеризующие тотальные масштабы нарушения законности, слежки за инакомыслящими в США, попрания гражданских прав, содержатся в докладе специального сенатского комитета по расследованию деятельности разведывательных органов, опубликованном в 1976 году². Ниже приводятся некоторые данные, содержащиеся в докладе.

В штаб-квартире Федерального бюро расследований ведется более 500 тысяч досье, составленных на основе агентурных сведений. Число их постоянно растет. Лишь в одном 1972 году было заведено 65 тысяч новых досье. Как правило, каждое досье содержит информацию о нескольких лицах, о группах или организациях, поэтому общее число американцев, находящихся под надзором штаб-квартиры ФБР, исчисляется многими миллионами. Кроме того, огромное число досье ведется по всей стране местными отделениями ФБР.

За период с 1955 по 1975 год ФБР провело 740 тысяч расследований дел «подрывной деятельности» и 190 тысяч дел «об экстремизме». Наряду с использованием электронных и других технических средств ФБР использует целую армию платных осведомителей и провокаторов. В 1972 году оно содержало лишь в районах негритянских гетто более 7000 шпииков. В 1976 году ФБР затрачивало на содержание агентов, следящих за инакомыслящими, вдвое больше, чем на сотрудников, занимающихся вопросами организованной преступности.

В 1967 году по указанию президента Джонсона ЦРУ принимает широкие программы слежки (программа «Хаос») за ведущими антивоенными, негри-

тянскими, женскими, молодежными и другими организациями и общественными деятелями.

Установил Джонсон слежку и за политическими соперниками. Однажды, принимая у себя в кабинете Роберта Кеннеди, он незаметно нажал на клавишу, включавшую магнитофон. Едва министр юстиции ушел, президент решил прослушать запись. К его удивлению, магнитофон издавал только какие-то шипящие звуки, хотя и был в полной исправности: Кеннеди предусмотрительно прихватил с собой так называемый скэмблер — аппарат, препятствующий записи. Видимо, он знал или догадывался о том, что Овальный кабинет при Джонсоне был оборудован звукозаписывающей аппаратурой. Впрочем, такую аппаратуру президент распорядился установить не только в своем кабинете, но и в других местах в Белом доме, даже в... туалете. Он использовал ФБР для сбора информации о политических деятелях. По его указанию люди Гувера установили подслушивающее устройство в самолете, в котором кандидат в президенты Р. Никсон совершал в 1968 году турне по стране³.

Придя в Белый дом, Никсон пошел по пути своего предшественника. 23 июля 1970 года он дал санкцию ФБР, ЦРУ и другим ведомствам на использование различных противозаконных методов — подслушивание телефонных разговоров, перлюстрацию писем, вторжение в жилье любого американца, кого ФБР считало радикалом, и т. п. Позже Никсон следующим образом мотивировал свои действия: «Мое одобрение основывалось в значительной степени на том факте, что предлагавшиеся методы не отличались от методов, использовавшихся при прежних администрациях, и, по заключению разведывательных ведомств, показали свою эффективность».

1971 год, 16 августа. По указанию Холдемана и Эрлихмана юридический консультант президента Джон Дин подготавливает специальный меморандум: «Акции в отношении наших политических противников». «Настоящий меморандум посвящен тому... — писал Дин, — как мы можем использовать имеющийся в нашем распоряжении федеральный аппарат, с тем чтобы придавить наших политиче-

ских противников»⁴. В «списке врагов», подготовленном в Белом доме, оказались десять сенаторов, 18 членов палаты представителей, три бывших министра, многие ведущие работники средств массовой информации.

Использование Белым домом федеральных служб для борьбы со своими политическими противниками не являлось новым явлением. К этому прибегали и Трумэн, и Эйзенхауэр, и Кеннеди, и Джонсон. При Никсоне эта практика приняла лишь более широкие масштабы и более систематический характер. Для осуществления наиболее деликатных операций в Белом доме создается мини-ФБР — специальные группы, занимающиеся тайными операциями против политических противников президента. Их позже назовут группами «грязных трюков». В марте 1969 года помощник президента по внутривнутриполитическим вопросам Джон Эрлихман нанимает бывшего сотрудника нью-йоркской полиции Джона Колфилда для того, чтобы тот организовал тайный сбор информации. Затем наняли нью-йоркского полицейского Антони Уласевича. Ему положили оклад в 22 тысячи долларов в год — примерно столько же, сколько университетскому профессору. Первая его операция была направлена против сенатора Э. Кеннеди.

Ночью 19 июля 1969 года сенатор Э. Кеннеди попал в автомобильную катастрофу на острове Чаппакуиддик. Его спутница Мери Копечне утонула. Рано утром Эрлихман направляет Уласевича в район происшествия. Несколько месяцев, действуя под вымышленной фамилией Стенли, он пытался собрать компрометирующую информацию о сенаторе. Установил записывающее устройство в квартире, где ранее жила Мери Копечне с тремя подругами.

В последующие три года по заданиям помощников и советников президента Эрлихмана, Холдемана, Колсона и министра юстиции Митчелла Уласевич побывал в 23 штатах. В Белом доме его деятельность имела кодовое название: «Операция «Сандведж». Среди объектов его слежки были Брукингский институт, политический дэятель Лоуренс О'Брайен, обозреватель Джек Андерсон, лица, делав-

шие взносы в избирательные фонды сенаторов-демократов Кеннеди, Маски, Проксмайра и других. Он проникал в различные помещения и устанавливал там электронные подслушивающие устройства, занимался другой незаконной деятельностью. Всего им было проведено 63 операции. И каждая из них — в случае провала — могла стать «уотергейтом». А ведь действовал в Белом доме не один Уласевич.

Летом 1971 года в кабинетах полуподвального этажа административного здания, расположенного около Белого дома, обосновалась еще одна группа политической разведки и диверсий. Ее первоначальной задачей было предотвратить «утечку» секретной информации из Белого дома. Отсюда название участников группы — «водопроводчики». Но вскоре Белый дом возложил на группу задачу проведения секретных операций против своих политических противников. Главными «водопроводчиками» были Гордон Лидди и Говард Хант. Эрлихман лично позаботился о том, чтобы снабдить знаменитого шпиона и его напарника всем необходимым. Он звонит заместителю директора ЦРУ генералу Роберту Кашману.

— Говард Хант взят на работу в качестве консультанта Белого дома по вопросам безопасности, — сообщает ему помощник президента. — Он работает на президента. Хант зайдет к вам, и мы просим оказать ему необходимое содействие.

ЦРУ дает Ханту и Лидди все, что им потребовалось, — фальшивые удостоверения и визитные карточки, парики и приспособление, меняющее при разговоре по телефону голос до неузнаваемости, аппаратуру для скрытых съемок. На языке американских разведорганов это называется «обеспечить техническую помощь».

Первым заданием, которое получил Хант в Белом доме, было «заняться» Д. Элсбергом, противником войны во Вьетнаме, которого не без оснований подозревали в разглашении секретных документов Пентагона. Задание исходило непосредственно от президента. В своем выступлении по телевидению 22 мая 1973 года Р. Никсон заявил, что, давая это задание, он подчеркнул его «важное значение для национальной безопасности»⁵. Эти ссылки на «наци-

ональную безопасность» стали неким щитом, которым в Вашингтоне пытались прикрыть неблагоприятные дела, не имевшие никакого к ней отношения. Подлинной целью Белого дома было дискредитировать Д. Элсберга в глазах американской общественности, представить его психически неуравновешенным и даже не совсем нормальным человеком. Поэтому Хант предложил тайно проникнуть в кабинет к врачу-психиатру Филдингу и ознакомиться там с историей болезни Элсберга. В глазах Ханта и его шефов в Белом доме Элсберг, осмелившийся разоблачать подноготную «грязной войны» США во Вьетнаме, был предателем. Он заслуживал расправы. В разговоре с Колсоном Хант без обиняков заявил: «Я хотел бы, чтобы этого типа повесили, если бы это послужило интересам администрации»⁶. В устах Ханта это была не простая риторика.

Делая свое публичное заявление 22 мая 1973 года, Р. Никсон, конечно, не предполагал, что вскоре станут известными секретные документы, касающиеся операции против Элсберга. В одном из них, докладной Ханта на имя Колсона от 28 июля 1971 года, содержался план «нейтрализации Элсберга». Цель операции, говорилось в документе, — «подорвать общественную репутацию Элсберга и доверие к нему»⁷.

В другой докладной на имя Эрлихмана «водопроводчики» писали:

«Мы рекомендуем проведение тайной операции для ознакомления с хранящимися у психиатра, лечившего Элсберга, медицинскими картами, которые велись в течение двух лет, когда Элсберг проходил обследование»⁸.

Помощник президента одобрил операцию, но поставил перед взломщиками условие: можно брать за дело, «если будет уверенность в том, что оно будет чисто сработано»⁹.

«Водопроводчики» дали заверение и направились в Лос-Анджелес. Оправдывая их и в то же время выгораживая себя, Никсон говорил в выступлении по телевидению 22 мая 1973 года:

«Ввиду того акцента, который я сделал на решающем значении защиты национальной безопасности,

я могу понять, как отдельные лица, руководствуясь высокими мотивами (?!), могли считать себя вправе предпринимать конкретные действия, которые я бы не одобрил, если бы на них было обращено мое внимание»¹⁰.

25 августа Хант и Лидди прибывают в Лос-Анджелес для предварительного «осмотра местности». Затем вызывают из Флориды Баркера и его людей. Хант, которого они знали под именем Эдуардо, дал им последние инструкции. 3 октября взломщики проникли в помещение доктора, сфотографировали медицинские карты Эллсберга.

Хант и Лидди летели в Вашингтон в приподнятом настроении. Выпили виски с содовой, завели знакомство с хорошенькой стюардессой. Ей также представились под вымышленными фамилиями. Хант, еще вчера выступавший под именем Эдуардо, теперь назвал себя Гамильтоном, Лидди — Лоримером. На радостях, однако, забыли о других мерах предосторожности и обещании не оставлять следов. Желая поразить воображение девушки, многозначительно намекали ей, что возвращаются после успешно проведенной некой тайной операции. Из Вашингтона Хант послал девушке один из своих романов. И снова тщеславие взяло верх над предусмотрительностью. Сопроводительная записка была написана на бланке Белого дома и подписана: «Гамильтон»¹¹.

Два года спустя стюардесса, смотревшая телевизионную программу об «уотергейтском деле», к своему удивлению, узнала в двух обвиняемых своих странных пассажиров. И сообщила об этом в следственные органы...

За время своей четырнадцатимесячной службы в Белом доме Хант совершил и многие другие «подвиги», предусмотренные уголовным кодексом США. Он устанавливал подслушивающие устройства в квартирах корреспондентов газеты «Нью-Йорк таймс», вместе с Лидди осуществил проникновение со взломом в редакцию «Лас-Вегас сан», в помещение негритянской организации «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения», в посольство Чили в Вашингтоне... И каждая из этих операций также могла стать «уотергейтом». Были у

Ханта, который никогда не расставался с оружием, дела и посерьезнее. Уже находясь на службе в Белом доме, он возглавил группу убийц, которая должна была «убрать» главу правительства Панамы Омара Торрихоса¹².

Каждая операция, проводимая группой «грязных трюков», преследовала определенную цель. Но какова была цель «уотергейтского вторжения»? Что искали взломщики в штаб-квартире демократов? Казалось бы, при разбирательстве любого преступления главное — прежде всего установить его мотивы. Но почему же тогда горы материалов содержат лишь крупницы информации, касающейся побудительных причин вторжения в штаб-квартиру демократической партии? Ни специальная сенатская комиссия, ни специальные следователи, ни судебные органы не только не дали обоснованного анализа движущих мотивов, конкретных целей вторжения, а вообще фактически обходили этот вопрос. Между тем даже уже ставшие известными факты позволяют высказать на этот счет обоснованные предположения. По всей вероятности, у Белого дома были особые причины, побудившие его любой ценой ознакомиться с сейфом председателя национального комитета демократической партии О'Брайена и с содержанием его телефонных разговоров. Эти причины связаны прежде всего с отношениями между президентом Никсоном и миллиардером Говардом Хьюзом. К этому вопросу мы вернемся позже.

«Вся президентская рать»

Так образно назвали свою книгу об участниках «уотергейтского дела» американские журналисты Карл Бернштейн и Боб Вудворд. Но о двух из них — Бебе Ребозо и Мюррее Чотинере — авторы почему-то только упомянули. А между тем они сыграли важную роль в самом «уотергейтском скандале» и в событиях, которые к нему подвели, ибо входили на протяжении нескольких десятилетий в состав узкого круга наиболее доверенных лиц и советников Р. Никсона. Каждый из них выступал как его alter ego.

По ним можно составить представление об общей атмосфере, окружавшей Никсона, точнее, которой он сам себя окружал. Атмосфере, в которой ему, видимо, особенно легко дышалось.

Ребозо и Чотинер принадлежат к той категории лиц, которые не занимают высоких официальных постов, не выступают с публичными выступлениями, не попадают в справочник «Кто есть кто в Америке». Они входят в «теневой кабинет» и действуют не на авансцене, а за кулисами. Их задача — оставлять своих боссов лично незамешанными.

Такое использование посредников особенно широко распространено в мире организованной преступности. Там функционирует организационно оформленный механизм: босс Мафии действует обычно через своего заместителя и других гангстеров, стоящих ниже по иерархической лестнице. В мире Большой Политики и Большого Бизнеса нет постоянного механизма для осуществления темных дел. Но и там представители монополистической и политической элиты имеют своих особо доверенных людей, иногда личных друзей, которым поручается непосредственное осуществление наиболее деликатных миссий. У Говарда Хьюза такими людьми были Дитрих, Мэхью, Даннер, Беннет. У Никсона — Ребозо и Чотинер. Однажды, когда люди Хьюза попытались передать тайный взнос лично в руки президенту Никсону, их предложение было с порога отвергнуто: оно нарушало «правила игры». Такие дела вершатся на ином уровне — между доверенными посредниками.

Когда выяснилось, что Ребозо получил от людей Хьюза сто тысяч и, по его утверждению, держал их у себя, не ставя в известность президента, Никсону задали вопрос на пресс-конференции 26 октября 1973 года:

— Может ли американский народ поверить в то, что ваш близкий друг мистер Ребозо в течение трех лет, на протяжении которых он иногда встречался с вами каждую неделю, скрыл от вас тот факт, что у него имелось 100 тысяч долларов наличными, полученными от мистера Говарда Хьюза?

На это президент ответил:

— Да, это, очевидно, не вызывает у вас доверия, и я полагаю, что это звучит неправдоподобно и для многих других людей, которые не знают, каким образом я действую... В вопросе о взносах на избирательную кампанию у меня есть правило... я всегда отказывался принимать пожертвования лично. Я отказывался обсуждать вопрос о пожертвованиях¹.

Удобная позиция: и капитал приобрести, и невинность соблюсти! У людей, стоящих на вершине пирамиды, должно быть алиби. Они, подобно жене Цезаря, должны быть вне подозрений.

Бебе Ребозо, не занимая никакого официального поста, имел в Белом доме свой кабинет, с ним вели переговоры, спрашивали совета или просили помощи высокопоставленные официальные лица, бизнесмены, политические деятели. Источником влияния Ребозо была его близость к президенту. Он его личный друг и доверенное лицо, которому Никсон поручал свои самые деликатные дела. Со времени «уотергейтского вторжения» до своей отставки президент провел с ним вместе все уик-энды, за исключением трех. «Бебе Ребозо, — писал «Лайф», — единственный человек, с которым Никсон может расслабиться, особенно в напряженные периоды, он единственный человек, которому Никсон действительно доверяет. Он может задавать Бебе вопросы, зная, что тот даст откровенные ответы. Он может говорить с ним обо всех — об Агню (в то время вице-президенте США. — Авт.), о членах кабинета, о сотрудниках аппарата Белого дома. Никсон знает: что бы он ни сказал ему, его слова больше никому не станут известны»².

Впрочем, Никсон пользовался не только приятным обществом жизнерадостного приятеля, но и его щедрыми подношениями. Дочке Никсона Джулии Ребозо подарил особняк в Бетесда (штат Мэриленд) стоимостью 100 тысяч долларов, а президенту — кегельбан³. Кроме того, помимо собственных средств Ребозо использовал на личные нужды президента и его родственников и тайные взносы, вносившиеся в фонд избирательных кампаний Никсона. Точную сумму этих расходов установить невозмож-

но, поскольку далеко не все секретные взносы были раскрыты. Получив сведения об этих расходах, сенатская комиссия затребовала от Ребозо и его «Ки-Бискейн бэнк энд траст компани» соответствующие финансовые документы для проверки. «Ребозо, однако,— беспомощно констатирует комиссия,— отказался представить какие-либо из затребованных документов. Тем самым он затруднил ход расследования и помешал комиссии получить необходимые материалы»⁴. Как же поступила наделенная широкими полномочиями комиссия высшего законодательного органа страны? Настояла на своих требованиях? Обратилась в суд? Ничего подобного. Сенаторы проглотили пилюлю и отступили. Никаких объяснений собственной робости в своем докладе они не дают. Видимо, здесь действовали какие-то тайные пружины, о которых они предпочли не сообщать.

Ставшие тем не менее известными факты свидетельствуют о том, что Ребозо часто запускал руку в избирательный фонд. Часть денег была затрачена на нужды братьев президента — Дональда и Эдварда, его секретарши Роз-Мари Вудс и многих других. Более 50 тысяч Ребозо затратил на перестройку и меблировку виллы Р. Никсона в Ки-Бискейне: сооружение бассейна и камина, приобретение биллиардного стола, на покупку платиновых серег стоимостью 5000 долларов «первой леди» государства⁵.

Друзья Никсона обычно утверждали, что его первая встреча с Ребозо состоялась лишь в 1951 году. Видимо, у них были основания скрывать более ранний период их знакомства. В действительности Никсон много раз отдыхал в Майами в 40-е годы, ездил на рыбалку и совершал прогулки на яхте совместно с Ребозо и с хозяином отеля «Уоффорд», неким Тейтумом Уоффордом, известным в преступном мире под кличкой Краснорожий. В докладе сенатской комиссии, расследовавшей организованную преступность в 1950—1951 годах (комиссия Э. Кефовеера), говорится: «На слушаниях комиссии было убедительно показано, что большое число известных гангстеров и рэкетиоров из Нью-Йорка, Филадельфии, Детройта, Кливленда и других городов собира-

лись в Майами-Бич... Отель «Уофффорд» превратился в место встреч известных рэкетиров и гангстеров со всей страны»⁶. Здесь вершили свои дела М. Лански, Ф. Костелло и другие короли Мафии. Здесь же разместил свою штаб-квартиру один из помощников Фрэнка Костелло, букмекер Фрэнк Эриксон. Совладельцем отеля «Уофффорд» являлся кливлендский гангстер Ангерсола, ближайший сообщник другого гангстера, о котором пойдет речь ниже,— Эла Полиции.

Таково лицо Уофффорда, с которым молодой конгрессмен Р. Никсон проводил свой досуг. Неудивительно, что благожелатели Никсона постарались вымарать из его биографии эти компрометирующие связи.

Уофффорд был отнюдь не единственным сообщником мафии, с которым Ребозо вел дружбу и дела.

В начале 60-х годов Ребозо основал в небольшом флоридском городке Ки-Бискейн «Ки-Бискейн бэнк», повесил рядом с американским флагом портрет Никсона, который был первым клиентом, открывшим в банке свой счет. «Скоро стало известно, что банк занимается операциями с крадеными ценными бумагами. В одном случае Ребозо принял ценные бумаги компании «ИБМ», которые, как сообщалось, были украдены одной из нью-йоркских «семей» Мафии, а затем проданы за наличные, хотя даже он сам подозревал, что бумаги носят сомнительный характер»⁷. Всплыл наружу и другой факт. В 1969 году Ребозо принял у одного мошенника краденый чек на 115 тысяч и оплатил их наличными. «Я пришел к выводу, что он принял бы у меня даже горячую печку»,— заявил этот мошенник в своих показаниях в сенатской подкомиссии. Журнал «Нью-Йорк ревью оф букс» писал, что «банк в 1968 году являлся депозитарием ценных бумаг, первоначально украденных и направленных в банк людьми из мира организованной преступности»⁸.

В 1969 году, используя свои вашингтонские связи, Ребозо получил заем от Администрации по делам мелкого бизнеса на строительство торгового центра. Контракт на постройку (на 600 тысяч дол-

*Эл Полици (справа)
Говард Хант.*

ларов) он заключил со своим другом Алфредом Полици.

А что из себя представляет Полици? Это известный гангстер (регистрационный номер ФБР 118357) с кличками Большой Эл или Полуночник. Мог ли об этом не знать Ребозо, человек столь осторожный, что, как шутил один из его деловых партнеров, «пользовался и подтяжками, и ремнем одновременно»? Впрочем, для того чтобы выяснить биографию Полици, охарактеризованного следователями сената как «одна из наиболее влиятельных фигур подпольного мира в Соединенных Штатах»⁹, не было и нет необходимости копаться в полицейских досье и проводить специальное расследование. Имя Полици можно встретить почти в любой книге по истории мафии, в отчетах сенатских комиссий по расследованию организованной преступности. Сенатор Кефвер, председатель сенатской комиссии, проводившей расследование в 1950—1951 годах, отмечал, что Алфред Полици — «один из гангстеров Кливленда, разбогатевший на контрабанде спиртных напитков и игорном бизнесе... известный член

преступного сообщества». Прочитаем популярный очерк истории организованной преступности в США Х. Мессика и В. Голдблатта. В нем сообщается, что Алфред Полици, его сообщник Ангерсола и некоторые другие начали свою преступную деятельность еще в двадцатые годы и вскоре превратились в крупных боссов организованных преступников¹⁰. Полици, указывается в книге, являлся одним из главарей знаменитой банды кливлендских гангстеров «Мейфилд роад гэнг», тесно сотрудничал с Майером Лански и Лакки Лучано, помогая им основать корпорацию «Моласки» в качестве легального прикрытия для торговли спиртными напитками, полученными незаконным путем... Неоднократно привлекался к судебной ответственности и сидел за решеткой. В 40-е годы он перебрался из Кливленда во Флориду, где занялся махинациями с недвижимым имуществом, сохраняя свои прочные связи с гангстерами. «Различные органы юстиции, — говорится в специальном номере газеты «Ньюсдей», которая провела всестороннее расследование деятельности Ребозо, — утверждают, что Полици продолжает дружбу со своими сообщниками из преступного мира и установил новые связи с гангстерами, совместно с которыми владеет различными отелями в Майами-Бич... В 1964 году федеральное бюро по борьбе с наркотиками охарактеризовало его как одного из наиболее влиятельных фигур в преступном мире США»¹¹. Полици стал одним из совладельцев отеля «Сандс». По словам руководителя комиссии по борьбе с преступностью в Майами Д. Салливана, отель «Сандс» «превратился в место сборищ игроков, рэкетиоров и гангстеров» из Филадельфии (Пенсильвания) и других городов.

Все это не помешало Ребозо заключать с Полици контракты на строительство. По всей видимости, они были уже к тому времени лично хорошо знакомы. Еще в 1952 году «группа граждан Флориды» обратилась к властям с петицией, в которой говорилось, что «они лично знают Полици в течение длительного периода времени и всегда считали высокоморальным человеком». Под петицией, которую Полици затем использовал для попытки полного вос-

становления в правах после неоднократных судимостей, стоит подпись Элеоноры Ребозо, свояченицы Бебе Ребозо. В свою очередь, когда Ребозо собирал подписи под петицией в поддержку одного из своих земельных планов, одним из семи граждан, поставивших свои подписи, был Полицци — долг платежом красен.

Ребозо фактически вел дела Никсона по покупке и перепродаже земельной собственности. В 1962 году помог ему приобрести за 186 тысяч акции компании «Фишер айленд», владеющей островом Фишер вблизи Майами-Бич. А в 1969 году этот пакет акций был продан вдвое дороже — за 372 тысячи¹². Почему же так подскочила стоимость земли? Потому что покупателям было известно намерение вновь избранного президента ассигновать крупные суммы на модернизацию порта Майами-Бич, вблизи которого расположен остров. И действительно, вскоре соответствующий законопроект был подписан. Из карманов налогоплательщиков изъяли семь миллионов, президент положил себе в карман 186 тысяч долларов дохода от сделки. Каждому — свое.

Маклером Бебе Ребозо при покупке острова был некий Натан Ратнер из Кливленда. Он же разработал план строительства на острове, приобрел пакет акций, став его совладельцем вместе с Никсоном и Ребозо, помогал распределять земельные участки среди их друзей. Этот близкий деловой партнер Ребозо является одновременно и главным владельцем акций «Бэнк оф Майами-Бич». Основанный в 1955 году, этот банк находится под контролем организованной преступности. Лански и другие боссы Мафии, действуя через подставных лиц, переправляли в этот банк миллионы долларов наличными, полученных в казино Лас-Вегаса и Гаваны (до 1960 года), а также с Багамских островов. Только во время одной операции курьеры Лански «отмыли» в 1964 году 600 тысяч долларов. Во время другой операции мафиози из Бостона поместили в банке украденные деньги, а затем получили от него «займы». Эти официальные «займы» позволяли гангстерам легализовать свои нелегальные доходы.

Все эти операции не были секретом для органов

юстиции. Президент без труда мог получить сведения о неблагоприятных делах своего ближайшего приятеля. Но он не только этого не делал, но и рассматривал каждого, кто пытался вывести Ребозо на чистую воду, как своего личного врага. 20 октября 1973 года он уволил А. Кокса с поста специального следователя по «уотергейтскому делу». Одной из главных причин, побудивших президента пойти на такой непопулярный шаг, было расследование роли Ребозо в получении денег Хьюза. Э. Ричардсон, который был в то время министром юстиции, позже показал, что Белый дом был «возмущен» тем, что Кокс занялся расследованием дел друзей президента — Ребозо и Абпланалпа.

Давая показания в сенатской комиссии, Дин сообщил:

— После того как (в газете «Ньюсдей». — *Авт.*) была опубликована статья о мистере Ребозо, я получил указание доставить неприятности одному из авторов ¹³.

По степени близости к президенту с Ребозо мог конкурировать, пожалуй, только М. Чотинер. По словам обозревателя С. Олсона, двумя самыми близкими к Никсону людьми были его жена Пэт и Чотинер. Главный советник Никсона во время его первой избирательной кампании, Чотинер оставался одним из основных консультантов и во всех его последующих предвыборных баталиях. Он явился первым (и далеко не единственным) специалистом по «грязным трюкам», которого использовал Никсон. В 40-е годы для малоопытного Никсона Чотинер стал бывалым лоцманом, который умело помогал ему маневрировать в мутных водах большой политики. Его тактика была несложна, но эффективна: держаться на гребне антикоммунистической волны и топить противников, обвиняя их в «прокоммунистических симпатиях». Успешно опробованная на конгрессмене Вурхисе, эта тактика была использована затем с целью дискредитации Элен Дуглас — конкурентки Никсона на выборах в сенат в 1952 году. Ее окрестили «попутчицей коммунистов». Материалы против этой популярной деятельницы Чотинер черпал из досье ЦРУ. Чотинер играл важную роль во всех

других избирательных кампаниях Никсона, вплоть до последней, в 1972 году. Известен он был, однако, не только своей близостью к Никсону и своей ролью в его успешной карьере. Еще в 40-х годах он уже имел репутацию главного адвоката находившихся под следствием и судом гангстеров. Только в 1949—1952 годах вместе со своим братом он выступал защитником в 221 деле различных уголовников, связанных с организованной преступностью, главным образом букмекеров и организаторов азартных игр. Были среди его клиентов и участники «мокрых дел». Популярность Чотинера среди гангстеров определялась тем, что, как правило, он избавлял своих подзащитных от тюремного наказания. Как выяснилось, успеха он обычно добивался не столько своим красноречием в зале суда, сколько своими политическими связями, умением договориться в нужном месте с нужными людьми — к обоюдной выгоде и своих подзащитных, и сильных мира сего. Секрет его успеха был раскрыт в 1956 году, когда он защищал некоего Марко Реджинелли, который, по характеристике филадельфийской полиции, был главарем организованной преступности в районе города Филадельфия и юга штата Нью-Джерси. Реджинелли должны были депортировать, три его адвоката оказались бессильными ему помочь. Тогда он обратился к Чотинеру, который в то время был советником вице-президента Никсона. Тот переговорил с сотрудниками министерства юстиции, встретился с заместителем министра, личным другом Никсона У. Роджерсом, и добился отмены распоряжения о высылке Реджинелли за пределы США¹⁴.

Если политические контакты помогали Чотинеру-адвокату спасать своих клиентов-уголовников от наказания, то связи с миром организованной преступности помогали Чотинеру — советнику Никсона проводить его избирательные кампании.

В 1946 году Чотинер обратился к гангстеру Микки Коэну с просьбой оказать финансовую помощь Р. Никсону, который вел свою первую избирательную кампанию. Коэн был довольно известной личностью в Калифорнии и за ее пределами. Свою преступную карьеру он начинал в качестве подручного

Аль Капоне и пользовался доверием этого босса чикагской Мафии. Его самого называли «Аль Капоне в миниатюре». Он поддерживал связи с главарями организованной преступности Нью-Йорка, Кливленда, Сан-Франциско, Майами, Бостона¹⁵. Чотинер был хорошо известен среди заправил организованной преступности, с его мнением считались, учитывая его связи с политическими кругами. Коэн откликнулся на его просьбу и тайно внес в избирательный фонд Никсона несколько тысяч долларов. Впервые об этом стало известно из статьи обозревателя Дрю Пирсона, распространенной 1 мая 1959 года¹⁶. Чотинер стал в позу оскорбленной невинности. Он попытался отрицать сообщение и потребовал его опровержения. Но Коэн не поддержал его игру. Он подтвердил, что сделал тайный взнос Никсону, и заявил, что может сообщить подробности сделки. Чотинер счел более благоразумным отказаться от своего требования.

Несколько лет спустя в официальном заявлении заместителю генерального прокурора Калифорнии Микки Коэн сообщил подробности. Оказалось, что он не только сам сделал взнос, но по его настоянию пожертвования внесли и его компаньоны по игорному бизнесу, гангстеры рангом пониже. «В то время,— заявил Коэн,— я возглавлял почти весь игорный бизнес и букмекерство в Лос-Анджелесе. Я снял в отеле «Голливуд никербокер» зал для приемов и пригласил на обед примерно 250 человек, которые были заняты вместе со мной в игорном бизнесе. М. Чотинер предупредил меня, что необходимо собрать 25 тысяч. На встрече выступил Никсон, который говорил минут десять, и Чотинер, чья речь продолжалась полчаса. В ходе встречи члены моей группы обязались внести 17—19 тысяч — это было меньше суммы, установленной Никсоном и Чотинером. Нам сообщили, что мы должны оставаться до тех пор, пока не будет собрана намеченная сумма»¹⁷.

Колоритная сценка. Сборище мелких гангстеров, букмекеров, крупье. Держащий перед ними речь Никсон, который призывает это сборище подержать его как борца против коммунизма. И Чоти-

* RE: OPEN HOUR ⁵
EVENT #75

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

WTE WITH NELSON & PARR

CONFIDENTIAL

MEMORANDUM FOR:

THE PRESIDENT

SUBJECT:

Meeting with officers of the Associated
Milk Producers, Incorporated
September 9, 1970
12:25 p.m. (10 minutes)
Oval Office

001292

I. PURPOSE: Photo opportunity.

II. A. Background: This open hour meeting was scheduled so that a photograph could be taken for publicity purposes. The Milk Producers had very much hoped to have you at their convention last weekend in Chicago. Secretary Hardin represented you and I understand that you talked by phone with the Chief Executive, Mr. Harold Nelson.

* The Milk Producers have made very significant contributions to various key Senate races in which we are interested this Fall (approximately \$150,000 in total). They have also pledged \$2 million to the 1972 campaign.

B. Participants: Mr. Harold S. Nelson, General Manager, and David L. Parr, Special Assistant to the General Manager, Associated Milk Producers, Incorporated, and Charles Colson.

C. Press Plan: Ollie Atkins will take quick photographs.

III. TALKING POINTS:

4. It would be most helpful if you would tell Nelson and Parr that you are aware of their political support-- what they have already done this year to assist us and what they are committed to do in the future. If they

нер, выжимающий деньги из заправил игорных домов. Что это? Неразборчивость в средствах, присущая будущему президенту и его ближайшему окружению? Или общая норма поведения, политические нравы, торжество циничного принципа: деньги не пахнут? Видимо, и то и другое вместе.

Четверть века спустя М. Чотинер оказался доверенным лицом Никсона в переговорах с руководителем объединений производителей молочных продуктов об их взносах в избирательную кампанию. Сделка, заключенная между Белым домом и Ассоциацией производителей молочных продуктов, заняла важное место в «уотергейтском скандале».

Объединения производителей молочных продуктов добивались от правительства повышения уровня гарантированных государством цен на молоко и молочные продукты. В частном порядке они давали понять Белому дому, что готовы внести два миллиона долларов в фонд избирательной кампании по переизбранию президента Никсона. 23 марта 1971 года состоялась встреча президента с руководителями объединений производителей молочных продуктов. После чего Никсон сообщил своим помощникам, что намерен изменить решение министра сельского хозяйства, которым эти объединения были недовольны, и принять другое решение в соответствии с их пожеланиями (повышение уровня гарантированных цен означало, что государство увеличило бы субсидии фермерам для покрытия разницы между установленным уровнем цен и реальными рыночными ценами). На встрече в Белом доме, естественно, не велось прямых разговоров о взносах в избирательный фонд. Но уже несколько часов спустя Чотинер имел конфиденциальную беседу с главным управляющим Ассоциации производителей молочных продуктов Гарольдом Нелсоном. В последующие дни переговоры продолжались. Чотинер добивается от собеседни-

Докладная записка президенту Никсону с предложением получить от Ассоциации производителей молочных продуктов крупные взносы в предвыборный фонд в обмен на выгодное ей решение правительства о повышении цен на молоко.

Committee for the Re-election of the President

MEMORANDUM

September 8, 1972

Box 83
Memo's from Cui

MEMORANDUM FOR: MR. NICK BUNGATO
FROM: ROBERT C. ODLE, JR.

Once or twice a day you will get a call from Mr. Chotiner's office in the Reeves & Harrison law firm on the fifth floor of 1701, asking you to deliver envelopes directly to Mr. Haldeman's office on the first floor of the West Wing at the White House.

Please give these requests top priority since the envelopes are very important and time will always be a factor.

Thanks, Nick.

cc: Mr. Andrew Laurence

bcc: Mr. Jeb S. Magruder
Mr. Murray M. Chotiner

Указание сотрудникам Комитета по переизбранию президента обеспечить регулярную доставку корреспонденции от М. Чотинера в Белый дом. Чотинер, адвокат главарей организованной преступности, один из ближайших друзей и советников Р. Никсона.

ка твердого обязательства внести два миллиона. «Есть благоприятные перспективы для повышения гарантированных цен,— говорит друг президента,— это не просто мои догадки. Мне сообщили об этом на самом высоком уровне...»

Чотинер сделал паузу и многозначительно посмотрел на собеседника. Теперь надлежало дать понять, что решение хотя и возможно, но отнюдь не предрешено. Все будет зависеть от готовности производителей молочных продуктов раскошелиться. «Вместе с тем я хотел бы предупредить вас,— продолжал Чотинер,— чтобы вы не принимали в расчет повышение цен до того, как все будет окончательно решено. Ведь может так случиться, что решение и не будет принято»¹⁸.

Позже у Нелсона спросили:

— Считали ли вы, что если бы вы не подтвердили обещание (внести деньги в фонд избирательной кампании Никсона.— *Авт*), это имело бы отрицательные последствия? Была ли встреча проведена с вами для того, чтобы уведомить вас о возможном повышении цен и получить от вас обязательства о взносе?

— Да¹⁹.

Заслуживает быть приведенным и ответ консультанта Нелсона Дэвида Парра. Его спросили относительно взноса:

— Вы хотели поддержать тех людей, которые со своей стороны оказывают вам помощь?

— Да, это именно то, чему меня всегда учили²⁰.

Другими словами — рука руку моет.

Миссия Чотинера окончилась успешно. 25 марта Белый дом объявил о повышении гарантированных цен. А вскоре долларовые реки потекли в различные местные комитеты по переизбранию президента.

Есть в материалах «уотергейтского дела» любопытный документ — директивная записка (ее называли «меморандум», или сокращенно «мемо») одного из сотрудников Комитета по переизбранию президента другому. В ней говорится:

«Раз или дважды в день вам будут звонить из офиса м-ра Чотинера в юридической фирме «Ривс

энд Гаррисон», расположенной на пятом этаже дома 1701, и просить доставить конверт в офис м-ра Холдемана на первом этаже Западного крыла Белого дома. Прошу вас выполнять эти просьбы в первую очередь, поскольку пакеты чрезвычайно важны и их доставка не терпит отлагательств».

На документе дата — 8 сентября 1972 года. После успешно завершённой сделки с Ассоциацией производителей молочных продуктов Чотинер продолжал выполнять важные поручения Белого дома.

Самый экстравагантный, самый типичный

Пожалуй, ни об одном американце не создавали при жизни столько легенд, сколько об этом предприимчивом, эксцентричном выходеце из Техаса. Жизнь его описана в десятках биографий и сотнях статей. Первые десятилетия его жизни проходили на виду всей Америки. Получив полумиллионное наследство от отца — изобретателя буровой установки, молодой Хьюз устремился на завоевание Голливуда. Он обладал талантом находить способных исполнителей своих замыслов — будь то режиссеры или актеры, администраторы или конструкторы. Главную роль в успехах Хьюза сыграл его главный помощник, блестящий организатор Н. Дитрих, прослуживший у него свыше тридцати лет. Фильм «Два арабских рыцаря», поставленный на деньги Хьюза, получил премию Оскара, присуждаемую академией киноискусства. «Кино — это бизнес, — говорил Хьюз. — Если там пахнет искусством, то лишь по чистой случайности». В Голливуде Хьюз прославился не столько фильмами, сколько любовными связями с кинозвездами — Бет Дэвис, Кэтрин Хепбэрн, Джейн Рассел и многими другими.

Голливуд принес Хьюзу известность и... убытки. Основным источником доходов Хьюза сначала была «Хьюз тул компани», которая к 70-м годам стала крупнейшим в мире производителем буровых установок. Другая компания Хьюза — «Хьюз эйркрафт», производящая электронное оборудование, также процветала. Кроме того, Хьюз приобрел авиационную

компанию «Вестерн эйрлайнс» — будущую «Транс уорлд эйрлайнс».

В 30-е годы Хьюз увлекся авиацией. На самолете собственной конструкции он установил мировой рекорд скорости в 1935 году, три года спустя облетел земной шар за рекордное время. В 1947 году — после авиационной катастрофы — Хьюз, получивший многочисленные переломы и ожоги, отращивал усы, чтобы прикрыть травмы, стал вести все более уединенный образ жизни. Его последняя фотография была сделана в 50-е годы. С той поры он стал перебираться из одной тайной резиденции в другую. У входа круглосуточно дежурила стража.

В 1966 году Хьюз внезапно продал все свои акции «Транс уорлд эйрлайнс» за 546 549 771 доллар — это была крупнейшая в истории США сделка. Личный самолет тайно доставил Хьюза в Лас-Вегас — крупнейший в мире центр игорного бизнеса. Его фактическими хозяевами были организованные преступники Нью-Йорка, Кливленда, Чикаго, Калифорнии. Некоторые из обосновавшихся здесь гангстеров (Моу Далитц, заправлявший в отеле «Дезет-инн», и другие) находились под следствием. Поэтому мафия нуждалась здесь в прикрытии. Тем более что засилье гангстеров создало Лас-Вегасу дурную репутацию, доходы отелей и казино стали падать. Посредником при продаже отелей Хьюзу выступил упоминавшийся нами влиятельный босс организованной преступности Джон Роселли. За свои услуги он получил 235 тысяч долларов. Хьюз приобрел отели и казино: «Дезет-инн», «Сандс», «Кэстэуэйс», «Фронтьер», «Лэндмарк» и «Силвер Слиппер» — а также недвижимую собственность, телевизионную станцию. Он поспешил заплатить несколько миллионов долларов местным и национальным газетам и журналам — ему нужны были рекламные статьи, создающие новый имидж (образ) Лас-Вегаса, якобы «очищенного от мафии». «В действительности, — сообщает американский журнал «Роллинг стоун», — преступный синдикат отнюдь не убрался отсюда. Напротив, согласно нескольким источникам, синдикат вступил с организацией Хьюза в партнерство, образовав своего рода симбиоз. Синдикат обеспечивал казино крупье,

а Хьюз придавал игорному бизнесу респектабельность»¹. А вот и еще одно свидетельство. «В империи Хьюза,— писал журнал «Тайм»,— уютно устроились люди, связанные с гангстерами. Один из них — Джон Роселли... который теперь арендует магазин сувениров в отеле Хьюза «Фронтьер», хвастался, что он получил большую мзду, когда «Дезет-инн» был продан Хьюзу, а недавно нагрел руки на взятках, которые выплачивают управляющие игорных домов Хьюзу»².

В Лас-Вегасе Хьюз разместился на последнем, девятом этаже отеля «Дюнс», восьмой этаж заняли обслуживающие его мормоны. В апартаментах Хьюза круглый год поддерживалась постоянная температура, специальная система фильтров очищала воздух от микробов, а ряд приспособлений исключал возможность подслушивания.

С того времени его никто из посторонних не видел. До того часа, как на рассвете 5 апреля 1976 года доктор Виктор Монтемайор переступил порог личных апартаментов Хьюза на последнем этаже гостиницы «Принсесс» в мексиканском портовом городе Акапулько. Перед ним был едва дышавший живой скелет. Хьюза немедленно доставили на реактивный самолет, взявший курс на Хьюстон (Техас), где он родился семьдесят лет назад. Даже последние часы жизни магната были окутаны завесой секретности. Члены экипажа не знали, кто оказался на борту самолета. В официальном заказе говорилось: «Имя — Конновер. Сердечный приступ. Срочно доставить в Методистский госпиталь Хьюстона». «На носилках принесли немощного старика,— рассказывал впоследствии пилот.— Лицо обрамляла жиденькая борода. И вид был как у мертвеца». Здесь же, в самолете, Хьюз скончался.

Таков был финал. Несколько дней спустя его похоронили в безымянной могиле. Без оркестра и надгробных речей. «Всякий человек имеет свою цену»,— любил говорить Хьюз. Теперь, лежа в гробу, он не стоил и цента. У него не было друзей — только враги и те, кого он покупал или подкупал. Никто из них — ни министры и сенаторы, ни его помощники — не пришел проводить его в последний путь.

Американские авторы обычно подчеркивают необычность Хьюза. Но так ли уж был неповторим этот оригинал, не проявлялись ли в его эксцентричности типичные черты, присущие обществу, в котором он жил, его морали и нравам? «Я не люблю людей, — признался он однажды, — меня больше интересуют земля и минералы». Но еще больше он любил богатство — источник власти — высший критерий человеческих достоинств в обществе, основанном на чистогане. «Он был человеком с огромным состоянием, который мог бы на свои деньги сделать много хорошего, — писал Н. Дитрих. — Но он не сделал ровно ничего. Он никогда не давал денег без корысти и даже не одалживал их близким друзьям. Он тратил деньги только ради определенных целей — ублажать своих девиц, добиваться выгод в бизнесе или снискать расположение политиков»³. Но разве в этом оригинал Хьюз оригинален?

Хьюз был, несомненно, смелым человеком. И вместе с тем с молодых лет его никогда не покидал страх или опасение перед возможностью оказаться ограбленным или даже убитым. Он инспирировал газетные сообщения о том, что никогда не имеет при себе ни цента. Когда ему приходилось звонить по телефону-автомату, он одалживал монету у знакомых. «У нас в стране, — говорил он, — немало людей, готовых прикончить человека ради пятисот долларов». Но пытались — и пытаются — уберечь себя от вездесущих грабителей не один Хьюз, а миллионы американцев. В обществе с самым высоким уровнем преступности в мире страх перед ограблением давно стал составным элементом массовой психологии.

Американская печать постоянно расписывала «страшную одержимость Хьюза секретностью». Но это не была шизофреническая, ни на чем не основанная навязчивая идея. Он знал лучше других мир, в котором жил. Он сам вел тайную слежку за своими противниками, использовал все средства — от засылки осведомителей до установки электронного подслушивающего оборудования для получения нужной информации. И он, естественно, понимал, что такая же тайная война ведется и против него. Таковы нравы в джунглях бизнеса и политики. Еще

в 40-х годах Хьюз обнаружил, что его телефоны в Вашингтонской гостинице прослушивались. Он стал предпринимать меры предосторожности. И, чем богаче он становился, тем к более изощренным мерам прибегал: Хьюз мог себе позволить то, что было доступно немногим. Так, он купил себе двадцать машин «шевроле». Никому не было заранее известно, в какой из них он решит выехать. Не зная чувства привязанности, готовый обмануть или предать любого ради собственной выгоды, Хьюз и сам не доверял никому. За исключением десятка мормонов, избранных им потому, что они не пили спиртного, не курили, не увлекались женщинами. «Им можно доверять», — признавался Хьюз. Они составили его так называемую «дворцовую гвардию»: служили ему одновременно и телохранителями, и поварами, и советниками, и посредниками для связи с внешним миром. А один из них — Фрэнк Гей возглавил «Хьюз тул компани» и стал вторым по влиянию человеком в империи Хьюза. Но и доверенным мормонам Хьюз не доверял до конца и во всем. В свои личные апартаменты он не допускал никого, даже горничных. Простыни ему оставляли у дверей спальни, и он сам стелил постель и менял белье. Никто не имел права открыть его личный холодильник. Отсюда, из спальни, он имел обыкновение по ночам давать указания по телефону своим подчиненным. Часто распоряжения к ним поступали в письменном виде. Даже Роберт Мэхью, управлявший всеми владениями Хьюза в Лас-Вегасе, ни разу лично не встретился с хозяином.

Возможно, такое затворничество частично объяснялось нежеланием Хьюза демонстрировать свою физическую немощь. Он мог покупать министров и голливудских красавиц, дворцы и заводы. Но даже миллиард долларов был бессилен вернуть ему здоровье, утраченное после авиационной катастрофы. Атлетически сложенный красавец, он превратился в инвалида, стал глохнуть (отсюда разговоры по телефону, который позволял усиливать слышимость), терять в весе. В последние годы жизни он весил всего сорок килограммов. Но, видимо, не только нездоровье и большое самолюбие заставляли его хоронить-

ся от людей. Насилие захлестнуло Америку, стало столь же типично американским, как яблочный пирог. Никто не мог чувствовать себя в безопасности — пули наемных убийц достигли даже президента. Хьюз имел достаточно оснований трястись за свою жизнь: разве мало было людей, желавших свести с ним счеты, — разоренных конкурентов, обманутых мужей, отвергнутых партнеров? Опасность еще более возросла, когда Хьюз вторгся в непосредственную «сферу влияния» Мафии — Лас-Вегас. «По-видимому, — писал журнал «Ньюсуик», — Хьюз пришел к убеждению, что не только микробы, но и другие невидимые враги окружают его, чтобы вредить ему или шпионить за ним». А газета «Фигаро», поставив вопрос: «Что заставило его принять решение навсегда укрыться от посторонних глаз?» — высказывает предположение: «Панический страх покушений? Возможно... Гнет, который он испытывал, являясь хранителем строжайших военных секретов? Наиболее правдоподобное объяснение кроется в его отвращении к людям, которых он подразделял на «грязных» и «очень грязных».

Так обстоит дело с некоторыми причудами Хьюза. Как бы экстравагантно они ни выглядели, они органично вписываются в американский образ жизни. О них можно сказать словами Полония из шекспировского «Гамлета»: «Если это и безумие, то в своем роде последовательное». Самый необычный из американских миллионеров был вместе с тем и самым типичным. Он воплощал характерные черты предпринимателей — индивидуальных собственников, «одиноких волков», как их называли, которые сумели выжить в эпоху господства акционерных компаний. Напористый, предприимчивый делец, безгранично верящий во всемогущество доллара, человек с железной хваткой, неразборчивый в средствах и не знающий пощады к противникам, Хьюз был плоть от плоти своего класса. Вся жизнь этого миллиардера-невидимки, по словам французской газеты «Фигаро», «была связана с разного рода темными делами, с крупнейшими скандалами и сенсациями нашего века». А известный американский писатель Гор Видал высказался более откровенно: жизнь

Хьюза он назвал «стопроцентным американским дерьмом».

Деятельность Хьюза тесно переплелась с Центральным разведывательным управлением. Еще в 1949 году, то есть два года спустя после создания ЦРУ, Хьюз установил связи с этим шпионским ведомством и сохранил их до своей смерти⁴. Они были как бы созданы друг для друга. Хьюз явился для шпионского ведомства идеальным партнером. Он являлся полновластным владельцем многих компаний и предприятий — ему заказы ЦРУ не надо было обсуждать на правлении, как это делается в акционерных компаниях. Решал лично он, и это служило надежной гарантией секретности. К тому же сам Хьюз питал особое пристрастие к конспирации. К этому его приучили постоянные интриги и темные сделки, закулисные сговоры и тайные комбинации.

В одной из своих директивных записок подчиненному он писал, что не желает допустить даже «самой микроскопической возможности того, чтобы случайно кому-либо стала известна хоть какая-то информация» о данном деле. В другой записке он строго предупреждает, что «его осведомители рискуют собственной жизнью, если раскроется переданная ими мне информация»⁵.

С каждым годом сотрудничество Хьюза и ЦРУ становилось все более разнообразным и широким. Оно было взаимовыгодным. Под предлогом обеспечения «национальной безопасности» Хьюз окружил границы своей обширной империи высокой стеной секретности. Это помогало ему избавляться от нежелательного контроля со стороны финансовых и иных органов. Кроме того, работа на ЦРУ приносила баснословные прибыли. Компания «Хьюз эйркрафт» строила спутники-шпионы и выполняла многие другие заказы ЦРУ. В середине 70-х годов Хьюз выполнял 32 контракта для ЦРУ, являясь его крупнейшим поставщиком. За десять лет только компания «Хьюз эйркрафт» получила от этого ведомства контрактов на сумму 6 миллиардов долларов⁶.

Организация Хьюза и разведывательное ведомство укрепляли и личную унию. Хьюз «нанял ряд бывших ответственных сотрудников ЦРУ и военных»⁷.

Эту практику он начал еще в 50-е годы. Выходцы из ЦРУ и Пентагона заняли высокие посты в его компаниях.

Со своей стороны ЦРУ получало от Хьюза не только современное оборудование для ведения шпионажа, в том числе и космической разведки, но и использовало его в качестве «крыши». Такой «крышей» служил так называемый «Хьюз медикал институт», созданный в 1953 году в Майами. Официальной его целью были исследования в области медицины «для блага человечества». На деле же эти работы велись только для отвода глаз — главной его задачей было обслуживать нужды ЦРУ. Так, институт взял в аренду необитаемый остров Кейсал и предоставил его ЦРУ, которое расположило там свой учебно-тренировочный центр. Другой «крышей» ЦРУ являлась «Маллен энд К^о», президент которой Боб Беннет в 1970 году стал вашигтонским представителем организации Хьюза.

В течение долгого времени посредником между Хьюзом и ЦРУ являлся Роберт Мэхью. В 60-е годы, будучи главным визирем в империи Хьюза, он осуществил перебазирование Хьюза в Лас-Вегас, возглавлял все его операции в штате Невада, имел тесные связи с боссами организованной преступности. С другой стороны, Мэхью был свой человек и в Центральном разведывательном управлении, с 1954 года получал от него постоянное содержание. Ему доверили выполнение ряда деликатных заданий: он устанавливал подслушивающие устройства в личных апартаментах греческого миллиардера-судовладельца А. Онассиса, поставлял девиц легкого поведения королю Иордании Хусейну и ряду других иностранных лидеров. Не случайно ЦРУ выбрало именно его в качестве посредника с Мáfией для организации покушений на Ф. Кастро (подробнее об этом в разделе «Зловещий альянс: ЦРУ — мафия»).

Хьюз считал, что в Америке каждого можно купить, если заплатить по прейскуранту. «Вы бы удивились,— вспоминает Н. Дитрих,— если б узнали, сколько сенаторов, губернаторов и генералов пользовались его щедротами»⁸. Еще в начале своей деловой карьеры, в 1942 году, Хьюз включил в свой

штат специального антрепренера по установлению контактов — некоего Джонни Мейера. Положил ему оклад в 200 долларов в неделю, дал сотни тысяч на представительство и наказал — добиться получения выгодных правительственных контрактов на строительство военных самолетов. Бывший работник «фабрики грез» — Голливуда, Мейер обладал искусством угадывать и средствами удовлетворять не отличавшиеся оригинальностью запросы желавших отвлечься от прозы жизни политиков и генералов: роскошные апартаменты в отелях, икра, шампанское и красотики по таксе 50—100 долларов за ночь. Все бесплатно. Платили гости позже, в Вашингтоне. Один из них — полковник Эллиот Рузвельт (сын президента) добился одобрения выгодного правительственного заказа на 70 разведывательных самолетов «F-11», хотя их конструкция была явно неудовлетворительной. Попытки усовершенствовать самолет ни к чему не привели. За дело взялся сам хозяин. Но при испытательном полете отказал мотор, самолет потерял управление и врезался в дом. Полуживого Хьюза извлекли из груды обломков.

Тем не менее ему удается заполучить в Вашингтоне ассигнования на строительство гигантского по тем временам восьмимоторного бомбардировщика, получившего прозвище «гусь лапчатый». Гусь оказался домашним: ему только раз удалось подняться в воздух и пролететь около мили. Сенатор Оуэн Брюстер, примерявшийся к креслу вице-президента, решил создать себе рекламу, проведя расследование. Он потребовал ответа на вопрос, почему Хьюз потратил 18 миллионов из государственной казны на самолет, который не летает. В ходе расследования всплыла «увеселительная деятельность» Мейера. Стали проверять статью за статьей его счетов, оплачивавшихся компанией Хьюза. Вот отрывок из заседания сенатской комиссии. Вопросы Мейеру задает сенатор Фергюсон:

— Сообщите о следующей статье расходов.

— Они касаются субботней ночи. В записи говорится: «Несколько девушек в отеле поздно ночью».

— Сколько вы им платили?

— 50 долларов.

— Как вы рассматриваете эти 50 долларов?

— Я считаю их чем-то вроде подарка.

— Какое имеет все это отношение к производству самолетов?

— Это были расходы компании «Хьюз эйркрафт». Я относил их за ее счет.

— Вы оплачивали также вечеринку, устроенную для полковника Рузвельта?

— Да.

Далее сенатор спрашивает относительно голливудской актрисы Файи Эмерсон, с которой Мейер познакомил Э. Рузвельта.

— В тот вечер я подарил мисс Эмерсон нейлоновое белье — оно стоило 130 долларов.

— Какие еще были расходы?

— Я дал ей наличными 20 долларов — на обратную дорогу.

— Можете ли вы объяснить мне, почему вы отнесли за счет «Хьюз эйркрафт компании» 130 долларов, израсходованных на нейлоновое белье для мисс Эмерсон, и 20 долларов на оплату ее дороги домой?

— Потому что она была весьма очаровательна.

— Весьма очаровательна?

— Девушки очень привлекательны.

— Какое это имело отношение к производству самолетов?

— А без них дело не обходится. Так поступают все компании. И мы не отличались от других⁹.

Затем наступил черед Хьюза давать показания. Он явился в конгресс в мятом костюме, с коробкой, в которой рабочие обычно носят обед, — предстал рядовым тружеником. Но Хьюз пришел не оправдываться, а нападать. Он придерживался такой тактики: противника надо дискредитировать, раздавить и уничтожить. И для этих целей хороши и допустимы все средства. С самого начала он представил себя жертвой. Сенатор Брюстер, заявил Хьюз, в частной беседе в отеле предложил ему сделку: если он согласится на слияние своей авиакомпании «Транс-Америкэн эйрланс» с «Пан-Америкэн», сенат прекратит расследование.

Хьюзу удалось уличить сенатора в том, что тот проводил свой отпуск в особняке вице-президента «Пан-Америкэн» во Флориде.

Что касается обвинений в проведении «увеселительных мероприятий» для официальных лиц, Хьюз не стал их отрицать.

— Все авиастроительные компании, — заявил он, — делают то же самое. Я убежден в том, что Мейер взял за образец то, что он увидел в других компаниях. Было бы несправедливо, если б мои конкуренты занимались развлекательной деятельностью, а я бы бездействовал и не оказывал должного внимания правительству и его официальным лицам.

Обращаясь к оторопевшим сенаторам, Хьюз заявил:

— Если вы сможете принять закон, запрещающий развлекать офицеров, и добьетесь его соблюдения, я буду рад его выполнять. Если вы заставите других вести дела таким образом, я буду рад поступать так же.

Хьюз знал, что это нереально. Но цель была достигнута — слушание дела вскоре прекратили. Пять лет мстительный Хьюз ждал случая свести счеты с Брюстером. Когда пришел срок его переизбрания в сенат, Хьюз приказал Дитриху дать сопернику Брюстера «все, в чем тот нуждался. И черт с ним, сколько бы это ни стоило». Специально нанятое пропагандистское агентство развернуло яростную кампанию против сенатора. Все это способствовало его поражению. Хьюз торжествовал. Преподанный им урок должен был побудить других быть с ним более осторожными.

Среди всех политических контактов Хьюза, пожалуй, самые серьезные последствия имели его отношения с Ричардом Никсоном. По словам Н. Дитриха, без Говарда Хьюза не было бы и «уотергейта». А некоторые обозреватели даже считают, что без него, возможно, не было бы и Никсона-президента.

Связь этих двух людей, каждый из которых достиг вершины в своей сфере деятельности (один — в бизнесе, став одним из самых богатых людей Америки, другой — в политике, являясь восемь лет вице-президентом и пять с половиной лет главой

государства), продолжалась три десятилетия. У них было немало общего — незаурядная энергия и предприимчивость, подозрительность, нетерпимость, мстительность, неразборчивость в средствах, бонапартистские замашки и непомерно развитое тщеславие. Оба придерживались консервативных взглядов. Но главное, что питало союз этих людей, — взаимная заинтересованность и выгода.

По мнению некоторых исследователей, истоки их союза восходят еще к 1946 году. Над Хьюзом тогда нависла угроза расследования в конгрессе его невыполненных контрактов на строительство самолетов. Он остро нуждался в политических союзниках. В это время Хьюз узнает, что местные воротилы решили выставить против либерально настроенного конгрессмена Джерри Вурхиса, тесно связанного с профсоюзами, тридцатитрехлетнего Ричарда Никсона, еще ходившего в форме морского офицера. Его кандидатуру предложил глава отделения «Бэнк оф Америка» в городе Уиттиере (Калифорния), знавший лично отца Р. Никсона. Он заверил своих коллег, что молодой офицер по всем своим данным является подходящим человеком. В то время Никсон работал в городе Балтимор в ведомстве, занимавшемся размещением правительственных заказов. Организация его избирательной кампании проводилась отработанными приемами. Чтобы «продать» кандидата избирателям, надо было скрыть то, что он являлся ставленником «жирных котов». Будущего конгрессмена представляли как рядового американца, героя войны, решившего попытать свое счастье в политике, чтобы спасти Америку от «красных». Был разработан несложный сценарий. В местной печати появилось обращение «Комитета ста граждан» с призывом к желающим предложить свою кандидатуру на место в конгресс (какая демократия!). Никсон «откликнулся». На самом же деле ему позвонил адвокат Хьюза, в сопровождении которого он и прилетел на встречу со своими «покровителями», а затем посетил Говарда Хьюза в доме «шефа» в Беверли-Хилс.

Главным организатором избирательной кампании Никсона стал лос-анджелесский адвокат Чоти-

нер, нанятый «Комитетом ста граждан». Его тактика заключалась в том, чтобы любыми средствами с самого начала очернить противника: «Если вы не дискредитируете противостоящего вам кандидата еще до того, как ваш кандидат начнет кампанию, вероятнее всего, что вы обречены на поражение»¹⁰. В соответствии с этой установкой Чотинер всячески стремился представить противника Никсона, конгрессмена Джерри Вурхиса, в качестве «подрывного элемента», ставленника Комитета политических действий (КПД) профсоюзного центра КПП. В одной из листовок говорилось: «Голосовать за Никсона — значит голосовать против КПД, его коммунистических принципов и огромных средств, идущих на взятки»¹¹. Сам Никсон декларировал: «Если люди желают, чтобы Вашингтон господствовал над ними и осуществлял бюрократическое регулирование всех сторон человеческой деятельности, тогда они должны отдать свой голос за моего оппонента... В следующую среду люди будут голосовать либо за меня, как поборника свободного предпринимательства, личной инициативы, здоровой прогрессивной программы, либо за моего противника, который придерживается идеологии администрации Нового курса»¹².

Таковы были приемы и риторика молодого Никсона, который, как утверждалось в одной из предвыборных листовок, является «ничем не запятнанным, откровенным молодым американцем». Этот «откровенный», «ничем не запятнанный» кандидат в конгрессмены начал свою политическую карьеру тайной сделкой с Хьюзом и другими промышленниками и банкирами Калифорнии. Противник государственного вмешательства в экономику, позже он будет содействовать заключению с Хьюзом многомиллиардных подрядов. Но в чем они — и Хьюз, и Никсон — были действительно откровенны, так это в своих антикоммунистических взглядах. Хотя и антикоммунизм они также использовали для достижения своих практических целей. Никсон — чтобы попасть в конгресс, Хьюз — чтобы укрепиться в Голливуде. Хьюз добивался включения в черный список прогрессивных режиссеров

и сценаристов, запрещения демонстрации фильма Чаплина «Огни рампы», приложил руку к организации травли этого великого режиссера и актера. «Даже один коммунист в Голливуде — это уже слишком много», — заявил Хьюз членам махровой реакционной организации «Американский легион». Текст его речи был включен в официальный вестник конгресса «Конгрешнл рекорд» вместе с дифирамбами Никсона по адресу «великого патриота» Хьюза. Никсон не скупился на похвалы своему щедрому покровителю за то, что тот «показал всем, как надо искоренять подрывную деятельность и укреплять принципы свободного предпринимательства».

Мало кому удавалось в Вашингтоне так успешно и стремительно делать карьеру, как Никсону. За шесть лет он прошел путь от конгрессмена, затем сенатора до вице-президента страны. И, чем выше поднимался он по иерархической лестнице, тем активнее его обхаживал Хьюз.

В 1956 году Хьюз оказал Никсону очередную важную услугу. В то время видный деятель республиканской партии Г. Стассен развернул кампанию за выдвижение его кандидатом в вице-президенты на предстоявших выборах. Для борьбы с ним Хьюз тайно передал Никсону 100 тысяч долларов. Этим, однако, дело не ограничивается. Позже Р. Мэхью сообщит: «Чтобы помочь Никсону, мы проникли в штаб-квартиру Стассена. Все расходы оплатил Хьюз. Сведения, которые удалось там заполучить, позволили нам разработать систему контрмер против «плана игры» противника. Повсюду мы использовали бывших сотрудников ФБР».

Вторжение со взломом в квартиру Стассена — это не что иное, как «уотергейт» издания 1956 года.

Вскоре после выборов в кабинете управляющего промышленной империей Хьюза Н. Дитриха раздался телефонный звонок. На другом конце провода был один из юристов, находившихся на службе у магната.

— Я разговаривал с Ричардом Никсоном. У его брата Дональда финансовые трудности в связи с его

рестораном в городе Уиттиере. Вице-президент хотел бы, чтобы мы помогли его брату.

— Как мы можем ему помочь? — осведомился Дитрих.

— Предоставить заем.

— На какую сумму?

— На 205 тысяч долларов.

— Боже, я никогда еще не переводил такой суммы на политические цели. Я не могу этого сделать по своему усмотрению. Вам лучше поговорить с Говардом.

«Я повесил трубку, — вспоминает Дитрих, — на душе у меня было тревожно. На этот раз у меня было ощущение, что он заходит слишком далеко. Одно дело — поддерживать избирательные кампании членов муниципалитетов или даже сенаторов. Но совсем другое дело — делать личные займы родственникам вице-президента. Ричард Никсон был переизбран всего несколько недель назад, когда Эйзенхауэр победил подавляющим большинством на выборах 1956 года. Вся эта затея плохо пахла»¹³.

Но Хьюз был иного мнения. Во всяком случае, он позвонил Дитриху и распорядился:

— Я хочу, чтобы Никсоны получили деньги.

— Вы знаете, о какой сумме идет речь?

Но размеры займа не беспокоили Хьюза.

— Все в порядке. Передайте деньги им.

Дитрих, однако, продолжал опасаться, что заем может оказаться бомбой замедленного действия. На свой страх и риск он отправляется в Вашингтон к вице-президенту. Р. Никсон принял его без промедления.

— Хьюз санкционировал выдачу займа Дональду, и он может его получить, — сказал Дитрих. — Я понимаю, что это заем не вам, а вашему брату. Но я чувствую себя обязанным высказать то, о чем думаю. Если информация о займе станет известной общественности, это будет концом вашей политической карьеры.

Ричард Никсон отверг советы. Ему были ближе образ мышления Хьюза, его неразборчивость в средствах и отношение к закону как писанному для других.

Брат Никсона получил займы 205 тысяч долларов. Однако ни субсидии, ни претенциозное название ресторана «Никсонбургер», по аналогии с популярным мясным блюдом «хамбургер», не помогли малопредприимчивому Дональду Никсону избежать новых финансовых трудностей. Ресторан пришлось закрыть.

Что касается займа, то от сделки действительно плохо пахло. Заем был предоставлен филиалом «Хьюз тул компани», которая не занималась такого рода кредитными операциями. Заем был выдан без соответствующего обеспечения со стороны получателя, вся собственность которого оценивалась в 93 тысячи долларов. Заем предоставлялся компанией, выполнявшей военные правительственные контракты. Таковы явные минусы. Но в глазах Хьюза плюсов было больше. Р. Никсон был восходящей звездой на вашингтонском небосклоне. Сердечный приступ, перенесенный Эйзенхауэром, делал вероятной возможность того, что вице-президент в любой момент мог стать президентом.

Связи с Никсоном не раз служили для Хьюза хорошим подтверждением того, что самые высокие дивиденды приносят в Америке «вклады» в политических деятелей. Месяц спустя после его займа Дональду Никсону Бюро внутренних доходов предоставило «Хьюз медикал институт» статус необлагаемого налогом учреждения. До этого бюро дважды отказывалось освободить это псевдоисследовательское учреждение от налогов на том основании, что оно было создано «для сокрытия доходов, подлежащих налогообложению». Теперь бюро перечеркнуло собственные решения. В итоге государственная казна за последующие два десятилетия недополучила, по некоторым подсчетам, 800 миллионов долларов. Они осели в сейфах Хьюза.

Бомба все-таки взорвалась в канун президентских выборов 1960 года, на которых Никсону противостоял Джон Кеннеди. Обозреватель Дрю Пирсон опубликовал статью о займе Хьюза брату вице-президента. Сенсационное сообщение обошло всю страну. Оно обернулось для Никсона потерей многих голосов.

В 1962 году, когда Р. Никсон добивался избрания на пост губернатора Калифорнии, его соперник опять поднял вопрос о займе. Никсону пришлось публично оправдываться. Друг Никсона Бебе Ребо-зо позже признавался: «Я был убежден в том, что заем Хьюза Дональду Никсону стоит его брату проигрыша на выборах 1960 года и не помог ему на выборах 1962 года».

В 1968 году Никсон вновь вступает в борьбу за Белый дом. На этот раз у него явные шансы добиться успеха: широкая поддержка в рядах республиканской партии и перспектива быть выдвинутым ее кандидатом на пост президента и в этом случае добиться победы. В стане его противников — демократов — царил разброд и раскол. «Грязная война» во Вьетнаме снизила популярность президента Джонсона до самой низкой отметки. Оценив обстановку, Хьюз 14 марта 1968 года посылает Мэхью записку: «Я хочу, чтобы вы направились к Никсону в качестве моего специального доверенного представителя. Я чувствую, что в этом году у республиканцев действительно имеется реальная возможность победить». Миллиардер требует от своего помощника, чтобы «наша (то есть Хьюза. — Авт.) поддержка и надзор осуществлялись на каждом дюйме их продвижения к победе».

Это характерный подход для Хьюза. Он не был ни республиканцем, ни демократом. Единственная партия, к которой он стремился принадлежать всю жизнь, — это партия победителей. В 1944 году, по мнению специалистов, на президентских выборах предпочтительные шансы были у демократов. Хьюз вместе со своим адвокатом Нилом Маккарти отправляется на встречу с Гарри Трумэном, выдвинутым демократической партией своим кандидатом на пост вице-президента. Трумэн принял их в отеле «Балтимор» в Лос-Анджелесе. Адвокат, оставшись с глазу на глаз с будущим вице-президентом, пожелал ему удачи и вручил конверт с 12 500 долларами. Во время разговора в комнату вошел Хьюз и без обиняков заявил: «Мистер Трумэн, я хочу, чтобы вы знали: мистер Маккарти вам передал сейчас мои деньги». Трумэн рассмеялся, стремясь

превратить в шутку не очень дипломатическую выходку миллионера.

На следующих президентских выборах большинство обозревателей предсказывали победу не Трумэну, а республиканцу Дьюи. Хьюз позвонил Дитриху:

— Нам, пожалуй, следует внести некоторую сумму в фонд Дьюи.

Прогноз специалистов оказался неверным. Неожиданно для многих победил Трумэн. Это лишний раз показало Хьюзу необходимость иногда делать две ставки — на кандидатов обеих партий. Так поступали и поступают более предусмотрительные «жирные коты». В 1968 году Хьюз поддержал не только Никсона, но и (на всякий случай) внес 50 тысяч в избирательный фонд его соперника — сенатора-демократа Г. Хэмфри. В других случаях он поддерживал то демократов, то республиканцев. В Калифорнии, например, он поддерживал губернатора-демократа П. Брауна, а затем оказывал финансовую поддержку губернатору-республиканцу Р. Рейгану. В 1969 году он оказывал помощь 82 политическим деятелям штата Невада, внес в их избирательные фонды 385 тысяч долларов наличными. Наибольший куш — 25 тысяч долларов — достался демократу Майку О'Кэллагану, добившемуся поста губернатора штата¹⁴. Расчет оказался верным. О'Кэллаган добился победы. А назавтра же после выборов личный самолет Хьюза уже мчал нового губернатора и его жену в Гонолулу, где его ждал оплаченный Хьюзом роскошный номер в отеле. Там в это же время развлекался на деньги Хьюза брат президента Дональд Никсон.

Главную ставку в 1968 году Хьюз сделал на победу Никсона. Летом между Ребозо, с одной стороны, Р. Даннером и Р. Мэхью, с другой, начались переговоры относительно пожертвований Хьюза в фонд избирательной кампании Никсона. Мэхью получил 100 тысяч наличными от хьюзовских казино «Силвер Слиппер» и «Сандс», вручил их Даннеру. Но тот передал их Ребозо в 1969 и 1970 годах по 50 тысяч. Точную дату передачи установить не удалось. Возможно, что Хьюз сделал до и после того

другие тайные взносы, о которых не стало известно органам, расследовавшим «уотергейтское дело». Помимо тайных взносов Хьюз делал и официальные пожертвования. В декабре 1968 года Мэхью получил от президента Никсона письмо, в котором новый президент благодарил «всех тех, кто внесли щедрый вклад в наше дело»¹⁵.

Что ждал Хьюз от Белого дома? Прежде всего продолжения войны во Вьетнаме, сулившей получение новых контрактов для компании «Хьюз эйркрафт» на вертолеты и другие поставки для Пентагона. В одной из своих записок вскоре после прихода к власти администрации Никсона Хьюз написал Мэхью «отправиться к нашим друзьям в Вашингтоне и выяснить, что надо сделать для продолжения войны во Вьетнаме»¹⁶.

Используя свои вашингтонские связи, Хьюз занял в 1974 году восьмое место среди крупнейших поставщиков Пентагона. Общая сумма выполняемых им заказов достигла 825 миллионов долларов. А всего за десять лет только по линии военного ведомства он официально получил подряды на 6 миллиардов долларов.

Хьюз также ждал от Белого дома прекращения ядерных испытаний, которые комиссия по атомной энергии проводила в пустыне вблизи Лас-Вегаса. От мощных подземных взрывов раскачивались люстры в отелях и казино. Хьюз опасался, что продолжение испытаний может уменьшить приток туристов в Лас-Вегас. Он направил Мэхью на тexasское ранчо Линдона Джонсона. В записке говорилось, что он должен предложить президенту миллион долларов за прекращение взрывов. Но у Мэхью не хватило смелости обратиться с таким предложением к Джонсону. После прихода в Белый дом Никсона Хьюз потребовал от Мэхью добиться наконец прекращения испытаний. «Говори с ними (с членами комиссии по атомной энергии.— Авт.) так, как будто покупаешь гостиницу» — говорилось в одной из записок-директив Хьюза. «Помни, Боб,— напоминал ему шеф,— что я, Говард Хьюз, могу купить любого, а нет — так я его уничтожу». Никсон предложил Хьюзу встретиться с ним лично или объясниться по телефону.

Он даже выразил готовность направить в Лас-Вегас Генри Киссинджера, как будто бы Хьюз был главой иностранного государства¹⁷. Но Хьюз отверг все эти предложения. Он не желал выслушивать объяснений Белого дома, почему продолжаются взрывы. Хьюз хотел их прекращения. И он добился своего. Ядерные испытания были перенесены из штата Невада на остров Амчитка (Алеутские острова). Налогоплательщикам это обошлось в 100 миллионов долларов. Сколько и кому заплатил Хьюз — неизвестно.

Хьюз ожидал от президента помощи и в осуществлении планов расширения своих владений в Лас-Вегасе. Он жаждал стать единоличным хозяином всего этого центра азартных игр. К своим пяти комплексам отелей-казино он намеревался для начала прибавить еще несколько. Переговоры об их покупке уже были в разгаре, когда антитрестовский отдел министерства юстиции летом 1968 года выступил с категорическим возражением. Однако люди Хьюза были уверены, что им удастся сломить сопротивление министерства, пустив в ход рычаги своих политических связей. В докладной записке Мэхью писал своему боссу 28 июня 1968 года: «Можно поставить под заклад свою жизнь, что антитрестовский отдел еще пожалеет о своих действиях. Вчера сотрудники отдела получили непосредственные свидетельства того, как много у нас в Вашингтоне друзей, которые действительно верят нам. Сегодня к ним уже обратились со множеством запросов, в том числе сопредседатель юридического комитета сената. И это только начало. Утром мне звонили сенаторы Кэннон и Байбл и рассказали, что их коллеги-сенаторы заверили их в своей полной поддержке и готовности оказать помощь». Однако министр юстиции демократ Р. Кларк не изменил позиции. Хьюзу пришлось временно отступить. Но после победы республиканцев на президентских выборах 1968 года его люди вновь усилили нажим в Вашингтоне, оказавшийся на этот раз более успешным. За три дня до инаугурации (церемония официального вступления в должность президента США.— Авт.) Никсона в 1969 году, писала позже газета «Филадельфия инкуайер», мини-

стерство юстиции, радикально изменив свою позицию, согласилось не возражать против покупки Говардом Хьюзом отеля и казино «Лэндмарк» в Лас-Вегасе.

Всего за 28 дней до этого министерство юстиции намеревалось передать дело в суд в случае, если Хьюз попытается приобрести «Лэндмарк». Министерство исходило из того, что подобная сделка явится нарушением антитрестовских законов.

Заглотив очередную золотую рыбку, Хьюз стал зариться на следующую жертву — комплекс «Дюнс». Но антитрестовский отдел министерства юстиции отказался удовлетворить новый приступ неумного аппетита некоронованного короля Лас-Вегаса. Тогда Хьюз направляет Даннера к новому министру юстиции Джону Митчеллу, с которым он находился в хороших отношениях.

— Мы не будем больше иметь дело с кем-либо в министерстве, кроме босса, — указывает Хьюз своим помощникам. В свою очередь, напутствуя Даннера, Мэхью напомнил ему:

— Хьюз уполномочил нас взять на себя определенные финансовые обязательства оказать помощь администрации на выборах в конгресс в тех случаях, когда она заинтересована.

В течение зимы 1970 года Даннер трижды встречался с Митчеллом. О самих встречах и содержании переговоров, вопреки обычной практике, не был проинформирован никто из сотрудников антитрестовского отдела.

19 марта 1970 года Даннер в очередной раз в кабинете у министра. «Мы рассмотрели представленные вами материалы, — говорит Митчелл. — С нашей точки зрения, мы не видим проблем. Почему бы вам не продолжать переговоры (о приобретении отеля и казино «Дюнс». — *Авт.*)?»

В тот же день Даннер спешит доложить Мэхью об успешном завершении операции — о покупке «Дюнс». Тот немедленно распорядился передать Даннеру 50 тысяч долларов. В результате поездки Даннера в Вашингтон, заявил он подчиненным, мы должны выполнить некоторые свои политические обязательства.

Полученные пятьдесят тысяч Даннер вручает Бебе Ребозо.

Так доверенные люди Хьюза и Никсона вершили дела.

Сенатская комиссия по расследованию «уотергейтского дела» в своем докладе констатировала: «Обстоятельства, касающиеся попыток Хьюза приобрести отель «Дюнс» в Лас-Вегасе, свидетельствуют о сомнительном поведении на высшем уровне исполнительной власти и поднимают серьезные вопросы относительно связи между взносами Хьюза на избирательную кампанию и действиями федеральных властей, касающимися Хьюза»¹⁸.

В разгар тайных сделок между правительственными ведомствами и Хьюзом в империи последнего произошло важное событие, названное «дворцовым переворотом».

«Накануне Дня благодарения, 25 ноября 1970 года, около 10 часов вечера Говард Хьюз натянул старый свитер поверх белой рубашки с отложным воротником, надел фетровую шляпу и направился к черному выходу из своих апартаментов, расположенных в верхнем этаже отеля «Дезет-инн» в Лас-Вегасе, где он обитал последние четыре года. Чтобы не попасть на глаза сыщикам, которые несли круглосуточную вахту у лифта, Хьюз проник через давно не употреблявшийся запасной выход на пожарную лестницу, спустился по ней с девятого этажа прямо к стоянке автомобилей. Хьюз был в отличном настроении и, видимо, доволен своей проделкой. Внизу его уже ждали две машины, которые должны были отвезти Хьюза и четырех его помощников на принадлежавший ему Северный аэродром Лас-Вегаса. Там он сел в свой реактивный самолет «Локхид», который взял курс на Багамские острова. На следующий день Хьюз уже обосновался в апартаментах на девятом этаже гостиницы «Британия бич» на острове Парадайс, поставив круглосуточную охрану у дверей»¹⁹.

Так описал журнал «Тайм» таинственное исчезновение короля Лас-Вегаса из своей резиденции. Это сообщение лишний раз свидетельствовало о том, насколько ловко манипулировал Хьюз средствами мас-

совой информации. В действительности ни корреспондента «Тайм», ни других журналистов при отъезде Хьюза не было и в помине. Они красочно описали лишь то, что им сообщили представители ближайшего окружения Хьюза, так называемой «мормонской мафии». А они старались создать впечатление, будто бы их босс еще полон сил и здоровья. И журнал «Тайм», как и некоторые другие органы печати, подхватил их версию. В действительности, как показали дальнейшие события, состояние здоровья миллиардера в то время было очень тяжелое. Он страдал от анемии и пневмонии, количество гемоглобина в крови было значительно ниже нормы. В таком состоянии ему, конечно, не под силу было спускаться по пожарной лестнице с девятого этажа.

Более правдоподобными являются появившиеся позже сообщения, что отъезд Хьюза организовала компания «Интертел», президент которой Д. Кросби являлся близким другом Никсона и Ребозо. Агенты «Интертела» вынесли Хьюза на носилках, доставили на базу ВВС «Неллис». А наутро они ворвались в кабинет Роберта Мэхью, выдворили его вместе с сотрудниками за двери и опечатали помещение. Так произошел «дворцовый переворот» в империи Хьюза. «Интертел», как отмечает Норман Майлер, «имела более прочные связи с ЦРУ, чем Мэхью»²⁰.

Почему лас-вегасский наместник после тридцатилетней службы попал в немилость, осталось неизвестным. Но очевидно, что драматические события явились результатом внутренней борьбы за власть двух враждующих группировок, в которой победила «мормонская мафия». Тщетно Мэхью обивал пороги государственных и судебных органов, обвиняя победителей в самозванной узурпации власти.

Ночью в квартире губернатора штата Невада раздался телефонный звонок. Поль Лексолт узнал голос Хьюза. Тот шутя заметил, что слухи о его смерти были «преувеличены», и подтвердил намерение уволить Мэхью. Низвергнутый Мэхью, лишившийся полумиллионного годового оклада и других благ, жаждал мести.

Крупнейший в мире мошенник

Среди многочисленных персонажей «уотергейтского дела» одним из самых колоритных является мульти-миллионер Роберт Веско. Это его деньги, тайком переданные для Никсона, были использованы для секретных операций «водопроводчиков». Рассказ о Веско поможет представить себе нравы, моральные ценности и жизненные ориентации монополистической верхушки, сделавшие возможным «уотергейт».

* * *

...На борт огромного реактивного самолета «Боинг-707» поднимается человек, чью внешность сравнивали то с героями ковбойских фильмов, то со светским бонвиваном, — двухметровый гигант, с узким разрезом глаз, тонкими усиками, черными как смоль волосами. Он не обольщал доверчивую дочку миллиардера, чтобы проложить себе «путь наверх», не врывался в банки с темной повязкой на лице и с автоматом в руке. Этот человек, начавший «почти с нуля», действуя лишь шариковой ручкой, к тридцати пяти годам стал одним из самых богатых людей Америки; недоучка, на полпути бросивший учебу в инженерном колледже, он сумел создать себе репутацию «финансового гения»; мошенник, только в результате одной операции прикарманивший 224 миллиона долларов, получил от правительства США официальное свидетельство своей добропорядочности; авантюрист, который вел темные дела с главарями мафии, одновременно пользовался поддержкой Белого дома, а также королей, президентов и премьер-министров нескольких иностранных государств. Рядом с этим человеком, которого окрестили самым крупным и удачливым мошенником мира, в течение многих лет постоянно находился его помощник по административным вопросам Дональд Никсон-младший, племянник президента. Таков Роберт Веско, который одновременно вращался в трех мирах — Большого Бизнеса, Большой Политики и Большой Преступности — мирах, которые не отделены друг от друга непроницаемыми перегородками, а скорее напоминают сообщающиеся сосуды.

На своем «Боинге» Веско облетел полсвета — Рим, Бейрут, Мехико, Лиссабон, Багамские острова, Коста-Рику, — и повсюду он раскидывал свои финансовые силки, в которые попадались не только дилетанты, но и прожженные дельцы. На самолете-гиганте помимо апартаментов хозяина — одиннадцать спальных отделений для гостей, столовая, салон, бар, дискотека, площадка для танцев, сауна, гимнастический зал...

Самому Роберту Веско «Боинг» не стоил ни цента. 20 миллионов долларов за него выложила корпорация «Фэйрфилд дженерал», которую он возглавлял. Это был его стиль — проводить свои личные расходы по ведомости компаний.

Не многим дельцам удалось с такой скоростью подняться на вершину финансового Олимпа, как Роберту Веско. Сам он как-то так сформулировал свое жизненное кредо: «Если кто-нибудь станет мне поперек дороги, я отшвырну его прсчь». И он отшвыривал их — конкурентов или ставших ненужными партнеров, которых уже обобрал. Каждый раз, когда Веско делал шаг вверх, беря очередную высоту, кто-то из них летел в пропасть. Но эти правила финансового альпинизма, усвоенные и освоженные Веско, были лишь одним из слагаемых его успехов. Главным было то, что свою империю Веско воздвигал на нескольких китах — легальном бизнесе, связях с Вашингтоном, деньгах подпольного мира и мошенничестве.

...1 февраля 1973 г. в одном из кабачков Монреаля встречаются глава крупного канадского синдиката преступников Конрад Бучард и его старый сообщник по контрабанде наркотиков и операциям с краденными ценными бумагами американец Фрэнк Перофф, ставший к тому времени осведомителем управления по борьбе с наркотиками. Бучард предлагает Пероффу полететь во Францию, там в районе Марселя получить партию в 100—200 килограммов героина и нелегально доставить его в Соединенные Штаты. Информация Пероффа о предстоящей операции вызвала поначалу большой интерес у сотрудников управления по борьбе с наркотиками и американской таможни. Но только до того времени, когда

во время очередной встречи с работниками этих служб «Перофф упомянул о Роберте Веско, как о влиятельной фигуре на Багамах и человеке, связанном с организованной преступностью»¹. Тогда Перофф обратился непосредственно к Белому дому; он сообщает, что кто-то в правительственных ведомствах настойчиво пытается помешать расследованию связей между Р. Веско и гангстерами, занимающимися контрабандой наркотиков. Но и этот разговор не дал никаких результатов. Американский журналист Майкл Дорман, много лет расследовавший деятельность Роберта Веско, объясняет это так: «Имеются свидетельства того, что федеральные власти знали о связях между Веско и подпольным миром, но старались либо скрыть их, либо игнорировать... Веско стал своего рода связующим звеном между международным подпольным миром и Белым домом»².

В 1970 году одна иностранная компания, намеревавшаяся вступить в деловые отношения с Веско, решила выяснить подноготную этого дельца. В результате расследования выяснилось, что главным источником, откуда Веско черпал доллары для своих финансовых авантур, главным его тайным сообщником являлся некий Морт Циммерман. Этот бизнесмен из Далласа являлся подставной фигурой мафии, то есть обеспечивал легальное прикрытие для нелегальных операций ее боссов Карлоса Марчелло из Нового Орлеана, Сантоса Траффианте из Флориды и других. Он проводил многомиллионные операции по «отмыванию» денег, полученных гангстерами, занимавшимися «акульим промыслом», нелегальным игорным бизнесом, рэкетирством и другой незаконной деятельностью. Многие главы гангстеров имели крупные пакеты акций в компаниях, возглавлявшихся Циммерманом. Один из боссов Мафии в Детройте — Майкл Полици (Большой Майкл) имел 80 тысяч акций в его компании «Интерконтинентал индастриз» и занимал пост президента филиала этой компании — «Валли дай Каст», являясь тем самым деловым партнером Веско. Еще одним мошенником, снабжавшим деньгами Роберта Веско, был Джек Халфен, тесно связанный с коро-

лем Мафии Вито Дженовезе и боссом новоорлеанских гангстеров Карлосом Марчелло. Он также специализировался на «отмывании» денег преступных синдикатов и операциях с краденными ценными бумагами.

Самой крупной аферой Веско, которая могла бы украсить хрестоматию по истории финансового мошенничества, является операция по ограблению межнациональной корпорации «Инвесторс оверсиз сервис» (ИОС), имевшей 700 тысяч пайщиков с общей суммой вкладов около трех миллиардов долларов. Пронюхав, что корпорация остро нуждается в наличных деньгах, Веско отправился летом 1970 года в Женеву, где встретился с директорами ИОС. Он пустил в ход все свое незаурядное умение представиться в качестве солидного бизнесмена, уверенного в себе и внушающего доверие другим. Директора корпорации, ломавшие себе голову над тем, как одолеть трудности, сочли, что появление Веско — это дар небес. Дьявола-искусителя они приняли за ангела-спасителя. Веско выторговал себе ключевые посты директора компании и председателя ее финансового комитета. Так закончилась первая фаза операции — штурм: не сделав ни выстрела, не понеся потерь, Веско овладел крупной финансовой крепостью, защитники которой сами распахнули перед ним ворота и торжественно внесли его на руках как спасителя.

Теперь под контролем Веско оказались важнейшие рычаги управления. Первое, что он делает, — помещает 5,5 миллиона долларов ИОС в «Батлерс бэнк», то есть на полмиллиона больше, чем заем, предоставленный этим банком ИОС: помощь этой компании Веско оказал за счет ее же средств, не затратив сам ни цента. Добившись для своего ближайшего подручного Нормана Лебланка поста вице-президента ИОС по финансовым вопросам, Веско приступает к осуществлению изощренного плана по перекачке капиталов компании в собственные сейфы: он проводит реорганизацию за реорганизацией, учреждает дочерние компании, проводит слияния, покупает и перепродает корпорации, вкладывает средства ИОС в различные предприятия, продает их,

делает новые инвестиции, скупает крупные пакеты акций. На первых порах члены правления ИОС были довольны этим взрывом финансовой активности. Веско сулил им крупные барыши в самом недалеком будущем. Но при этом держал от них в тайне траектории перемещений крупных средств ИОС: совершив зигзагообразные движения, они брали курс на Багамы и оседали в «Батлерс бэнк», который Веско сумел прибрать к рукам (теперь он назывался «Багамас Коммонуэлс бэнк»).

За короткий срок Веско умудрился выгрести из закровов ИОС 224 миллиона. Когда члены правления ИОС заподозрили недоброе, было уже поздно. Веско не ждал, пока пламя финансового скандала превратится в пожар, в котором он мог сгореть и сам: уж что-что, а смываться он умел вовремя. Сев на свой роскошный «Боинг», он отправился в свою личную резиденцию в Коста-Рике.

В каждом деле Веско любил действовать с размахом. Получение крупных барышей, естественно, требовало и крупных издержек. Веско никогда не мелочился, особенно если речь шла о приобретении политических связей. Во время своей вашингтонской Одиссеи Веско взял за правило не блуждать по бюрократическому лабиринту, а держать курс на самую вершину политического мира — туда, где принимаются важнейшие решения. Он искал расположения людей, стоявших у пульта управления. И готов был это расположение щедро оплачивать. В 1968 году Веско жертвует в фонд избирательной кампании Ричарда Никсона 100 тысяч долларов. Это был один из крупнейших взносов, полученных будущим хозяином Белого дома. Щедрость не остается незамеченной. На званом обеде в «Уолдорф Астория», где собралась нью-йоркская знать, он удостоивается чести сидеть рядом с только что избранным президентом.

После прихода к власти администрации Никсона Веско устанавливает постоянные контакты с влиятельным помощником президента Джоном Эрлихманом, министром юстиции Джоном Митчеллом и другими лицами из ближайшего окружения Никсона. Ему удается установить деловые и приятельские от-

ношения с братьями президента — Эдвардом и Дональдом. Сына последнего — 24-летнего Дональда-младшего он зачисляет к себе в штат помощником по административным вопросам. Поселяет его в своем особняке в Нью-Джерси «на правах члена семьи», постоянно берет в деловые зарубежные поездки. В мире, где реклама — мощный ускоритель любого бизнеса, племянник президента одним своим присутствием делал для Веско больше, чем он мог бы получить от лучших мастеров паблисити с Мэдисон-Авеню: он как бы удостоверял респектабельность Веско, его приобщенность к политическому клану, верховодившему тогда в Вашингтоне.

Веско, не стесняясь, пускает в ход механизм своих политических связей. И механизм срабатывает даже в весьма сложных ситуациях. Вот один из примеров.

В ноябре 1971 года, находясь в Женеве, Веско получает вызов в местный суд. Истец — одна из жертв махинаций Веско. Выслушав стороны, судья объявляет о своем решении. «Что он сказал?» — спрашивает у переводчика Роберт Веско, не понимавший по-французски. «Он сказал, что вы находитесь под арестом».

Пока Веско проводил свою первую и последнюю ночь за тюремной решеткой, его адвокат бросился обзванивать его вашингтонских друзей. Уже несколько часов спустя в посольстве США в Берне раздался звонок Д. Митчелла. Его не интересовал вопрос, виновен ли Веско или нет. Министр юстиции потребовал, чтобы посольство добилось от швейцарских властей его немедленного освобождения. И утром следующего дня ворота старинной женевской тюрьмы Сант-Антуан открылись перед Робертом Веско.

Вскоре Веско обращается с новой просьбой к своим вашингтонским друзьям. На этот раз — к Эрлихману. Теперь он хочет, чтобы «хорошие слова о нем» были сказаны послами США в странах, где Веско вел свои дела. Эрлихман посоветовался с Митчеллом, тот не возражал, хотя в это время комиссия по ценным бумагам уже вела расследование незаконных операций Веско. И вот во многие американ-

ские посольства пошли депеши, предписывавшие оказывать Веско всю необходимую ему помощь и поддержку. Одна из телеграмм была направлена американскому посольству в Бейрут, где Веско намеревался поставить под свой контроль крупнейший на Ближнем Востоке банк. В телеграмме, отправленной 19 января 1972 года за подписью одного из руководителей ФБР, говорилось:

«МИНИСТР ЮСТИЦИИ СЕГОДНЯ СВЯЗАЛСЯ С НАМИ (с ФБР.— *Авт.*), ЗАЯВИЛ: ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ПОСОЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В БЕЙРУТЕ ЗНАЛ О ТОМ, ЧТО МИНИСТР ЮСТИЦИИ И АДМИНИСТРАЦИЯ АБСОЛЮТНО УВЕРЕНЫ В ПОРЯДОЧНОСТИ РОБЕРТА ВЕСКО, КОТОРЫЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАХОДИТСЯ В БЕЙРУТЕ»³.

Конечно, машина политических связей требовала постоянной смазки. В марте 1972 года в разгар предвыборной кампании Веско встречается с Морисом Стансом, руководителем комитета по сбору средств на ведение избирательной кампании за переизбрание президента Никсона.

— Я не пожалел средств на избрание Никсона в 1968 году,— напоминает Веско,— и готов вновь проявить щедрость.

Веско сразу же дает понять собеседнику, что не собирается заниматься благотворительностью.

— У меня,— говорит он,— возникли проблемы с комиссией по ценным бумагам.

— Сколько вы собираетесь внести на этот раз? — деловито осведомился Станс.

— Я намереваюсь внести полмиллиона,— многозначительно произносит Веско, зная, какой эффект произведет названная им сумма,— двести пятьдесят тысяч в ближайшее время и еще двести пятьдесят тысяч — несколько позднее.

Обсудили вопрос, в какой форме будет сделан взнос. Станс предпочитал получить деньги наличными. Веско вновь напомнил собеседнику о своих проблемах с комиссией по ценным бумагам. Станс немедленно позвонил Митчеллу, который лишь незадолго перед этим оставил пост министра юстиции, чтобы возглавить Комитет по переизбранию президента. Митчелл сразу же принял Веско, внимательно

выслушал его и обещал помочь замять расследование. А вскоре посланцы Веско вручили Стансу 200 тысяч.

Посланцам Веско не терпелось сразу же получить проценты с инвестированного капитала. Они прямоком отправляются к председателю комиссии по ценным бумагам Г. Кейзи. Однако встреча не дает желаемых результатов. Среди следователей комиссии были политические противники республиканской партии и лично президента Никсона. В их досье к тому времени уже накопились десятки фактов неблаговидной, а точнее, незаконной деятельности Веско. Поэтому попытка закрыть дело Веско могла бы вызвать политический скандал. И Кейзи предпочитает не рисковать своей карьерой.

Но Веско не было дела до чужих мозолей, когда ему не давала покоя собственная зубная боль. Он продолжает оказывать давление на администрацию и руководящих деятелей республиканской партии. По просьбе Митчелла юрисконсульт президента Дин доложил Никсону о деле Веско. Президент обрушился с бранью на «мальчиков» из комиссии по ценным бумагам, которые «следят за всеми». Под нажимом Белого дома комиссия по ценным бумагам не стала придавать гласности материалы дела Веско — но только до ноябрьских выборов. Веско же нуждался не в отсрочке, а в прекращении расследования. Но в этом президент был бессилен ему помочь. Петля уотергейтских расследований все теснее сжималась вокруг него самого. Следователям комиссии по ценным бумагам удалось узнать о тайном взносе Веско. Этот вопрос начал разбираться в федеральном большом жюри. В Белом доме с тревогой следили за ходом разбирательства. 21 марта 1973 года в своем Овальном кабинете президент совещался с ближайшими советниками — Эрлихманом, Холдemanом и Дином. Дин доложил о проблемах, помимо «уотергейтского дела», с которыми сталкивается Белый дом:

«В Южном округе (Нью-Йорк) идут заседания большого жюри. Они занимаются Митчеллом и Стансом в связи с Веско. Речь идет о взятке и использовании влияния. Они пытаются притянуть к

этому делу и Эрлихмана. Очевидно, Эрлихман также имел встречи с Веско. Дональд Никсон-младший пару раз заходил к Джону (Эрлихману. — Авт.) поговорить по этому вопросу»⁴.

Выслушав Дина, президент не выразил удивления: видимо, он уже был в курсе дела.

10 мая большое жюри вынесло заключение по делу Митчелла, Станса, Сирса и Веско (заочно). Они обвинялись в том, что в течение двух лет находились в преступном сговоре с целью воспрепятствовать комиссии по ценным бумагам и генеральному счетному управлению (ведомство, наблюдающее за проведением в жизнь законов о финансировании избирательных кампаний) в осуществлении своих функций.

Сам Веско не присутствовал на разбирательстве в большом жюри. Еще в 1972 году он предусмотрительно укрылся в столице Коста-Рики — Сан-Хосе, где обосновался вместе со своей семьей, с помощником и неизменным спутником Дональдом Никсон-младшим в роскошной вилле, приобретенной за 500 тысяч долларов. По некоторым данным, Веско прихватил с собой на Коста-Рику 250 миллионов долларов наличными.

14 января 1976 года федеральное большое жюри обвинило Веско и шестерых его сподручных в преступном сговоре с целью ограбления «Инвесторс оверсиз сервис». Но мошенник по-прежнему оказался вне досягаемости судебных исполнителей. Американские власти не предприняли необходимых усилий, чтобы добиться его высылки в США. Находясь то в Коста-Рике, то на Багамах, он продолжал расширять свою империю, созидать с помощью подставных лиц все новые компании, укреплять хорошо оплачиваемую дружбу с сильными мира сего.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся...» Сотни тысяч вкладчиков «Инвесторс оверсиз сервис» насытились правдой уже давно: материалов, разоблачающих финансиста-грабителя, более чем достаточно. Теперь они алчут и жаждут возвращения своих сбережений. Но доллары Веско выходят победителями в поединке с амери-

канским правосудием. Последует ли за преступлением наказание? Блажен, кто верует...

* * *

Этот очерк был уже написан, когда в американской печати появились сведения о новом скандале, связанном с Веско. Адвокат Спенсер Ли заявил, что Веско обещал ему дать миллион долларов, если он устроит встречу представителей Веско с ближайшими советниками президента Картера. Ли имел беседу со специальным помощником президента Ричардом Харденом. Тот сообщил о беседе президенту. Картер написал записку тогдашнему министру юстиции Г. Беллу с просьбой принять Ли.

Большое жюри, разбиравшее это дело, решило не возбуждать судебного преследования. Старшина присяжных Ральф Алмер обвинил министерство юстиции в том, что оно занималось «манипулированием», с тем чтобы скрыть действительные факты. Эти действия властей Алмер охарактеризовал как «cover up» — то самое слово, которое столь часто употреблялось при расследовании «уотергейтского дела»...

Что искали взломщики?

А теперь вернемся к непосредственным причинам, которые привели к вторжению в «Уотергейт». Известие об увольнении Мэхью поначалу в Белом доме встретили с ликованием. Против него самого они ничего не имели. Но Мэхью нанял в качестве вашингтонского представителя Хьюза Лоуренса О'Брайена. Тот получал 15 тысяч долларов ежемесячно и выполнял ряд деликатных поручений Хьюза. Теперь в Белом доме с радостью ожидали, что вслед за Мэхью будет уволен и О'Брайен.

Неприязнь Никсона к этому видному деятелю демократической партии, тесно связанному с кланом Кеннеди, имела давнюю историю. В свое время О'Брайен руководил успешной избирательной кампанией Джона Кеннеди на президентских выборах 1960 года. У злопамятного Никсона осталось острое чувство недоброжелательства по отношению к одно-

му из виновников его поражения. Бебе Ребово не раз с упреком говорил Даннеру: если Хьюз искренне заинтересован в поддержке президента Никсона, почему же тогда был нанят О'Брайен? ¹

Придя к власти, Никсон сразу же стал искать пути свести счеты с О'Брайеном. Холдеман и Эрлихман постоянно требовали от подчиненных «информации, компрометирующей О'Брайена». По его следу пустили сыщиков Белого дома. Те проникли в консультативную фирму, в которой работал О'Брайен. Однако, сколько ни приняхивались эти ищейки, ничего обнаружить им не удалось.

Как и ожидали в Белом доме, вслед за Мэхью последовало увольнение и О'Брайена. Представителем Хьюза в Вашингтоне вскоре был назначен Роберт Беннет, владелец «Маллен энд К⁰». 15 января 1971 года сотрудник Белого дома Чарльз Колсон в докладной записке писал:

«Боб Беннет является преданным нам человеком и хорошим другом. Мы намерены использовать его для осуществления ряда планов. Одним из его новых клиентов является Говард Хьюз. Я уверен в том, что нет необходимости объяснять политическое значение того факта, что дела Хьюза в Вашингтоне будет вести наш близкий друг».

Вместе с тем перемены в империи Хьюза имели для Белого дома и отрицательные последствия, вызывавшие его озабоченность. 14 января 1971 года Никсон летит на президентском «ВВС-1» в Небраску. Ему предстоит нелегкая встреча в местном университете. Но мысли президента вновь и вновь возвращаются к О'Брайену. Он включает диктофон. «Вниманию Холдемана,— говорит он.— Похоже, что приближается момент, когда Ларри О'Брайену придется поплатиться за свою службу у Хьюза. Бебе имеет кое-какую информацию на этот счет, хотя она не очень обоснованна» ². Никсон поручает Холдеману «заняться этим», то есть добыть более убедительную информацию. Тот поручает это юрисконсульту президента Джону Дину.

26 января 1971 года Дин спешит сообщить Холдеману:

«Колфилд информировал меня о том, что О'Брай-

ен и Мэхью — давние друзья по Бостону и дружба их зародилась в начале «эры Кеннеди» или даже раньше. В годы правления Джона Кеннеди между О'Брайеном и Мэхью поддерживалась постоянная связь». Дин также докладывал Холдемону: «Ребозо просил, чтобы в случае, если какие-либо действия будут предприняты касательно Хьюза, его, Ребозо, известили, поскольку он достаточно хорошо знает все тонкости взаимоотношений с ним из своего собственного опыта ведения дела с людьми Хьюза».

Два дня спустя Холдеман инструктирует Дина:

«Вы и Колсон должны объединить усилия и найти способ придать гласности соответствующую информацию».

Так машина слежки и провокаций начинает набирать обороты.

На этом этапе Белый дом все еще ищет путей в первую очередь публично скомпрометировать О'Брайена. Это становится тем более желательным, что его избирают на пост председателя национального комитета демократической партии. Однако все больше растет тревога по поводу возможных акций самого О'Брайена. В Белом доме ломают голову: что именно сообщил Мэхью, хорошо осведомленный о закулисных сделках Хьюза — Никсона, своему другу О'Брайену?

Мэхью был хорошо информирован о закулисных сделках Хьюза — Никсона. Он горел желанием отомстить своему бывшему, как он считал, неблагодарному боссу. Документы, которыми он владел, создавали потенциальную угрозу президенту. В докладной записке один из сотрудников Белого дома писал: «Щупальца Мэхью касаются многих крайне деликатных областей деятельности правительства, каждая из которых может стать объектом разоблачений в духе Джека Андерсона»³.

Сотрудники Белого дома решают припугнуть Мэхью, используя против него Бюро внутренних доходов. Узнав, что бюро начало расследовать его налоговые дела, Мэхью передает своему другу, издателю газеты «Лас-Вегас сан» Ханку Гринспэну коробку, полную документов о тайных взносах Хьюза Никсону. Редактор сообщил об этом Андерсону.

6 августа 1971 года Белый дом напоминал растревоженный улей. Утром в газетах появилась статья обозревателя Джека Андерсона, который сообщал со многими подробностями о ста тысячах, переданных Хьюзом Никсону. Тайное начинает становиться явным.

С этого времени борьба Белого дома со своими противниками все более приобретает уголовный характер. Одно преступление — незаконное получение денег от Хьюза — логично ведет к цепи новых преступлений. Ради главной задачи — спрятать концы в воду — негласно решено, что все средства дозволены. Планы, которые теперь разрабатываются, все больше смахивают на гангстеризм.

Декабрь 1971 года. Сотрудники Белого дома обсуждают план убийства Джека Андерсона. Его решают отравить. Яд предполагалось достать в ЦРУ⁴. Участник заговора Говард Хант позже сообщил, что приказ об убийстве Андерсона поступил от высокопоставленного сотрудника Белого дома. Он был отменен в последнюю минуту⁵.

24 января 1972 года Андерсон публикует новую разоблачительную статью о тайных взносах Хьюза президенту. На этот раз автор подчеркивает, что у него имеются «документальные доказательства». Это заявление вызывает в Белом доме шоковое состояние. Опубликование документов может нанести непоправимый удар по Никсону на предстоящих выборах. У всех в памяти драматические разоблачения займа Хьюза брату президента Дональду Никсону в канун выборов 1960 года. В Белом доме теперь решают любой ценой похитить эти компрометирующие документы. Но где они хранятся?

3 февраля 1972 года газета «Нью-Йорк таймс» сообщает, что «сотни записок Хьюза» находятся в Лас-Вегасе, в сейфе Гринспэна.

4 февраля 1972 года в кабинете министра юстиции собирается секретное совещание. Участвуют Д. Митчелл, заместитель Комитета по переизбранию президента (КПП) Джеб Магрудер, юрисконсульт президента Д. Дин и генеральный советник КПП Гордон Лидди. Обсуждается новый план тайных операций, разработанный Лидди.

Первый вариант этого плана, имевшего кодовое название «Джемстоун», Лидди изложил Митчеллу на встрече 27 января 1972 года. Предоставим слово участнику этой встречи, проходившей в кабинете министра юстиции, Д. Магрудеру: «Чего только не было в этом плане: «отряды по наведению порядка», похищение людей, диверсии, использование проституток для политического шантажа, кража и фотографирование секретных документов и разнообразные виды слежки и подслушивания с помощью электронной аппаратуры. «Отряды по наведению порядка», пояснял Лидди, будут использоваться для избияния участников враждебных нам демонстраций. Группы похитителей — для задержания лидеров радикалов, таких, как Джерри Рубин и Эбби Хоффман, с тем чтобы в период съезда республиканской партии упрятать их подальше в «безопасное убежище» в Мексике. Позаботился Лидди и о съезде демократической партии:

— Мы выведем из строя установки для кондиционирования воздуха на сцене. Представьте, как будут выглядеть на телеэкранах всей страны эти делегаты, обливающиеся потом в жару под 120 градусов (по Фаренгейту. — Авт.)?!

Далее его планом предусматривалось использование во время съезда демократической партии проституток — как в Вашингтоне, так и в Майами-Бич — с целью компрометации ведущих политиков-демократов. Он предлагал взять напрокат в Майами-Бич яхту и установить на ней скрытые камеры и записывающие устройства. Продажные женщины будут заманивать ничего не подозревающих демократических деятелей на яхты, где их будет ждать тайный сеанс детективной киносъемки и звукозаписи.

— Девиц мы пригласим самых шикарных, — подчеркивал Лидди, — только высшего класса.

Лидди продолжал в том же духе с полчаса. Это будет, пообещал он, самая совершенная операция такого рода из всех когда-либо предпринимавшихся ранее и она с лихвой окупит тот миллион долларов, который потребуется для ее осуществления»⁶.

Позже каждый из участников встречи дал свою версию обсуждения предложений Лидди. Однако все

фактически признавали, что план не был отвергнут в целом. Митчелл выразил недовольство только «крайностями» программы. Он предложил ее доработать, сделать «более реалистичной» и урезать расходы.

Неделю спустя, 4 февраля, в кабинете Митчелла состоялась новая встреча в прежнем составе. Обсуждается переработанный вариант плана Лидди. Но теперь, после статьи в «Нью-Йорк таймс», Митчелл видит первоочередную задачу в том, чтобы добыть взрывоопасные документы Хьюза. Как близкий друг президента, он лучше других понимал, что именно более всего беспокоило Никсона и чего он ждал от своих подчиненных, занимавшихся секретными операциями. Согласно показаниям Магрудера, именно Митчелл называет два новых важнейших объекта — кабинеты редактора Ханка Гринспэна и председателя национального комитета демократической партии Л. О'Брайена.

— Лидди было поручено, — показал Магрудер, — направиться в Лас-Вегас и выяснить возможность проникновения в кабинет Гринспэна⁷.

Было также решено попытаться установить электронные подслушивающие устройства в кабинете О'Брайена.

Итак, объекты определены, средства выбраны — вторжение со взломом (break in), относящееся, согласно уголовному законодательству США, к тяжким преступлениям. Мы не знаем, какие разговоры велись по этому поводу между президентом и его министром юстиции. Возможно, они даже и не обсуждали непосредственно этот вопрос. Но очевидно, что Митчелл считал ситуацию достаточно серьезной, если одобрял заведомое нарушение закона. Париж стоил мессы. Во всяком случае, так ему казалось в ту пору.

На каком же уровне в Белом доме дали окончательное благословение на проведение тайных операций Лидди и его команды?

В своем выступлении 22 мая 1973 года в связи с «уотергейтским делом» президент Никсон заявил:

— Налет на штаб-квартиру национального комитета демократической партии и установка там под-

transactions as of April 7, 1972
CASH DEPOSITS AND DISBURSEMENTS
including committed items

DEPOSITS

PRIOR TO APRIL 7, '72	\$400,000*
MAY 25, '72	350,000

DISBURSEMENTS

KALMBACH	250,000*
STRACHAN	350,000
PORTER	100,000*
LIDDY	199,000*
MAGRUDER	20,000
LANGLER	50,000
HITT	25,000
NOFZIGER	10,000†
STONE	15,000†
DOLE	3,000
OTHER	5,000*

TOTAL. 1,777,000*

* approximation
† possibly by check

слушивающих устройств были для меня полной неожиданностью. У меня не было ни малейших подозрений, что лица, связанные с моей предвыборной кампанией, планировали подобные незаконные действия. Если бы я знал, я бы этого не разрешил⁸.

Выступая по телевидению 15 августа 1973 года, президент вновь категорически отрицал какую-либо свою личную причастность к «уотергейтскому вторжению»:

— 22 мая я в весьма конкретных выражениях заявил и вновь заявляю каждому из тех, кто слушает меня сегодня вечером, что мне ничего не было известно заранее об «уотергейтской операции», что я не принимал участия ни в каких последующих действиях, направленных на то, чтобы спрятать концы в воду, и не знал о таких действиях; я не давал разрешения своим подчиненным практиковать незаконные или нечестные методы при проведении предвыборной кампании и не поощрял их применять такие методы. Такой была и остается простая истина⁹.

«Истина» эта, однако, вызывает серьезные сомнения.

Делая свое заявление, Никсон отчаянно стремился удержаться в Белом доме. В этом ему помогали и его ближайшие помощники и друзья — Холдeman, Эрлихман, Митчелл. Они стремились выгородить Никсона, ибо видели в этом свое единственное спасение: останься он в Белом доме, Никсон мог бы затем в случае их осуждения издать указ о помиловании. Поэтому трудно найти прямые улики, подтверждающие соучастие президента в подготовке вторжения. Сохранилась, однако, весьма интересная магнитофонная запись разговора в Овальном кабинете президента 27 марта 1973 года. Президент доверительно беседовал с двумя своими помощниками Холдemanом и Эрлихманом. Холдeman сообщил, что Магрудер дал такую версию развития событий:

Список средств, полученных сотрудниками Комитета по переизбранию президента. 199 тысяч выделялось Гордону Лидди на проведение противозаконных операций.

«Окончательное решение (одобрить план вторжения в «Уотергейт». — Авт.) было принято, когда Гордону Стрэчену позвонил Магрудер и передал ему слова Холдемана, сказавшего ему, что план надо проводить в жизнь: «Президенту нужно, чтобы это было сделано и все споры по этому поводу были прекращены». Речь шла о разведывательной деятельности, о плане действий Лидди. Магрудер сказал Митчеллу, что ему, Магрудеру, дал указание приступить к делу Стрэчен. Стрэчен получил указание от Холдемана, которому в свою очередь приказал президент. И Митчелл снял свои возражения. Он сказал: «Хорошо, раз они говорят, что надо действовать, действуй»¹⁰.

Так был зажжен зеленый свет. На кнопку нажал сам президент. Далее по иерархической структуре Белого дома приказ двинулся по маршруту: от Холдемана к Стрэчену, затем к Магрудеру, Митчеллу...

В первую очередь было решено осуществить вторжение в кабинет издателя «Лас-Вегас сан». Операцию поручили Ханту и Лидди. Они проникли в редакционное помещение, вскрыли зеленый сейф Гринспэна. Позже, как покажет магнитофонная запись, Эрлихман будет похвально Никсону: «Они влезли, взломали сейф и кое-что достали».

В разработке «операционного плана», или, как его сокращенно называют в американских спецслужбах, «о-плана», принимали участие и люди Хьюза. Они выделили самолет, который ждал взломщиков на небольшом аэродроме вблизи Лас-Вегаса, чтобы доставить их в Центральную Америку¹¹.

О лас-вегасской операции стало известно из показаний Маккорда. В сенатской комиссии в мае 1973 года он утверждал, будто бы целью взломщиков было найти компрометирующие материалы о сенаторе Маски и человеке, сделавшем незаконный взнос в избирательную кампанию. «По всей видимости, — пишет автор двух исследований об «уотергейтском деле» Фрэнк Манкиевич, — он кое-что скрыл»¹². На завтра же после показаний Маккорда редактор «Лас-Вегас сан» Гринспэн заявил, что ссылки на Маски являются бессмыслицей: у него не было никаких материалов, касающихся сенатора. Но что у

него действительно хранилось в сейфе — так это документы, серьезно компрометирующие Хьюза.

В свете этого заявления Гринспэна лас-вегасская операция являлась «прямой услугой Говарду Хьюзу со стороны относящихся к нему благосклонно организаторов избирательной кампании Никсона. И в этой связи направление самолета, принадлежавшего Хьюзу, в Центральную Америку приобретает дополнительный смысл: сам Хьюз в то время находился в Никарагуа»¹³.

Ф. Манкиевич прав, когда указывает на непосредственную заинтересованность Хьюза в лас-вегасской операции «водопроводчиков». Но главным побудительным мотивом Белого дома было не оказать услугу миллиардеру, а обеспечить собственные интересы.

Судя по всему, в Белом доме остались неудовлетворенными результатами операции в Лас-Вегасе. Во всяком случае, осталась тревога, что у О'Брайена могут храниться документы, компрометирующие Хьюза и Никсона. Специальный советник президента Чарльз Колсон заявил заместителю руководителя Комитета по переизбранию президента Д. Магрудеру:

— Долго вы там будете тянуть с утверждением бюджета Лидди? Нам требуется информация, особенно об О'Брайене¹⁴.

Другие сотрудники Белого дома, включая Стрэчена и Холдемана, также оказывали нажим на Комитет по переизбранию президента, требуя ускорить проведение намеченных секретных операций. Магрудер говорил Митчеллу: «Они в Белом доме подталкивают нас, как сумасшедшие»¹⁵.

Но кто же «подталкивал» самих этих высокопоставленных «толкачей»? Тот, кто был прежде всего заинтересован в получении материалов, которые предположительно хранились в сейфе О'Брайена. Еще 20 июня 1972 года, в первый же день своего возвращения из Флориды в Вашингтон, президент говорил об О'Брайене с Холдеманом. Именно эта часть разговора продолжительностью 18,5 минуты приподнимала завесу над предысторией проникновения в «Уотергейт». Поэтому-то его запись и оказа-

лась стертой *. Холдеман сделал попытку восстановить его по памяти. По его словам, разговор проходил так.

— Меня беспокоит Колсон, — говорит президент.

— Почему?

— ФБР начинает свое расследование, и я знаю одно — я не смогу вынести допроса Колсона.

— Но Чак Колсон заверил меня, что он чист. Хант не находился у него в штате уже несколько месяцев, и Колсон даже не встречался с ним.

Слова Холдемана не успокаивают президента. Он знает, что Колсон лжет, пытаясь выкрутиться. Знает он и о том, что Колсон осведомлен об осведомленности президента.

— Если Колсон «расколется», — тревожится Никсон, — он может начать говорить и о президенте. Я ведь не слезал с Колсона, требуя, чтобы он придавил Ларри О'Брайена, используя его связь с Хьюзом. Колсон сказал мне, что собирается добыть нужную мне информацию тем или иным путем. А ведь это и был офис О'Брайена, где они установили «жучки», не так ли? А кто стоял за этим? Человек Колсона — Хант.

Холдеман делает вывод: «Инициатором вторжения в «Уотергейт» был... сам Ричард Никсон». Причину «ненависти» Никсона к О'Брайену Холдеман объясняет тем, что тот «затронул самый чувствительный нерв» — «дела Никсона с Говардом Хьюзом». «Почти несомненно, — пишет Холдеман, — Никсон попросил Колсона помочь ему придавить О'Брайена. Колсон, естественно, обратился к Ханту... Это не является просто моим предположением. Это подтверждается собственными словами Никсона, как об этом свидетельствуют магнитофонные записи его разговоров»¹⁶. И, видимо, поэтому Никсон говорил генералу Хейгу, занявшему после отставки Холдемана пост главы аппарата Белого дома, что больше всего он не хотел бы огласки его разговоров с Колсоном.

* Подробнее об этом будет сказано далее (с. 254—255).

Операция «COVER UP»

Итак, в два часа ночи 17 июня 1972 года пять арестованных в «Уотергейте» были доставлены в полицейский участок. А несколько часов спустя субботним утром заместитель руководителя Комитета по переизбранию президента Никсона (КПП) Джеб Магрудер завтракал в ресторане «Поло-Лаундж» в Лос-Анджелесе. Здесь же находились и несколько других сотрудников Комитета по переизбранию президента, прилетевших на самолете нефтяной компании провести уик-энд в Лос-Анджелесе. Неожиданно официант сообщил Магрудеру, что его вызывают по телефону, и поставил на столик аппарат. На другом конце провода был Лидди.

— Вы должны связаться со мной по телефону, который наверняка не прослушивается, — многозначительно сообщил он. — Этой ночью в штаб-квартире демократов в «Уотергейте» арестован наш начальник службы безопасности.

— Как?! Маккорд?

— Да, Джим Маккорд.

Несколько минут спустя Магрудер вместе с несколькими другими сотрудниками Комитета за переизбрание президента собрались в номере «люкс», занимаемом Митчеллом. Первой заботой собравшихся было найти средства скрыть связь между Комитетом по переизбранию президента и арестованным участником операции Маккордом. Кто-то высказал мысль:

— Если бы мы сумели вытащить его из тюрьмы, прежде чем будет установлено, кто он такой, он мог бы просто-напросто исчезнуть.

Предложение получило общую поддержку. Высказали и другую идею: используя то, что в прошлом Маккорд работал в ЦРУ, сказать, что он выполнял особое задание, и под этим предлогом добиться его освобождения.

Вечером обсуждение продолжалось. Митчелл решил отправить на завтра же в Вашингтон политического координатора Комитета по переизбранию президента Роберта Мардиана, чтобы он попытался за-

мать дело. Таким образом, как признает позже Магрудер, «попытка скрыть преступление была принята сразу же и автоматически; никто из нас не усомнился в том, что этого не следует делать... Во всех наших обсуждениях много говорилось о необходимости «защитить президента». Мы, бесспорно, старались помешать использованию «уотергейтской истории» во вред президенту, но верно также и то, что мы с Митчеллом рассчитывали спасти при этом собственные шкуры. Мы так глубоко погрязли в этом деле, что пути к отступлению, казалось, для нас нет — оставалось продолжить нашу азартную игру»¹. И они ринулись. Руководители и сотрудники Комитета по переизбранию президента, сотрудники Белого дома, помощники президента и сам президент.

В воспоминаниях Магрудера есть еще одно характерное признание. В воскресенье утром он говорил по телефону с руководителем аппарата Белого дома Холдеманом: изложил ему факты и получил инструкции. В разговоре с Холдеманом Магрудер исходил из того, что помощник президента был в курсе плана проникновения в «Уотергейт». «И все, что он говорил, — пишет Магрудер, — свидетельствовало о том, что так оно и было»².

А как же реагировал на события президент?

В ту ночь, когда пятеро взломщиков проникли в «Уотергейт», Никсон находился на островке Гранд Кей (Багамские острова), принадлежавшем его приятелю Бобу Абпланалпу. Весь день он провел в прогулках по острову с его хозяином и с Бебе Ребозо, купался в океане, катался на лодке. В воскресенье он прилетел в свою резиденцию в Ки-Бискейне во Флориде. И здесь, согласно версии самого президента, проглядывая газету «Майами геральд» за чашкой утреннего кофе, он увидел сообщение об аресте пяти неизвестных, проникших в штаб-квартиру демократов.

В тот воскресный день над океаном бушевал ураган. На завтра он стих. Но мог ли думать тогда президент, что эта коротенькая заметка предвещала начало политической бури, которая выметет его из Белого дома?

Со своими подчиненными Никсон держался спо-

койно и непринужденно. «Что это за нелепое сообщение о штаб-квартире демократов, Боб? — спрашивает он Холдемана. — Самая идиотская вещь, о которой я когда-либо слышал».

Несколько часов спустя он опять говорит Холдemanу: «Американцы увидят, что это была лишь политическая проделка. Не могут же они отнестись к этому всерьез. Это ведь пустяковое дело».

В действительности Никсон был взбешен и встревожен провалом операции. «Только несколько лет спустя, — вспоминает Холдeman, — я узнал, что «спокойный» Никсон бешено названивал Чаку Колсону относительно этого «пустякового» вторжения. Был момент, когда он настолько потерял душевное равновесие, что швырнул пепельницу через всю комнату (в Ки-Бискейне. — Авт.)»³.

Так с первых же дней после событий в «Уотергейте» Никсон начал двойную игру — он ее вел не только со всей Америкой, говоря заведомую ложь по телевидению, не только с членами кабинета, руководителями ЦРУ и ФБР, но и даже с узким кружком своих самых ближайших и доверенных помощников. Он прикидывался спокойным, когда внутренне был полон тревоги, несведущим, когда был прекрасно информирован, невинным, когда был по уши виноват. «Я, — пишет Никсон, — спрашивал много раз: почему были установлены «жучки» в штаб-квартире демократов?»⁴ Он действительно задавал этот вопрос и Холдemanу, и Дину, и другим, хотя лучше кого-либо знал на него ответ. Он хитрил, маневрировал, подставлял под удар своих подчиненных, запутывал следы до тех пор, пока сам окончательно не запутался... Несколько лет спустя он попытался обелить себя в мемуарах. Он умалчивает об одних фактах, искажает другие, а кое-что присочиняет. И тем не менее сквозь нагромождение лжи и самооправданий проступает подлинная роль президента в «уотергейтском деле».

«Я, — пишет Никсон в мемуарах, — реагировал на проникновение в «Уотергейт» с чисто прагматической точки зрения. Если эта реакция и была циничной, то цинизм был порожден моим опытом».

Какова же была реакция этого циничного праг-

матика, что и как он пытался сделать? «Мне кажется,— говорит он Дину,— мы должны сделать так, чтобы дело не вышло наружу». Дин, не уступавший в циничности своему боссу, уточняет: «Заметание следов — вот о чем мы в действительности говорим в настоящее время»⁵.

Итак, «заметание следов». Чтобы они не привели ни к Комитету по переизбранию президента, ни тем более к Белому дому. Для этого надо замять расследование и, прежде всего, не дать агентам ФБР «выйти на Ханта» и выявить происхождение денег, найденных у взломщиков. Не раз президент с сожалением думает о смерти своего давнего политического единомышленника, шефа ФБР Э. Гувера.

— Много упреков бросали в адрес Гувера,— говорит Дин президенту,— но я думаю, что нам лучше бы жилось сейчас, если бы он оставался живым на протяжении этого «уотергейтского скандала». Он знал, как обращаться с ФБР, как держать людей в руках.

— Да,— соглашается Никсон,— Гувер работал и делал дело. Он бы поборолся. Он бы выступил против кое-кого и запугал бы их до смерти. У него было досье на всех. Сейчас же ФБР допускает одну «утечку» за другой...

23 июня Холдеман сообщает президенту: исполняющий обязанности директора ФБР Пэт Грей не знает, под каким предлогом ему ограничить рамки расследования. Президенту стало ясно: если немедленно не приостановить расследование, агенты ФБР обнаружат, что деньги принадлежали Комитету по переизбранию президента. У Никсона и его помощников рождается план: надо использовать тот факт, что четверо из взломщиков в свое время участвовали в высадке кубинских контрреволюционеров в бухте Кочинос — операции, организованной ЦРУ. Поэтому, инструктирует Никсон Холдемана, пусть ЦРУ заявит ФБР: надо прекратить дальнейшее расследование «ради благополучия страны», ибо оно может повлечь нежелательное разоблачение подробностей операции в бухте Кочинос. Так с самого начала «уотергейтского дела» пытаются прикрыть уголовщину плащом «национальной безопасности». Не-

сколько месяцев спустя, чтобы оправдать вторжение в квартиру к врачу-психиатру, лечившему Д. Элсберга, Никсон скажет своим подчиненным:

— Я думаю, мы просто должны заявить, что это расследование велось в интересах национальной безопасности⁶.

«Новый» Никсон 70-х годов не отказывался от привычек «старого» Никсона эпохи маккартизма. Тогда под предлогом защиты «национальной безопасности» от «красной угрозы» Никсон, Гувер и их единомышленники травили, преследовали ни в чем не повинных людей. Теперь под тем же предлогом президент и его окружение пытались оправдать собственные преступления.

30 июня в Белый дом вызывают директора ЦРУ Ричарда Хелмса и его заместителя генерала Вернона Уолтерса. Хелмс сообщает Холдеману: он накануне проинформировал Грея о том, что ЦРУ не имеет никакого отношения к взлому в «Уотергейте» и что никто из участников операции не работает в агентстве по крайней мере два последних года. Хелмс лжет. Позже выяснится, что один из непосредственных участников — Мартинес находился вплоть до дня его ареста в штате ЦРУ, да и Хант никогда не порывал фактических связей со своей «альма матер». Но Хелмс не хочет впутывать свое ведомство в грязное дело, которое приобретало все более широкую огласку. Правда, выслушав Холдемана, шефы ЦРУ обещают поговорить с главой ФБР. Помощник президента поспешил в Овальный кабинет обрадовать Никсона. Если план удастся, нити, ведущие к Комитету по переизбранию президента и Белому дому, останутся скрытыми.

...Несколько минут спустя в кабинет вошли кинооператоры. На этот день была назначена съемка документального фильма о Никсоне, который предполагалось демонстрировать на предстоящем съезде республиканской партии. Фильм должен был показать обычный рабочий день президента, поглощенного решением государственных проблем. По иронии судьбы это оказался именно тот день, когда состоялись разговоры, приведшие в конечном итоге к его отставке.

Грей не смог или не захотел остановить расследовательскую машину. Возможно, на него оказывали давление политические круги, враждебные президенту. Да и в самом ведомстве, видимо, были люди, не расположенные к Никсону.

30 июня в печати появилось сообщение о том, что Хант имел сейф в Белом доме. Содержащиеся в нем вещи и материалы были переданы Федеральному бюро расследований. Расследование шаг за шагом вело к Ханту. Вскоре он оказался за решеткой. А тем временем Лидди разрабатывает новый план: всю ответственность за проведение «уотергейтской операции» он берет на себя. Никто из вышестоящих над ним людей не давал ему никаких указаний.

Президенту понравился «сценарий» Лидди. В своем дневнике вечером он записал: «Главная проблема «уотергейтской истории» — отмежеваться от нее независимо от того, кто возьмет на себя вину за все происшедшее». Поэтому с первых же дней после «уотергейтской операции» именно Овальный кабинет стал главным штабом по разработке и проведению операции, получившей название «Cover up», то есть по сокрытию преступления или заметанию следов. «Позже, — пишет Никсон, — мои действия и бездействия выглядели для многих как часть обширных и сознательных попыток замять дело. Я не считал их таковыми. Я просто старался решить практическим путем весьма досадную политическую проблему». Кому-кому, а Никсону, как опытному юристу, было известно: на языке закона это называлось «заговор с целью воспрепятствовать отправлению правосудия».

Этот заговор с целью сокрытия виновных в преступлении и обмана следственных органов (и американской общественности) начался сразу же после провала вторжения в штаб-квартиру демократов.

Уже 19 июня 1972 года Дин по указанию Эрлихмана посещает министра юстиции Клайдинста.

— Я очень обеспокоен тем, — говорит он, — что расследование дела (арестованных в «Уотергейте». — *Авт.*) может вывести непосредственно на президента. Я не знаю, что именно произойдет, если расследование приведет к Белому дому. Но я считаю, что в

этом случае шансам президента на переизбрание будет нанесен серьезный удар⁷.

Это был недвусмысленный намек — в случае поражения Никсона на предстоявших в ноябре выборах Клейндинст лишился бы министерского поста.

Одновременно Белый дом и Комитет по переизбранию президента начинают публично отрицать какую-либо свою причастность к вторжению в «Уотергейт». Уже 18 июня 1972 года руководитель комитета Д. Митчелл делает в Лос-Анджелесе заявление:

«Арестованные в субботу в штаб-квартире демократов Маккорд и четверо других лиц, которые, как предполагают, пытались установить подслушивающие устройства, действовали не по нашему заданию, не спрося нашего согласия».

20 июня 1972 года. Пресс-секретарь Белого дома заявляет корреспондентам, что не будет комментировать «бэрглари * третьей степени». Зиглер заверил представителей прессы в полной непричастности Белого дома⁸.

22 июня 1972 года. Президент подтверждает заявление своего пресс-секретаря: «Такого рода деятельности, как отметил мистер Зиглер, нет места ни в нашем избирательном процессе, ни в деятельности государства. Как заявил мистер Зиглер, Белый дом ни в какой степени не причастен к данному инциденту».

29 августа 1972 года Никсон проводит пресс-конференцию. Дин наблюдает ее по телевизору.

— В аппарате Белого дома под моим личным руководством, — заявил Никсон, — советник президента Дин провел полное расследование возможного участия (в «уотергейтском деле». — *Авт.*) кого-либо из нынешних сотрудников Белого дома и правительства. Я могу категорически заявить: это расследование указывает на то, что никто из работников аппарата Белого дома и администрации, работающих в настоящее время, не был замешан в этом странном инциденте.

Больше всех заявление президента удивило самого Дина. Услышав его, он чуть не свалился со стула.

* Бэрглари (англ.) — вторжение со взломом в чужое помещение.

Не потому, что уголовное преступление — бэрглари — президент деликатно именовал «странным инцидентом». Дело в том, что в действительности никакого «доклада Дина» не существовало по той простой причине, что Дин не проводил никакого расследования. Он занимался не раскрытием преступления, а его сокрытием.

Участники «уотергейтского дела», как это обычно бывает во всех уголовных преступлениях, стали поспешно уничтожать вещественные доказательства своей вины. Ликвидацией улики занимались все, независимо от ранга. Хант поручил Уласевичу отвезти все шпионское оборудование на квартиру Маккорду, чтобы его жена все уничтожила. На следующий день, в воскресенье, помощник президента Холдеман поручает своему сотруднику Стрэчену проверить за воскресенье все его папки, изъять и уничтожить все компрометирующие документы — письма от Комитета по переизбранию президента, записи разговоров, подслушанных в штаб-квартире демократов, указания Холдемана о проведении тайных операций против сенатора Макговерна и другие⁹. В понедельник 19 июня Магрудер спрашивает у Митчелла, что ему делать с досье операции «Джемстоун». Бывший министр юстиции отвечает:

— Пожалуй, сегодня вечером вам следовало бы затопить у себя дома камин.

Ночью Магрудер сжигает содержимое объемистой папки — фотографии, отпечатанные на машинке, записи телефонных разговоров сотрудников национального комитета демократической партии, сообщения об их «светских развлечениях».

Сокрытием вещественных доказательств занялся и сам Никсон. Дело в том, что в ходе разбирательства «уотергейтского дела» 16 июля 1973 года в сенатской комиссии один из свидетелей, бывший сотрудник Белого дома Александр Баттерфилд, сделал сенсационное сообщение. По его словам, в кабинете Никсона установлено автоматически работающее записывающее устройство: президент хотел сохранить для истории каждое сказанное им слово (как показали опубликованные позже магнитофонные записи, среди этих слов было немало и нецензурных).

18 июля специальный следователь А. Кокс затребовал от Белого дома магнитофонную запись восьми разговоров президента. Зная, какую опасность для него представляют эти пленки, президент отказался их представить. Началась длительная тяжба между Белым домом, с одной стороны, специальным следователем и комиссиями конгресса — с другой. После многомесячных судебных разбирательств Белый дом оказался вынужденным согласиться на выдачу пленок. Однако пленки двух разговоров он так и не представил, утверждая, что их вообще не существует. А в одной из пленок 18,5 минут разговора оказались стертыми. Президент не дал каких-либо объяснений по этому поводу. Специальная экспертиза установила, что разговор был первоначально записан, а затем стерт. Но кто мог это сделать? Доступ к записям имели только три человека: президент и два его секретаря — Стивен Болл и Роз-Мари Вудс. Значит, очередное преступление — сокрытие улики — совершил либо сам Никсон, либо его секретари по его указанию.

Роз-Мари Вудс сделала неуклюжую попытку выгородить шефа и себя. Она сказала, что в то время, как она прослушивала эту ленту и делала запись разговора, раздался телефонный звонок. Во время разговора она, по ее словам, нечаянно нажала ногой на педаль, которая включила стирание записи. Эта нехитрая выдумка была публично разоблачена. Провели эксперимент, во время которого секретаршу президента попросили повторить ее действия. Это оказалось невозможным. «Стол, телефон и педали записывающего аппарата были расположены таким образом, что только один из лучших в мире акробатов мог бы стирать запись в течение нескольких секунд, а не то что восемнадцати минут»¹⁰.

Сам президент, естественно, не мог сказать что-либо вразумительное. Касаясь стертой записи 18,5 минут разговора, он заявил в своем выступлении по национальному телевидению 30 апреля 1974 года: «Как это произошло, все еще остается для меня загадкой... Но в чем я уверен, так это в том, что ни Роз-Мари Вудс, ни кто-либо из моих помощников не сделали этого преднамеренно». Автор

исследования о роли Никсона в «уотергейтском деле» Фрэнк Манкиевич, приведя эти слова президента, пишет: «Правда заключается в следующем... Поскольку только Роз-Мари Вудс и два помощника президента помимо его самого имели доступ к магнитофонным записям, то это означает: поскольку запись была стерта путем многократных попыток, это было сделано самим Никсоном»¹¹.

Операция «Cover up» в первые месяцы развивалась в основном успешно. 15 сентября 1972 года федеральное большое жюри огласило обвинительный акт по делу о проникновении в «Уотергейт». Он касался пяти непосредственных участников операции, а также Ханта и Лидди. Кроме этих двоих, никто из других сотрудников аппарата Белого дома и Комитета по переизбранию президента не привлекался к судебной ответственности. В этот день в Белом доме царила эйфория. Дин, которого вечером вызвали к Никсону, застал президента и Холдемана в прекрасном настроении. Президент выразил свое удовлетворение тем, что расследование остановилось на Лидди, и тем, как Дин справился с этим делом.

— Здравствуйте. Как дела? Ну и денек был у вас сегодня, не так ли? — приветствовал президент своего советника. — Это благодаря вам «уотергейтское дело» пошло в нужном направлении.

— Мы старались, — скромно отвечает Дин на похвалу президента.

— И как это все закончилось? — спрашивает Холдеман.

Дин не разделяет восторгов президента. Выиграно только первое сражение.

— Думаю, можно сказать, пока — хорошо.

— Но мне кажется, — говорит президент, — вы управились со всем этим делом очень ловко. Вы затыкали своими пальцами все дыры то там, то здесь, когда начиналась течь¹².

Дин вновь предупреждает президента, что впереди еще возможны осложнения. Сейчас нельзя дать гарантий, что дело не начнет распутываться дальше. Особенно беспокоили Дина настроения некоторых сотрудников Белого дома. Он чувствовал, что они могут начать «раскалываться».

— Мы все вместе в этом деле,— заявляет в ответ президент.— Это — война. Мы сделаем по ним еще несколько выстрелов, и все закончится. Не беспокойтесь. Сейчас я не хотел бы быть на их стороне. А как считаете вы?

Позже Дин расскажет об этой встрече:

«У меня создалось впечатление, что президент прекрасно понимал, что было сделано для того, чтобы удалось скрыть причастность Белого дома к «уотергейтскому скандалу». Во время разговора я выразил ему свою озабоченность тем, что операцию «Cover up» нельзя будет продолжать без конца»¹³.

В сенатской комиссии у Дина спросили:

— Остались ли у вас после этого разговора 15 сентября сомнения, которые вы, возможно, имели до разговора, относительно причастности президента к попыткам сокрытия преступления?

— Нет, не остались,— ответил Дин¹⁴.

15 октября 1972 года министерство юстиции заявило, что «не имеется абсолютно никаких оснований считать, что кого-либо еще следует привлечь к ответственности».

Одной из главных первоначальных задач операции «Cover up» было обеспечить молчание арестованных участников и соучастников проникновения в «Уотергейт». Правда, еще в то злополучное утро 17 июня, когда Лидди звонил в Лос-Анджелес, он заверил Магрудера: «Вам нечего беспокоиться. Мои люди никогда не скажут лишнего слова». Видимо, среди его «людей» действовал свой «закон омерта» — закон молчания, наподобие действующего в Мافии. Но пятый среди взломщиков — Маккорд — не относился к «людям» Лидди. 54-летний специалист в области электронного оборудования, он не очень жаждал бросить на произвол судьбы жену и детей и оказаться на долгие годы за решеткой. Поэтому Белый дом пытался убедить его не болтать лишнего. 9 января 1973 года в его квартире раздался телефонный звонок. Незнакомый ему и не назвавший себя человек сказал:

— Немедленно идите к будке телефона-автомата, что вблизи гостиницы «Блю Фаунтэн», на дороге 355.

Когда несколько минут спустя Маккорд вошел в

указанную будку, там уже никого не было. Но незнакомец оставил ему записку, в которой говорилось:

«Признавайте себя виновным. Через год вы будете помилованы. О вашей семье позаботятся. После того как вас освободят, вы будете реабилитированы и обеспечены работой».

Снова напрашивается сравнение с нравами Мафии: когда кто-либо из ее членов попадает за решетку, Мафия оказывает материальную помощь его семье, также оплачивает счета его адвокатов.

Маккорду не только обещали помощь. Ему угрожали. Поэтому он серьезно опасался, что его признания могут стоить ему жизни. Это не домыслы автора. В письме к судье Сирике Маккорд писал:

«Несколько членов моей семьи боятся того, что, если я начну раскрывать известные мне факты по данному делу, моя жизнь окажется в опасности»¹⁵. Как в Мафии: тех, кто начинал «петь», то есть давать показания, ждали пуля, яд или удар ножом.

Примечательно, что и сами участники «уотергейтского дела» не раз по тем или иным поводам проводят параллель между собой и Мафией. Дин в беседе с президентом 21 марта 1973 года выражал свое сожаление, что у него и других участников операции «Cover up» нет опыта в «отмывании» нелегально полученных денег, какой имеется у «людей Мафии». В воспоминаниях «Слепая амбиция» он вновь и вновь возвращается к мысли о Мафии. Разговор с Лидди, выразившим готовность прийти в любое место, чтобы его застрелили за провал операции, напоминает Дину «фильмы о Мафии». Рассказывая о своем плане отказаться давать показания, Дин добавляет: «Как мафиози». Находясь в тюрьме, Дин и Колсон заводят знакомство с заключенными-гангстерами. Одного из них Дин называет «нашим другом из Мафии» по имени Джон. Он считает высказывания этого мафиози настолько интересными, что приводит их в книге. «Старый Джон,— рассказывает он Колсону,— говорил мне, что он потерял веру в Никсона, когда тот не уничтожил магнитофонные записи». «Я согласен с ним в этом отношении,— отвечает Колсон.— Я до сих пор не понимаю, почему он заблаговременно не ликвидировал их»¹⁶.

О Мафии вспоминали Никсон и Дин, когда заходила речь об использовании тайных фондов Белого дома, составленных из нелегальных взносов хозяев крупных корпораций. Сначала эти незаконно полученные средства шли на оплату противозаконной деятельности. Теперь они использовались, чтобы эту деятельность скрыть. Своего рода цепная реакция преступлений.

Вопрос о деньгах для арестованных взломщиков начал обсуждаться в Белом доме в первые же дни после провала операции. Инициатором был сам президент. В первый же вечер после своего возвращения в Вашингтон, 20 июня, он звонит Холдemanу. Надо принимать решение.

— Эти люди, которых поймали, будут нуждаться в деньгах,— говорит Никсон.— Я уже подумал о том, как решить этот вопрос.

28 июня Дин встречается с Митчеллом в его кабинете. Говорят откровенно: деньги потребуются для того, чтобы «обеспечить молчание людей, находящихся в тюрьме». В Комитете по переизбранию президента в секретном фонде оставалось только 70—80 тысяч. Необходимо его срочно пополнить. Митчелл считает, что о деньгах должен в первую очередь позаботиться Белый дом.

— Белый дом и особенно Эрлихман,— говорит он Дину,— должны быть очень заинтересованы в том, чтобы удовлетворить просьбы этих людей. Они должны сделать для этого все от них зависящее, поскольку эти люди действовали по заданию Белого дома, в частности, при вторжении в квартиру доктора, лечившего Эллсберга¹⁷.

Особенно настойчиво требовал денег Хант. Он также настаивал на том, чтобы Белый дом дал ему твердое обещание: в декабре 1973 года на рождество президент издаст указ о его помиловании.

В беседе с Холдemanом и Дином 21 марта 1973 года президент говорит:

— Хант, конечно, является для нас одним из самых уязвимых мест. Он может «расколоться». Ему придется уплатить, и немало. Нам следует не скучать, чтобы выиграть время...

Далее президент говорит, что Ханту следует

дать сто двадцать тысяч долларов, и продолжает:

— Эту сумму мы осилим. Передать ее будет не просто, но собрать — не трудно.

Президент уже подсчитал и общие расходы на всех заключенных.

— Нам понадобится миллион долларов, чтобы позаботиться об этих балбесах, сидящих в тюрьме. Это можно будет устроить. Я считаю, что эту сумму можно собрать наличными¹⁸.

Используя посредников, Белый дом передает подсудимым несколько сот тысяч долларов. Но купить их молчание за деньги не удастся. Начинает давать показания Маккорд. «Раскалываются» «солдаты» Лидди. Корабль дает течь, и, чем больше трюмы наполняются водой, тем сильнее тяга у членов команды его покинуть и признанием вины смягчить наказание. 13 марта 1973 года Дин говорит президенту, что «ситуация напоминает домино: зашатается что-то одно, приходит в движение многое другое, и все может рухнуть. Таким образом, господин президент, существует опасность».

Неделю спустя Дин снова предупреждает президента:

— Не приходится сомневаться в серьезности положения, в котором мы оказались. Метастазы приближаются к президенту. Злокачественная опухоль разрастается теперь с каждым днем в геометрической прогрессии.

Джон Дин знал, о чем говорил. Он все более убеждался в том, что все сотрудники Белого дома, так или иначе причастные к «уотергейтскому делу», стремятся выгородить себя за счет других своих коллег-соучастников. Все яснее обозначалась тактика президента и его ближайших помощников Холдемана и Эрлихмана — сделать козлом отпущения Дина. В свою очередь он наносит упреждающий удар.

3 июня 1973 года в газете «Вашингтон пост» появляется очередная сенсационная информация: Дин намеревается заявить в сенатской комиссии о том, что президент был лично «глубоко вовлечен в операцию «Cover up». Дин сообщил следователям комиссии, что в период январь — апрель 1973 года он обсуждал с Никсоном или в его присутствии

вопросы о сокрытии «уотергейтского преступления», выплаты денег обвиняемым и об их помиловании в будущем¹⁹.

В тот же день Белый дом категорически опроверг эти обвинения в адрес президента. Однако ставшее вскоре известным содержание разговоров в кабинете президента показало обоснованность заявления Дина. Становились известными все новые свидетельства причастности президента и его ближайших помощников к операции «Cover up». После многомесячного разбирательства юридическая комиссия палаты представителей в конце июля 1974 года приняла решение о необходимости привлечения Никсона к ответственности в порядке импичмента. Импичмент представляет собой первую из двух конституционных мер для смещения президента (или какого-либо другого высокопоставленного федерального должностного лица). Импичмент — это способ, которым палата представителей США предъявляет обвинение должностному лицу или обвиняет его в государственной измене или в совершении других преступлений. Если палата представителей высказывается за импичмент, выдвинутые ею обвинения рассматриваются в сенате. В этом случае зал заседаний сената превращается в своего рода судебный зал. Для осуждения сенатом данного должностного лица — а такое осуждение означает его немедленное отстранение от должности — требуется две трети голосов присутствующих сенаторов²⁰.

Соотношение сил в конгрессе складывалось неблагоприятно для Никсона. По всей стране проходили выступления с требованием отставки президента.

Вечером 8 августа 1974 года в Овальном кабинете установили телевизионные камеры. Началась прямая трансляция выступления Никсона. Он жаловался на то, что лишился поддержки конгресса, и заявил, что на следующий день уйдет в отставку. Он признал, что некоторые его решения, которые привели к отставке, были ошибочными. «Но я их принимал, — добавил президент, — считая, что они отвечают высшим интересам государства»²¹. Ска-

зять правду даже в последнем обращении к нации у президента не хватило мужества. Или иных человеческих качеств.

Последнюю ночь в Белом доме он провел тревожно. Лег далеко за полночь. Вскоре проснулся, посмотрел на часы. Но они стояли. Случайность выглядела символичной — время президентства истекло... На следующий день самолет «ВВС-1» с бывшим президентом на борту взял курс на Калифорнию. Никсон возвращался к частной жизни. Только четыре с половиной года спустя ему вновь на несколько часов доведется побывать в Белом доме — на приеме по случаю пребывания в США Дэн Сяопина. Приглашение Никсона вызвало недоумение у американской общественности. На пресс-конференции 17 января 1978 года президенту Картеру задали вопрос:

— Вы пригласили бывшего президента Ричарда Никсона в Белый дом на обед в честь китайского руководителя Дэн Сяопина. В ходе предвыборной кампании вы говорили, что Никсон опозорил нашу страну. А примерно год назад вы заявляли, что, по вашему мнению, он действительно совершил акции, наказуемые импичментом. Почему же теперь вы оказываете ему такую честь?

Напомнив, что Никсон был помилован президентом Фордом, Д. Картер отметил его «достижения» в деле «нормализации» американо-китайских отношений, то есть сговора Вашингтона и пекинской вертушки.

— Кроме того,— добавил президент,— китайские должностные лица, в том числе сам заместитель премьера Дэн Сяопин, попросили предоставить им возможность встретиться с президентом Никсоном и выразить ему личную благодарность за ту роль, которую он сыграл в установлении китайско-американских отношений. Итак, мне не в чем извиняться. Я считаю, что это правильно, и очень рад, что президент Никсон принял наше приглашение.

Что ж, подход вполне прагматический...

Случайность или закономерность?

В ходе различных расследований, проводившихся конгрессом и судами, выяснилась, однако, не только причастность президента к сокрытию преступления в «Уотергейте». Оказалось, что он был в курсе дел многих других операций, осуществлявшихся созданной им в Белом доме группой «грязных трюков». Конечно, не каждая операция предварительно согласовывалась с ним, в этом и не было необходимости. Важно то, что в принципе такого рода операции считались дозволенными. В этом отношении представляют интерес высказывания самого Никсона на этот счет в интервью с английским журналистом Дэвидом Фростом в мае 1977 года. Фрост, в частности, коснулся вопроса о роли президента в проникновении в дом доктора Филдинга¹.

— В какой последовательности развивались события? — спросил Фрост. — Нам известно, что Эрлихман в общих чертах говорил с вами.

— Я не помню, как конкретно развивались события. Вы, должно быть, помните, я был занят в то время, а вообще-то я не припоминаю, чтобы мы обсуждали это проникновение со взломом.

— Перед тем как эти люди ворвались к Филдингу, — продолжает Фрост, — в августе, мне кажется, Эрлихман сказал, что он говорил вам о том, что Ханту и Лидди придется поехать в Калифорнию, чтобы найти нужную информацию. Что он рассказывал вам об этом в то время?

— Я не припомню никакого разговора с Эрлихманом на эту тему. Мне известно, что он так сказал. Однако мне известны также его показания о том, что он не санкционировал проникновения со взломом и не знал ничего об этом плане, пока это не случилось; ему сообщили об этом постфактум...*

* Подобные утверждения не соответствуют действительности. Выше приводился документ, свидетельствующий, что Эрлихман лично санкционировал операцию при условии, что будет гарантия от провала.

Итак, вопрос сводится к тому, говорил ли мне Эрлихман о том, что эти двое едут в Калифорнию. Может быть, и говорил. *И если бы он и говорил мне об этом, то я дал бы ему «добро»* (курсив мой.— Авт.).

Характерны ответы Никсона и по поводу иных тайных операций со взломом, проводившихся «водопроводчиками» и другими сотрудниками Белого дома.

Фрост спросил бывшего президента о плане проникновения в Брукингский институт в Вашингтоне. В Белом доме опасались, что один из сотрудников института подготовил разоблачительное исследование о политике США во Вьетнаме на основе документов Пентагона.

— А как насчет предложения подложить зажигательную бомбу в Брукингском институте? — спросил Фрост Никсона. — Как вам известно, были разговоры о том, что на какой-то пленке записан разговор, во время которого вы просили именно об этом, не обязательно о том, чтобы подложить зажигательную бомбу, но просили провести тайное расследование.

— Я что-то не припомню, чтобы я санкционировал проникновение со взломом в Брукингский институт... Но позвольте сказать вам, что если бы я узнал... если бы у меня были свидетельства, что Брукингский институт располагает этими документами, если бы я знал, что кто-то в этом институте собирается издать их, то я предпринял бы самые решительные меры, чтобы вернуть эти документы².

Ответы Никсона помогают воссоздать атмосферу, царившую тогда в Белом доме. Если сам президент, по собственному признанию, дал бы «добро» на вторжение со взломом, если он готов был предпринять «самые решительные меры», чтобы проникнуть в Брукингский институт, это говорит о том, что «грязные трюки» стали повседневной, будничной практикой бывших сотрудников ЦРУ и ФБР, взятых в штат Белого дома. Собственно, ради этих целей их и наняли на работу, снабжали деньгами из секретных фондов, направляли на совершение

различных преступных акций. Характерный разговор произошел между советником президента Колсоном и заместителем руководителя Комитета по переизбранию президента Магрудером. Колсон в резкой форме выразил неудовольствие тем, что Комитет по переизбранию затягивает осуществление планов тайных операций и не использует в должной мере Ханта и Лидди.

— Не пойму, чем вы занимаетесь,— заявил он,— то ли рыбу ловите, то ли сами наживку жрете. *Это же просто абсурдно — иметь таких ребят и не использовать их. Если вы им не найдете применения, тогда не исключено, что я сам их использую* (подчеркнуто мною.— Авт.)³.

В Белом доме исходили из того, что, коль скоро эти преступные акции совершались с одобрения президента или его помощников, они становились законными. В связи с этим Фрост спросил Никсона:

— Вы утверждаете: «Если это приказывает президент, это становится законным». Но есть ли в конституции или в Билле о правах какое-то положение, из которого явствует, что президент — это верховный владыка, что он стоит над законом?

Р. Никсон, естественно, вынужден был ответить:

— Нет, такого положения нет⁴.

Тем не менее он ставил себя и своих подчиненных над конституцией, над законом. Делалось это обычно под прикрытием фальшивых ссылок на необходимость обеспечения «национальной безопасности» от «коммунистической угрозы». В Белом доме сознательно играли краплеными картами антикоммунизма. О том, с каким циничным расчетом велась эта игра, красноречиво свидетельствует докладная помощника президента Холдемана юридическому консультанту президента Дину от 10 февраля 1973 года. В ней без обиняков предлагалось инспирировать публикацию сообщений о том, что антивоенные, антиправительственные выступления оплачивались из-за рубежа. «Необходимо,— указывал Холдеман,— чтобы наши люди опубликовали статью о том, что для проведения демонстраций против президента в 1972 году были использованы деньги из-за рубежа или коммунистов»⁵.

Другими словами, помощник президента предлагал подготовить антикоммунистическую фальшивку, с тем чтобы ее использовать для подавления выступлений социального протеста. Это была не новая тактика. На протяжении десятилетий многочисленные карательные органы вели преследование прогрессивных, демократических сил, грубо нарушали элементарные конституционные права американцев, прикрываясь ширмой антикоммунизма. Как отмечалось в Программе Коммунистической партии США, уловки антикоммунизма «используют в нашей стране, чтобы сеять замешательство, вносить раскол и подавлять сопротивление, а за границей — для придания благородной видимости священного похода циничной политике покорения»⁶.

В полном соответствии с нравами ФБР и ЦРУ участники «уотергейтской операции» привыкли считать, что антикоммунистическая деятельность может вестись (и она действительно велась) вне рамок закона. «Мы не являемся преступными элементами», — заявил участник «уотергейтского взлома» Баркер сенаторам. Он сказал, что «гордится» другими участниками операции, особенно Стерджемсом — ведь он «является убежденным борцом против коммунизма»⁷. А антикоммунизм давал право на индульгенцию.

Проникновение в штаб-квартиру демократов в «Уотергейте» и последующие разоблачения явились катализатором острой политической борьбы. Вместе с тем и сами эти разоблачения, многочисленные факты о «грязных трюках» Белого дома, коррупции и попытках сокрытия преступных актов оказались преданными гласности только в результате этой борьбы.

Развернувшаяся в США борьба вокруг «уотергейтского дела» — тема специального и всестороннего исследования. Ряд советских ученых уже высказали соображения на этот счет. С. Н. Кондрашов, сопоставляя «уотергейт» и Вьетнам, отмечает, что это две кульминации послевоенного развития Соединенных Штатов, их политики. Вьетнамская авантюра — внешнеполитическая кульминация, подорвавшая «самонадеянность силы». «Уотергейтский

скандал» — своеобразная внутривластная кульминация. Методы «холодной войны» были взяты на вооружение внутри страны в борьбе за Белый дом, в соперничестве двух буржуазно-законных, лояльных партий. С. Н. Кондрашов отмечает также, что Белый дом в последние годы вел войну во Вьетнаме, действуя все чаще в обход конгресса. Борьба вокруг «уотергейта», по его словам, возникла «на этом фоне соперничества законодательной и исполнительной власти. Это реванш конгресса, демонстрирующий теперь новое, напряженное равновесие между Белым домом и Капитолийским холмом»⁸. В. С. Зорин связывает «уотергейтское дело» с борьбой за власть среди могущественных монополистических групп. «История изгнания из Белого дома Р. Никсона, — по его словам, — позволяет, быть может, наиболее наглядно рассмотреть как проявления этой острейшей борьбы, так и способы достижения какого-то подобия политического равновесия между группировками». Он также подчеркивает значение противоборства между Белым домом и конгрессом: «...в ходе «уотергейтского дела» личность Никсона была моментом второстепенным, а главной целью были ограничение президентских прерогатив и расширение полномочий конгресса»⁹.

Настоящие очерки посвящены только некоторым, главным образом морально-политическим аспектам «уотергейтского дела» и не ставили перед собой задачу рассмотреть развернувшуюся вокруг него борьбу по широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики, ее глубокие и многообразные причины. Эта борьба шла на многих фронтах: между республиканской и демократической партиями и фракциями внутри этих партий, между законодательной и исполнительной властью, между вашингтонской бюрократией и Белым домом, между различными группами финансовой олигархии. Важным вопросом, вызвавшим острые разногласия в правящем лагере, являлось использование государственного аппарата исполнительной властью в своих узкогрупповых интересах. По мнению влиятельных кругов правящего лагеря, Никсон нарушил традиционные «правила игры», которой следует

придерживаться в политической жизни. Он стал в широких масштабах использовать карательно-репрессивные органы (ФБР, ЦРУ, а также налоговое ведомство и многие другие) для борьбы против своих политических противников из числа буржуазных деятелей и даже создал в рамках Белого дома специальные группы в этих целях. Эти представители правящего лагеря считали нормальным, когда государственные органы вели слежку и преследование борцов за социальную справедливость и мир. Однако Никсон шире, чем его предшественники в Белом доме, стал те же методы и средства использовать против известных буржуазных деятелей, руководителей ведущих органов массовой информации, ректоров университетов. «Он,— по оценке Компартии США,— зашел слишком далеко в отбрасывании традиционных процессов буржуазной демократии»¹⁰. Политические круги, добивавшиеся широкого расследования «уотергейтского дела» и отставки Никсона, хотели обезопасить себя. Заботились они не о демократии для широких масс, а для себя, для властвующей элиты в целом. В рамках этой борьбы одни группировки хотели укрепить свои позиции за счет других, потеснить своих конкурентов.

«Уотергейт» отражает глубокий *кризис буржуазной демократии*. «Новый этап общего кризиса капитализма,— указывали американские коммунисты в 1974 году,— проявляется в нынешнем политическом кризисе, в упадке буржуазной демократии. Политический кризис является результатом роста сложных проблем, с которыми сталкивается монополистический капитализм, по самой своей природе являющийся антидемократическим. Эти проблемы становятся все более острыми вместе с продолжающимся ростом монополий и государственного вмешательства. Новая фаза общего кризиса капитализма отражается в усиленном разжигании расизма, в наступлении на жизненный уровень и организации трудящихся, в нападках на демократические институты»¹¹.

Кризис буржуазной демократии отразился в усилении политической роли военно-промышленного комплекса, в судебном и полицейском произволе,

в деятельности ФБР, ЦРУ и других репрессивных органов. Ведя явную и тайную войну против всех неугодных, они прибегают при этом к методам террора и провокаций, организуют тотальную слежку, грубо нарушая законность и Билль о правах. В условиях подъема массовой борьбы 60-х и начала 70-х годов правящий класс, не отказываясь от методов социального маневрирования и частичных уступок, широко использовал и метод открытого насилия. Это двухпартийная политика, которую проводили администрации президентов-демократов и президентов-республиканцев. Особенно широких масштабов расправы с неугодными достигли при Л. Джонсоне и Р. Никсоне. В своей Программе американские коммунисты констатировали в 1970 году: «Угнетение и насилие приобрели чудовищный размах. Убийства общественных деятелей стали обычным явлением, как и убийства вообще, взрывы бомб и поджоги, к которым постоянно прибегают бандиты из числа ультраправых расистов. Полиция бесконтрольно зверствует и сеет смерть; на выступления социального протеста и бунт отвечают применением вооруженной силы; угнетаемые меньшинства обречены на массовое истребление»¹².

Те же методы американский империализм применял на международной арене. «Правители нашей страны ведут истребительные войны, примером которых может служить Вьетнам. Они вмешиваются в дела чужих стран, отправляя туда вооруженные силы, прибегая к заговорам ЦРУ и к другим средствам подавления свободы повсюду в мире ради сверхприбылей гигантских трестов США»¹³.

Характерно, что непосредственные участники и соучастники проникновения в «Уотергейт» (Хант, Лидди, Маккорд, Баркер, Болдуин и другие) и исполнители других «грязных трюков» Белого дома (Уласевич, Колфилд) либо работали в прошлом в ЦРУ, ФБР и полиции, либо были с ними тесно связаны. Там они приобрели профессиональные навыки. Говоря словами Лидди, они были «солдатами». Но война, которую они привыкли вести, была война против сил демократии и мира, а методом, которым ее вели, было узаконенное беззаконие. Характерно,

что лица, посредничавшие в незаконных сделках между монополистами и Белым домом (Мэхью, Беннет и другие), также были тесно связаны с ЦРУ и другими спецслужбами.

Американские авторы обычно замыкают цепь событий, приведших к «уотергейтскому делу», на особенностях характера Никсона, его подозрительности, мстительности, нетерпимости и тому подобное. Некоторые из этих авторов были его политическими противниками и задним числом пытаются теперь свести с ним счеты, но уже не в реальной жизни, а на страницах своих сочинений. При этом преследуется и другая, более широкая цель: дискредитировав одного человека — президента, вывести из-под огня критики саму социально-политическую систему, породившую «уотергейт».

«Уотергейт» отражает *моральное разложение правящего класса*, рост преступности в его рядах. Многие участники «уотергейтского дела» казались людьми весьма респектабельными по американским понятиям. Это не банда уголовников, а лица с университетскими дипломами, с высоким общественным положением. Среди них три министра — два министра юстиции (Митчелл, Клейндинст) и министр торговли (Станс), помощники президента (Холдман, Эрлихман) и другие лица, занимавшие высокие посты в государственном аппарате и в республиканской партии. Среди них и представители монополистической верхушки типа мультимиллионеров Хьюза и Веско, руководители 20 крупных корпораций¹⁴. И все они оказались замешанными в совершении уголовно наказуемых преступлений — от заговора в целях совершения вторжения со взломом до попытки сокрытия преступления. Участники проникновения в «Уотергейт» были лишь послушными пешками представителей правящей элиты. Для них, рядовых исполнителей, высокопоставленные политические деятели служили эталоном поведения. У Маккорда, одного из участников вторжения в «Уотергейт», спросили, почему он согласился участвовать во вторжениях со взломом и незаконном подслушивании телефонных разговоров, он ответил:

— Был ряд причин, связанных с принятием мной решения сделать это. Одной из причин, и очень важной для меня, было то, что, по словам Лидди, министр юстиции Джон Митчелл в своем служебном кабинете лично рассмотрел и одобрил операцию. Во-вторых, эти решения принимались при участии юрисконсультанта президента Джона Дина¹⁵.

Деятели демократической партии, стремясь нажить политический капитал, пытались свести «уотергейтский скандал» к «упадку морали» в рядах республиканской партии. В действительности моральное разложение, коррупция, связь политики и преступности не являются монополией только одной из двух буржуазных партий. Это двухпартийные явления. Один лишь пример на этот счет: взятки от Хьюза принимали и республиканцы, и демократы. Среди последних был, например, сенатор Г. Кэннон, получивший от 30 до 70 тысяч долларов¹⁶. Другой пример. Летом 1980 года в Вашингтоне произошел очередной крупный скандал, получивший название «Биллигейт». На этот раз в получении взяток от одной из арабских стран оказался замешанным брат президента Картера — Билли Картер.

Характерно и то, что многие высокопоставленные участники «уотергейтского дела» (банкир Ребозо, финансист и промышленник Веско, адвокат Чотинер, менеджер Мэхью и другие) были связаны с организованной преступностью, поддерживали деловые отношения с ее главарями. Более того, в Белом доме не чурались пользоваться услугами преступных элементов. Характерен эпизод, о котором поведал Джон Дин. Однажды зимой 1973 года президент увидел из окна человека с большим антивоенным плакатом в руках. Президент выразил свое неудовольствие и потребовал, чтобы плакат был немедленно убран. «Я, — рассказывает Дин, — поспешил к Дуайну Чэпину. Тот сказал, что он вызовет нескольких «головорезов», чтобы они выдворили этого человека из парка Лафайетта. Потребуется несколько часов на то, чтобы они прибыли, но зато они хорошо справятся с делом»¹⁷.

Некоторые сотрудники Белого дома принимали

непосредственное участие в досрочном освобождении уголовных преступников. Не является ли подобное утверждение преувеличением? Обратимся к документам. При расследовании «уотергейтского дела» стала известна докладная записка, написанная советником президента Колсоном юрисконсульту президента Дину. Приведу его полностью:

«Совершенно секретно особой важности.

Белый дом. Вашингтон.

30 декабря 1971 г.

Докладная записка — Джону Дину от Чака Колсона

Прилагаемый материал является слишком горячим, чтобы я мог этим заняться. Мне звонил Смазерс (бывший сенатор от Флориды, близкий друг Никсона. — Авт.), как я думал, просто, чтобы поговорить о политике. Но когда он стал излагать дело, я включил магнитофон. При сем я прилагаю полную запись. Как из нее явствует, он ясно изложил суть вопроса. Я думаю, что если в наших силах что-либо сделать, мы должны это сделать. С другой стороны, учитывая, какие личности вовлечены в это дело, я думаю, что здесь следует соблюдать крайнюю осторожность. Я заверил Смазерса, что вскоре позвоню ему, поэтому я буду признателен вам, если вы как можно скорее посоветуете, как нам следует поступить. Пожалуйста, переговорите со мной, прежде чем дело пойдет дальше. Я убежден в том, что, учитывая решение Смазерса поддерживать президента в будущем году, нам лучше заняться этим делом, а не спустить его на тормозах.

По очевидным причинам с прилагаемым должны ознакомиться только Вы, и оно должно остаться в том же виде»¹⁸.

Текст докладной напечатан на машинке. Но наверху и внизу рукой автора написано: «Только для ознакомления». Эта формула используется на самых секретных документах. Что же заставило помощника президента ставить такой гриф? Послушаем, что говорил Джон Смазерс Колсону. Он просил, чтобы президент Никсон помог освободить из заключения некоего Кэлвина Ковенса, который был осужден в 1963 году за незаконную сделку.

Поясняя политическую выгоду, которая ожидает Никсона, Смазерс сказал: «Я действительно считаю, что с политической точки зрения было бы очень предусмотрительно, если президент сделает это (добьется освобождения Ковенса.— Авт.)». Это, по словам Смазерса, может обеспечить ему голоса евреев в городе Майами.

Через семь дней преступник был на свободе.

А некоторое время спустя Ковенс внес 30 тысяч долларов наличными в Комитет по переизбранию президента Никсона.

В ходе уотергейтских расследований было обращено внимание и на досрочное освобождение одного из боссов Мафии в штате Нью-Джерси, Анджело Де Карло по кличке Мошенник. Де Карло занимал высокий пост «капитана» («капо») в «семье» Дженовезе. Занимался вымогательством и другой преступной деятельностью. Однажды избил до полусмерти некоего бизнесмена Саперстейна, добиваясь от него денег. Тот чудом выжил, сообщил в полицию, но предупредил, что опасается за свою жизнь. Действительно, вскоре он умер от отравления¹⁹. В 1970 году Де Карло по обвинению в вымогательстве был осужден на 12 лет. Кто из политических деятелей ходатайствовал за него — осталось тайной. Известно лишь, что Дин принес президенту текст указа о помиловании, и Никсон подписал его. Это было за две недели до выборов 1972 года.

«Уотергейт» отразил процессы развития государственно-монополистического капитализма, роста военно-промышленного комплекса. Беспрецедентное увеличение военных расходов, расширение государственного вмешательства в экономику ведут к тесному переплетению государственных ведомств и крупнейших корпораций, к созданию условий для процветания коррупции. Мномомиллиардные правительственные заказы, совместные частно-государственные программы, различные льготы и поблажки монополиям становятся источником баснословных прибылей для бизнесменов и взяток для чиновников. Рост ГМК усилил борьбу между крупнейшими монополистическими объединениями за влияние на администрацию и конгресс. Отсюда щедрые пожерт-

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

EVES ONLY

December 30, 1971

MEMORANDUM FOR: JOHN DEAN

FROM: CHUCK COLSON ^{HNZ}

The attached is much too hot for me to handle. Smathers called me, I assumed, just to talk politics. The moment he began to get into the subject I turned on the recorder. Hence you have the full transcript attached.

Obviously he makes a very good point and I would assume if there is anything we can do properly, we should. On the other hand, in view of the personalities involved here I would think this has to be handled with extreme care. I assured Smathers I would get back to him quickly, so I would appreciate your earliest advice as to what we should do. Please discuss with me before getting this too far along. I do think, however, in view of Smathers' decision to support the President next year that we had better attend to this and not let it slip.

For obvious reasons, the attached should be used only by you and left in the form it is in.

EVES ONLY

Докладная записка с грифом «сверхсекретно»
сотрудникам Белого дома. Ч. Колсон сообщает
юрисконсульту президента Никсона Д. Дину о просьбе
сенатора Смазерса помиловать уголовного преступника.

вования — легальные и тайные — в избирательные фонды буржуазных деятелей — республиканцев и демократов.

«Уотергейт» стал символом «политики со взломом», коррупции и беззакония в высших эшелонах власти. В этом смысле «уотергейт» возник задолго до самого «уотергейтского дела». И он остался неотъемлемым элементом американской политической системы и после того, как конгресс и суды прекратили свои разбирательства «уотергейтского дела», а его осужденные участники угодили за решетку, а затем вышли на свободу.

Конечно, самого «уотергейтского дела» могло и не быть, окажись ночной сторож менее, а взломщики — более внимательными. И тогда длинный список нераскрытых уголовно-политических преступлений пополнился бы еще одним. Но какое-то из них рано или поздно должно было всплыть на поверхность. Поэтому как политический скандал «уотергейт» был неизбежен. К нему вели и привели многие пути-дороги современной Америки. Он возник не на глухих закоулках американского буржуазного общества, а на пересечении его центральных магистралей. Так же как и комплекс «Уотергейт», возвышающийся в центре столицы. И поэтому никакие лицемерные кампании Вашингтона в «защиту прав человека» не могут скрыть от мировой общественности факты морального разложения и нравственного упадка господствующего класса страны.

Источники

От автора

¹ Новая Программа Коммунистической партии США.— США: экономика, политика, идеология, 1970, № 11, с. 82.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1978, т. 6, с. 592.

³ Draft Main Political Resolution for the 21st National Convention Communist Party USA, February 1974, p. 25.

Раздел I.

Организованная преступность, бизнес, политика

Немного истории

¹ Servadio G. Mafioso. N. Y., 1976, p. 24.

² Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1933, vol. 10, p. 36.

³ Cook F. The Secret Rulers. N. Y., 1966, p. 63.

⁴ Zorbaugh H. W. The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side. Chicago, University of Chicago Press, 1929, p. 77.

⁵ Messik H. and Goldblatt B. The Mobs and the Mafia. N. Y., 1972, p. 22.

⁶ Ianni F. with Reuss-Ianni E. A Family Business. N. Y., 1973, p. 62.

⁷ Cook F. Op. cit., p. 78.

⁸ Ibid., p. 133.

Мафия, «Коза nostra» или..?

¹ Cook F. The Secret Rulers. N. Y., 1966, p. 12.

² Ibid., p. 12—13.

³ Cressy D. Theft of the Nation. N. Y., 1969, p. 60, 112—117.

⁴ Слово «buttons» иногда неверно переводят как «кнопки» (см.: США: преступность и политика. М., 1972, с. 110). В действительности происхождение этого названия связано с тем, что в Сицилии на мундирах у карабинеров были большие блестящие медные пуговицы.

⁵ Hearings before the Permanent Subcommittee on Investigations of the Senate Committee on Government Operations. Wash., 1963, p. 6.

- ⁶ Cressy D. Op. cit., p. 21.
⁷ Messick H. Lansky. N. Y., 1971, p. 8.
⁸ Gage N. Mafia, USA. N. Y., 1972, p. 11.
⁹ A Theory of Organized Crime Control: A Preliminary Statement, Prepared by the Technical Staff and Consultants of the New York State Identification and Intelligence System, May 1966, p. 2.
¹⁰ Fortune, January 1931, p. 1.
¹¹ Lindesmith H. Organized Crime.—The Annals of the American Academy of Political and Social Science, September 1941, vol. 217, p. 119.
¹² Reckless W. The Crime Problem. N. Y., 1950, p. 142.
¹³ Task Force Report: Organized Crime. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Wash., 1967, p. 3.
¹⁴ США: преступность и политика, с. 107—108.
¹⁵ A Study of Organized Crime in Illinois. Chicago, 1972, p. 264—271.
¹⁶ The Crime Establishment. Organized Crime and American Society. Ed. by S. Conklin. Englewood Cliffs, N. Y., 1973, p. 5.
¹⁷ Kefauver E. Crime in America. N. Y., 1968, p. 12.

Карьера Счастливчика Чарли

- ¹ Gosch M., Hammer R. The Last Testament of Lucky Luciano. Boston, 1975, p. 29.
² New York, 1972, July 17, p. 38.
³ Servadio G. Mafioso. A History of the Mafia from its Origins to the Present. N. Y., 1976, p. 82.
⁴ Lewis N. The Honored Society. N. Y., 1964, p. 20.
⁵ В статье Н. Русакова «Эпизоды из истории мафии» утверждается, что Лучано «вернулся на родину вместе (?) с американскими войсками, высадившимися на Сицилию в 1944 г. (?)» (Новая и новейшая история, 1967, № 3, с. 33). В действительности операции союзных войск по захвату Сицилии были не в 1944 году, а в июле — августе 1943 года, Лучано же прибыл на Сицилию в феврале 1946 года. Ю. М. Каграманов (Новая и новейшая история, 1970, № 3, с. 76), ссылаясь на Ф. Кука, утверждает, будто Лучано «в 1943 г. был освобожден из тюрьмы и выслан на родину, в Италию». В действительности, как об этом, в частности, пишет и Ф. Кук, Лучано находился в тюрьме вплоть до своей высылки в феврале 1946 года.
⁶ Sondern F. The Brotherhood of Evil. N. Y., 1959.
⁷ Wolf G. with DiMona J. Frank Costello Prime Minister of the Underworld. N. Y., 1974, p. 258.
⁸ Гамбино считался «боссом всех боссов» Мафии до своей смерти в 1976 году, когда его место попытался захватить Кармине Галанте. О развернувшейся в Мафии междоусобице было рассказано в корреспонденциях и статьях: В. Кобыша «Похороны «крестного отца» (Известия, 1976, 22 октября); М. Стурра «Мафия в США: триумvirат перед схваткой» (Известия, 1976, 26 ноября); В. Кобыша «Новый главарь мафии» (Известия, 1977, 4 марта). См. также Time, 1977, May 16, p. 26—27; Time, 1978, November 13, p. 29.

Человек в тени

- ¹ *Messick H. Lansky*. N. Y., 1971, p. 8.
- ² *Gage N. Mafia. The Inside Story of the Mafia in America and in Britain*. L., 1973, p. 50.
- ³ *Messick H.* Op. cit., p. 183.
- ⁴ *Ibid.*, p. 185.
- ⁵ *The New York Times*, 1971, July 3.
- ⁶ *The New York Times*, 1973, October 5.
- ⁷ *The New York Times*, 1971, July 22.
- ⁸ *The New York Times*, 1971, March 25.
- ⁹ *Facts on File*, 1973, April 7, p. 283.

Когда стираются грани...

- ¹ *Encyclopedia of Social Sciences*. N. Y., 1937, vol. 13, p. 45.
- ² *Webster's Seventh New Collegiate Dictionary*. 1969, p. 705.
- ³ *Hostetter G. and Beesly T. It's a Racket!* Chicago, 1929, p. 170.
- ⁴ *Racketeer Infiltration into Legitimate Business. A Report by the New York State Commission of Investigation*. N. Y., 1970, p. 86.
- ⁵ U. S. Congress, Senate Select Committee on Small Business. Washington, 1968, p. 10.
- ⁶ U. S. Congress, Senate Permanent Subcommittee on Investigation of the Committee on Government Operations. Wash., 1971, part 3, p. 820.
- ⁷ *Time*, 1977, May 16, p. 33.
- ⁸ *Peck R. Getaway Guide to Las Vegas*. N. Y., 1973, p. 11.
- ⁹ *Reid E. and Demaris O. The Green Felt Jungle*. N. Y., 1964, p. 180.
- ¹⁰ U. S. News and World Report, 1976, February 9, p. 52.
- ¹¹ США: преступность и политика, с. 119.
- ¹² *Federal Effort against Organized Crime: Role of the Private Sector. Hearings*. Wash., 1970, p. 27.
- ¹³ *Ibid.*, p. 3.
- ¹⁴ *Grutzner Ch. How to Look out the Mafia.*— *Harvard Business Review*, March — April 1970, p. 46.
- ¹⁵ *Organized Crime. Techniques for Converting Worthless Securities into Cash. Hearings*. Wash., 1972, p. 361.
- ¹⁶ *Racketeer Infiltration into Legitimate Business*. Op. cit., p. 24.
- ¹⁷ *Harper's Magazine*, February 1930, p. 306.
- ¹⁸ *Clarke T. and Tighe J. Dirty Money*. N. Y., 1975, p. 91.

«Удивительная» позиция ФБР

- ¹ *Кларк Р. Преступность в США*. Пер. с англ. М., 1975, с. 103.
- ² *Nash R. Citizen Hoover*. Chicago, 1972, p. 92.
- ³ *Messick H. John Edgar Hoover*. N. Y., 1972, p. 50.
- ⁴ *Salerno R. and Tompkins J. The Crime Confederation*. N. Y., 1969, p. 245.

- ⁵ The New York Times, 1964, December 6.
⁶ Life, 1971, April 9.
⁷ Time, 1978, January 23, p. 43.
⁸ U. S. News and World Report, 1976, March 8, p. 25.

Одиссея Фрэнка Серпико

- ¹ «Копы» — так называют в США полицейских.
² Maas P. Serpico. N. Y., 1973, p. 89.
³ Ibid., p. 47.
⁴ The Knapp Commission Report on Police Corruption. N. Y., 1973, p. 3.
⁵ Ibid., p. 4—5
⁶ Ibid., p. 6.
⁷ Esquire, June 1973, p. 42.
⁸ U. S. Congress Senate Permanent Subcommittee on Investigations of the Committee on Government Operations. Wash., 1971, part 3, p. 838.
⁹ Salerno R. and Tompkins J. The Crime Confederation. N. Y., 1969, p. 244
¹⁰ Daily World, 1978, July 8.

Глубокие корни

- ¹ Messick H. and Goldblatt B. The Mobs and the Mafia. N. Y., 1972, p. IX.
² The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task Force Report: Organized Crime. Wash., 1967, p. 10.
³ Ibid., p. 1.
⁴ Кларк Р. Преступность в США. Пер. с англ. М., 1975, с. 87, 89.
⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 165.
⁶ США: экономика, политика, идеология, 1970, № 11, с. 81.
⁷ Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. Пер. с англ. М., 1976, с. 148.
⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 94.
⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 323—324.
¹⁰ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правилах Соединенных Штатов Америки. Пер. с англ. М., 1971, с. 178, 196.
¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 171.
¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 355.
¹³ President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task Force Report: Organized Crime. Wash., 1967, p. 2.
¹⁴ Кларк Р. Преступность в США, с. 86, 94.
¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 199—200.
¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 164—165.
¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 214.
¹⁸ The National Party Platforms 1840—1968 Urbana, 1972, p. 89.
¹⁹ Цит. по: Washington Post, 1973, November 26.

- ²⁰ См. об этом: *Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1979, с. 78—79.*
- ²¹ См. раздел III «Дороги, ведущие к «уотергейту».
- ²² *Parade*, 1977, August 7, p. 8.
- ²³ *A Study of Organized Crime in Illinois. Chicago, 1972, p. 265.*
- ²⁴ *Кан А. Измена родине. Пер. с англ. М., 1950, с. 181.*
- ²⁵ *Бойер Р., Морейс Г. Нерассказанная история рабочего движения. Пер. с англ. М., 1957, с. 445.*
- ²⁶ Там же, с. 482—483.
- ²⁷ *The Washington Monthly*, June 1975, p. 48.
- ²⁸ *Time*, 1977, May 16, p. 27.
- ²⁹ *U. S. News and World Report*, 1976, February 9, p. 51.
- ³⁰ *Plute T. Crime Pays! N. Y., 1976.*
- ³¹ *Talese G. Honor thy Father N. Y., 1972, p. 354—355.*
- ³² *Parade*, 1977, August 7, p. 9.

Упадок или расцвет?

- ¹ *U. S. News and World Report*, 1976, February 9, p. 50.
- ² *The American Way of Crime. A Documentary History. Ed. by W. Maquin with Ch. Van Doren. N. Y., 1976, p. 212.*
- ³ *Ianni F. Black Mafia. N. Y., 1974, p. 16.*
- ⁴ *Ibid.*, p. 280.
- ⁵ *Der Spiegel*, 22. Mai 1978, S. 162.
- ⁶ *Organized Crime Control. Hearings. Wash., 1970, p. 86.*
- ⁷ *Time*, 1977, May 16, p. 27.
- ⁸ *Federal Efforts against Organized Crime: Role of the Private Sector. Hearings. Wash., 1970, p. 35.*
- ⁹ *Congress and the Nation. Wash., 1965, p. 1746.*
- ¹⁰ *Measures Relating to Organized Crime. Hearings before the Subcommittee on Criminal Laws and Procedures of the Committee on the Judiciary, United States Senate. Wash., 1969, p. 115.*
- ¹¹ *Salerno R. and Tompkins J. The Crime Confederation. N. Y., 1969, p. 271.*
- ¹² *Facts on File*, 1976, August 21, p. 604.
- ¹³ *Facts on File*, 1976, July 3, p. 474.
- ¹⁴ *Известия*, 1979, 31 марта.
- ¹⁵ *Parade*, 1977, August 7, p. 8.

Раздел II.

Зловещий альянс:

ЦРУ — мафия

Заговор в Лэнгли

- ¹ *Alleged Assassination Plots Involved Foreign Leaders. An Interim Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United State Senate. Wash., 1975, p. 73.*

- ² *Reid E. The Grim Reapers*. N. Y., 1972, p. 94.
³ *The Washington Post*, 1976, May 16.
⁴ *Alleged Assassination Plots Involved Foreign Leaders*. Op. cit., p. 80—81.

«Правдоподобное отрицание»

- ¹ *Alleged Assassination Plots Involved Foreign Leaders*. Op. cit., p. 95.
² *The Washington Post*, 1975, December 2.
³ *Ibidem*.
⁴ *Special Group Minutes*, 1960, November 3.
⁵ *Alleged Assassination Plots Involved Foreign Leaders*. Op. cit., p. 111.
⁶ *Ibidem*.
⁷ *Maxwell Taylor*. Report to the President, 1961, June 13, p. 8.
⁸ *McManus memo*, 1962, January 19, p. 2.
⁹ *Memo Harvey to Helms*, 1962, August 14.

Под кодовым названием «ZR/RIFLE»

- ¹ *Alleged Assassination Plots Involved Foreign Leaders*. Op. cit., p. 182.
² *Memo to CIA Finance Division, Re: Payments to QJ/WIN*, 1962, January 1.
³ *CIA file, ZR/RIFLE, Personality Sketches*.
⁴ *CIA Cable, Leopoldville to Director*, 1960, November 13.
⁵ *CIA Cable, Station Officer to Tweedy*, 1960, November 29.
⁶ *CIA Cable*, 1960, November 30.
⁷ *CIA Cable, Chief of Africa Division to Station Officer*, 1960, November 30.
⁸ *CIA Cable*, 1962.
⁹ *Inspector General Memo*, 1975, March 14.
¹⁰ *Alleged Assassination Plots Involved Foreign Leaders*. Op. cit., p. 13.

Мафия и убийство в Далласе

- ¹ *Reid E. The Grim Reapers*. N. Y., 1972, p. 153.
² *Ibid.*, p. 162.
³ *Ibidem*.
⁴ *The Washington Post*, 1976, May 15.
⁵ *The International Herald Tribune*, 1978, September 30 — October 1.
⁶ *The Washington Post*, 1976, May 16.
⁷ *Report of the Select Committee on Assassinations*. U. S. House of Representatives. Wash., 1979, p. 147.
⁸ *Манчестер У. Убийство президента Кеннеди*. Пер. с англ. М., 1969, с. 441, 481.
⁹ *Report of the Select Committee on Assassinations*. Op. cit., p. 169—170.
¹⁰ *Ibid.*, p. 170.

- ¹¹ Ibid., p. 90.
¹² См.: *Петрусенко В.* Таинственный агент.— Неделя, 1978, № 33, с. 17.
¹³ Литературная газета, 1978, 30 августа.
¹⁴ Time, 1975, June 30, p. 31.
¹⁵ The International Herald Tribune, 1976, August 10.

Раздел III.

Дороги, ведущие к «уотергейту»

Душной летней ночью...

- ¹ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States Senate. Watergate and Related Activities. Book 1. Wash., 1973, p. 404—405.
² *Myerson M.* Watergate. Crime in the Suites. N. Y., 1973, p. 108—109.
³ Sun-Dance, November — December 1972, p. 36.
⁴ *McCoy A et al.* The Politics of Heroin in South-East Asia. N. Y., 1972, p. 25.
⁵ Rolling Stone, 1976, May 20, p. 45.
⁶ *Magruder J.* An American Life. N. Y., 1974, p. 190—191.
⁷ Ibid., p. 191.
⁸ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 1, p. 933.
⁹ Ibid., p. 450.
¹⁰ The Final Report of the Select Committee on Presidential Campaign Activities, United States Senate. Wash., 1974, p. 2.

Сколько было «уотергейтов»?

- ¹ Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United States Senate. Wash., 1976, book 3, p. 8.
² Intelligence Activities and the Rights of Americans. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United States Senate. Washington, 1976, book 2.
³ *Haldeman H. R.* with *DiMona J.* The Ends of Power. L., 1978, p. 81.
⁴ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States Senate, Watergate and Related Activities. Wash., 1973, book 4, p. 1689.
⁵ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1973, May 28, p. 695.

⁶ Presidential Campaign Activities of 1972. Op. cit., book 9, p. 3879.

⁷ Ibid., p. 3886.

⁸ Presidential Campaign Activities of 1972. Op. cit., book 6, p. 2645.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1973, May 28, p. 695.

¹¹ *Mankiewicz F.* Perfectly Clear. Nixon from Whittier to Watergate. N. Y., 1973, p. 137.

¹² *Myerson M.* Watergate. Crime in the Suites. N. Y., 1973, p. 138.

«Вся президентская рать»

¹ Presidential Documents. Richard Nixon. Wash., 1973, p. 1293.

² Life, 1970, July 31, p. 58.

³ *Myerson M.* Watergate. Crime in the Suites. N. Y., 1973, p. 168.

⁴ The Final Report of the Select Committee on Presidential Campaign Activities, United States Senate. Wash., 1974, p. 1031.

⁵ Ibid., p. 1034, 1052.

⁶ *Kefauver E.* Crime in America. N. Y., 1968, p. 104.

⁷ Rolling Stone, 1976, May 20, p. 80.

⁸ New York Review of Books. 1973, May 3, p. 12.

⁹ *Reid E.* The Grim Reapers. Chicago, 1972, p. 297.

¹⁰ *Messick H.* and *Goldblatt B.* The Mobs and the Mafia. N. Y., 1972, p. 28.

¹¹ Newsday, 1971, October 7, p. 14.

¹² Sun-Dance, November — December 1972, p. 64.

¹³ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States Senate. Watergate and Related Activities. Wash., 1973, book 3, p. 1072.

¹⁴ NACLA's Latin America and Empire Report, N 8, October 1972, vol. 6, p. 4, 14.

¹⁵ *Reid E.* Mickey Cohen: Mobster. N. Y., 1973, p. 42, 180.

¹⁶ *Pirson D.* and *Anderson J.* USA: Second Class Power. N. Y., 1958, p. 281.

¹⁷ Rolling Stone, 1976, May 20, p. 43.

¹⁸ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 15, p. 6570.

¹⁹ Ibid., p. 6698.

²⁰ Ibid., p. 6882.

Самый экстравагантный, самый типичный

¹ Rolling Stone, 1976, May 20, p. 78.

² Time, 1970, December 21, p. 45.

³ *Dietrich N.* Howard. The Amazing Mr. Hughes. Greenwich, Conn. 1972, p. 53.

- ⁴ The Washington Post, 1975, April 1.
- ⁵ The New York, 1976, August 16, p. 26.
- ⁶ Time, 1976, April 19, p. 33.
- ⁷ The New York Times, 1975, March 20.
- ⁸ Dietrich N. Op. cit., p. 168.
- ⁹ Ibid., p. 202.
- ¹⁰ Mankiewicz F. Perfectly Clear. Nixon from Whittier to Watergate. N. Y., 1973, p. 36.
- ¹¹ Voorhis J. The Strange Case of the Richard Milhous Nixon. N. Y., 1973, p. 14.
- ¹² Ibid., p. 15.
- ¹³ Dietrich N. Op. cit., p. 281.
- ¹⁴ The Washington Post, 1973, October 7.
- ¹⁵ The Final Report of the Select Committee on Presidential Campaign Activities, United States Senate. Wash., 1974, p. 959.
- ¹⁶ Rolling Stone, 1976, May 20, p. 82.
- ¹⁷ The Washington Post, 1973, October 1.
- ¹⁸ The Final Report. Op. cit., p. 981.
- ¹⁹ Time, 1970, December 21.
- ²⁰ New York., 1976, August 16, p. 28.

Крупнейший в мире мошенник

- ¹ Congressional Record, 1975, March 11, p. S-3609.
- ² Dorman M. Vesko. The Internal Money-making Machine. N. Y., 1975, p. 33.
- ³ Ibid., p. 130.
- ⁴ Watergate: Chronology of a Crisis. Vol. 2, Wash., 1974, p. 399.

Что искали взломщики?

- ¹ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States Senate, Watergate and Related Activities. Wash., 1974, book 21, p. 9955-9957.
- ² Dean J. Blind Ambition. The White House Years. N. Y., 1976, p. 66.
- ³ Rolling Stone, 1976, May 20, p. 84.
- ⁴ Ibid., p. 84-85.
- ⁵ The Washington Post, 1975, September 21.
- ⁶ Magruder I. An American Life. N. Y., 1974, p. 194-195.
- ⁷ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 2, p. 790.
- ⁸ Watergate: Chronology of a Crisis. Wash., 1973, p. 92-93.
- ⁹ Watergate: Chronology of a Crisis. Wash., 1974, vol. 2, p. 275.
- ¹⁰ The Presidential Transcripts in Conjunction with the Staff of «The Washington Post». N. Y., 1974, p. 183.
- ¹¹ Mankiewicz F. Perfectly Clear. Nixon from Whittier to Watergate. N. Y., 1973, p. 140.
- ¹² Ibid., p. 139.
- ¹³ Ibid., p. 140.

¹⁴ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 2, p. 793, 835.

¹⁵ Watergate: Chronology of a Crisis. Wash., 1974, vol. 2, p. 395.

¹⁶ *Haldeman H. R. with DiMona J.* The Ends of Power. L., 1978, p. 156.

Операция «COVER UP»

¹ *Magruder I.* An American Life. N. Y., 1974, p. 240—241.

² Ibid., p. 242.

³ *Haldeman H. R. with DiMona J.* The Ends of Power. L., 1978, p. 13.

⁴ The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978, p. 632.

⁵ Watergate: Chronology of Crisis. Wash., 1974, vol. 2, p. 399, 400.

⁶ Ibid., p. 403.

⁷ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States Senate. Wash., 1973, book 4, p. 936.

⁸ Watergate: An Unfinished Story of Money and Politics. Wash., 1974, p. 39.

⁹ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 3, p. 934.

¹⁰ *Mankiewicz F.* U. S. v. Richard M. Nixon. The Final Crisis. N. Y., 1975, p. 50.

¹¹ Ibid., p. 172.

¹² Watergate: Chronology of Crisis. Op. cit., p. 380, 381.

¹³ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 3, p. 959.

¹⁴ Ibid., p. 1029.

¹⁵ *Bernstein C., Woodward B.* All the President's Men. N. Y., 1974, p. 275.

¹⁶ *Dean J.* Blind Ambition. The White House Years. N. Y., 1976, p. 98, 212, 392.

¹⁷ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings. Op. cit., book 3, p. 950.

¹⁸ Transcripts of Eight Recorded Presidential Conversations. Wash., 1974, p. 109, 115, 119.

¹⁹ The Washington Post, 1973, June 3.

²⁰ U. S. News and World Report, 1974, April 8, p. 28—30.

²¹ The Memoirs of Richard Nixon. Op. cit., p. 1083.

Случайность или закономерность?

¹ The New York Times, 1977, May 13.

² Ibidem.

³ Watergate: Chronology of a Crisis, vol. 2, p. 395.

⁴ The New York Times, 1977, May 13.

⁵ Presidential Campaign Activities of 1972. Hearings before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of the United States Senate, Watergate and Related Activities. Wash., 1973, book 3, p. 1242.

-
- ⁶ США: экономика, политика, идеология, 1970, № 11, с. 90.
- ⁷ Presidential Campaign Activities of 1972. Op. cit., book 1, p. 388.
- ⁸ Иностранная литература, 1977, № 1, с. 244.
- ⁹ США: экономика, политика, идеология, 1978, № 7, с. 32, 33.
- ¹⁰ Draft Main Political Resolution for the 21st National Convention Communist Party USA, 1974, February 1, p. 24.
- ¹¹ Ibid., p. 21.
- ¹² США: экономика, политика, идеология, 1970, № 11, с. 78.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ U. S. News and World Report, 1975, October 27, p. 63.
- ¹⁵ Presidential Campaign Activities of 1972. Op. cit., book 1, p. 128—129.
- ¹⁶ The Washington Post, 1976, May 6.
- ¹⁷ Presidential Campaign Activities of 1972. Op. cit., book 3, p. 917.
- ¹⁸ The Final Report of the Select Committee on Presidential Campaign Activities, United States Senate. Wash., 1974, p. 277.
- ¹⁹ Gage N. Mafia, USA. N. Y., 1972, p. 289.

Содержание

Раздел I.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ, БИЗНЕС, ПОЛИТИКА 7

Немного истории	9
Мафия, «Коза ностра» или..?	18
Карьера Счастливчика Чарли	27
Человек в тени	46
Когда стираются грани...	60
«Удивительная» позиция ФБР	75
Одиссея Фрэнка Серпико	91
Глубокие корни	101
Упадок или расцвет?	119

Раздел II.

ЗЛОВЕЩИЙ АЛЬЯНС: ЦРУ — МА- ФИЯ 129

Заговор в Лэнгли	131
«Правдоподобное отрицание»	139
Под кодовым названием «ZR/RIFLE»	149
Мафия и убийство в Далласе	154

Раздел III.

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ К «УОТЕРГЕЙ- ТУ» 171

Душной летней ночью...	173
Сколько было «уотергейтов»?	182
«Вся президентская рать»	189
Самый экстравагантный, самый типич- ный	204
Крупнейший в мире мошенник	227
Что искали взломщики?	236
Операция «COVER UP»	247
Случайность или закономерность?	263

ИСТОЧНИКИ 276

Игорь
Александрович
Геевский

Мафия, ЦРУ, Уотергейт

Очерки
об органи-
зованной
преступности
и поли-
тических
нравах
в США

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ:

события
факты
документы

Заведующий редакцией
А. В. Никольский

Редактор
О. В. Вадеев

Мл редактор
Л. В. Сидашенко

Художник
А. А. Брантман

Художественный редактор
Е. Л. Андрусенко

Технический редактор
И. А. Золотарева

ИБ № 756

Сдано в набор 16.06.80

Подписано в печать

22.10.80. А00177. Формат

84×108¹/₃₂. Бумага типо-

графская № 1. Гарни-

тура «Школьная». Печать

высокая. Условн.

печ. л 15,12. Учетно-изд.

л. 14,59. Тираж 100 тыс

экз. Заказ № 248. Цена

60 коп.

Политиздат 125811, ГСП,

Москва, А-47,

Миусская пл., 7.

Ордена Ленина

типография

«Красный пролетарий».

Москва,

Краснопролетарская, 16.

60 коп.

